

О. В. Кузнецова

세종대왕

КОРЕЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МИР О КОРЕЕ И КОРЕЯ О МИРЕ

Серия «Трансдисциплинарная регионология»

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Трансдисциплинарная регионология

О. В. Кузнецова

**КОРЕЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ:
МИР О КОРЕЕ И КОРЕЯ О МИРЕ**

Монография

УДК 94(519)
ББК 65.04(3)
К89

Серия основана в 2020 году

Печатается по решению Ученого совета ИФИЯМ ИГУ

Научный редактор

д-р филол. наук, проф. *Е. Ф. Серебренникова*

Рецензенты:

д-р социол. наук, доц. *И. А. Савченко*
канд. филол. наук, доц. *В. В. Вишнякова*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология
регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона
в русле современной трансдисциплинарной регионологии»*

Кузнецова О. В.

К89

Корейские региональные исследования: мир о Корее и
Корея о мире : монография / О. В. Кузнецова ; [под науч.
ред. Е. Ф. Серебренниковой]. – Иркутск : Издательство ИГУ,
2020. – 193 с. – (Трансдисциплинарная регионология).

ISBN 978-5-9624-1910-7

Монография, выполненная в русле трансдисциплинарной регионологии, посвящена изучению корейских региональных исследований с точки зрения двух векторов эволюционного процесса, определяющих его своеобразие: вектора становления в последовательно выделяемых периодах и вектора распространения знаний о Корее в других государствах на примере России и западных стран.

Исследование может представлять интерес как для регионологов, так и для широкого круга других специалистов – культурологов, историков, социологов, педагогов и всех тех, кто интересуется историей и культурой Кореи, а также общими вопросами изучения регионов.

УДК 94 (519)
ББК 65.04(3)

ISBN 978-5-9624-1910-7

© Кузнецова О. В., 2020
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	7
Глава 1. Периоды проторегиологического и региологического знания в Корее.....	14
1.1. Зарождение проторегиологического знания.....	14
1.2. Историописание как основной источник знаний о регионе	17
1.3. Начало изменений традиционных корейских представлений о Корее и о мире, первые попытки проникновения западной научной мысли	24
1.4. Политика «страны-отшельниц» и открытие Кореи миру.....	29
1.5. Обогащение научным опытом других стран, активное изучение стран-соседей.....	32
1.6. Сложности с приобретением новых научных знаний в период колонизации, политика «уничтожения нации»	34
Глава 2. Период региональных исследований в Корее	39
2.1. Институализация мировой региональной науки, появление первой официальной организации.....	40
2.2. Деятельность Корейской ассоциации региональной науки на современном этапе	42
2.3. Ведущие научные центры по региональным исследованиям	47
2.4. Государственная политика национального и регионального развития.....	76
2.5. Приоритетные направления корейских региональных исследований на современном этапе.....	91
Глава 3. Корееведение в России	122
3.1. Зарождение корееведения. Описательно-регионоведческие исследования.....	122
3.2. Современный этап развития корееведения в России ..	131

Глава 4. Корееведение в западных странах.....	145
4.1. Зарождение корееведения. Описательно- регионоведческие исследования	145
4.2. Современный этап развития корееведения в за- падных странах.....	156
 Заключение	168
Библиографический список	172
 <i>Приложение 1.</i> Научные центры и вузы Кореи, зани- мающиеся региональными исследованиями	187
<i>Приложение 2.</i> Российские научные центры, зани- мающиеся изучением Кореи	189
<i>Приложение 3.</i> Западные научные центры, занима- ющиеся изучением Кореи	190
<i>Приложение 4.</i> Западные вузы, занимающиеся изу- чением корееведения	191

Посвящается светлой памяти
Олега Марковича Готлиба,
открывшего для меня Корею

ОТ АВТОРА

Автор благодарит:

Евгению Федоровну Серебренникову, доктора филологических наук, профессора, – за неоценимую помощь в работе над книгой, а также постоянную поддержку исследований преподавателей кафедры востоковедения и регионоведения АТР;

Уважаемых рецензентов *Ирину Александровну Савченко*, доктора социологических наук, доцента, начальника международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, и *Веру Владимировну Вишнякову*, кандидата филологических наук, доцента, руководителя департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», – за ценные комментарии и интерес к данной работе;

коллег по грантовому проекту «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» *Екатерину Викторовну Лесниковскую*, *Светлану Борисовну Макееву*, *Надежду Сергеевну Карачеву*;

руководство Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ и лично его директора *Марину Борисовну Ташлыкову*, а также коллектив кафедры востоковедения и регионоведения АТР за поддержку и интерес к проекту;

Российский фонд фундаментальных исследований – за финансовую поддержку проекта.

Отдельная благодарность коллеге по проекту и верному соратнику *Евгению Владимировичу Кремнёву* за оптимизм и веру в возможность реализации проекта, научные головоломки и амбициозные планы на будущее, на обсуждение которых ушла значительная часть этих двух лет, моему брату *Михаилу Владимировичу Кузнецову* за его энциклопедические знания и оживленные научные дискуссии, результатом которых стали основные выводы данной работы, и старшему преподавателю кафедры востоковедения и регионоведения АТР *Аюне Александровне Орсовой* за помощь в понимании тонкостей корейского языка.

ВВЕДЕНИЕ

Во время проведения Всемирного экономического форума в Давосе традиционно публикуется рейтинг самых инновационных стран по версии компании Bloomberg (*Bloomberg Innovation Index*). Эксперты формируют рейтинг на основе таких показателей, как расходы на научные исследования и разработки, производственные мощности, количество высокотехнологичных государственных компаний, уровень высшего образования, количество патентов, добавленная стоимость производства на душу населения, количество научных кадров. Шесть лет подряд – с 2014 по 2019 г. Южная Корея занимала первое место в этом рейтинге, лишь в 2020 г. уступив лидерство Германии и заняв второе место [Jamrisko, Lu, 2020].

Данное достижение вызывает особый интерес в связи с тем фактом, что стране удалось продемонстрировать выдающийся экономический рост и интеграцию в глобальное сообщество и превратиться в высокотехнологичную промышленную державу за сравнительно короткий отрезок времени. Как известно, в 1960-х гг. ВВП страны на душу населения находился примерно на уровне беднейших стран Азии и Африки, а в середине 2000-х гг. Южная Корея вошла в список мировых экономик с ВВП, превышающим триллион долларов.

За шестилетний период лидерства в рейтинге страна занимала первое место по следующим критериям: расходы на научные исследования и разработки, уровень высшего образования, количество патентов на исследования и др. [The Bloomberg Innovation Index].

Профессор Пак Хичже, начальник отдела стратегического планирования научных исследований и разработок Министерства торговли, промышленности и энергетики Южной Кореи, выступая на семинаре Организации Объединенных Наций по промышленному развитию, подчеркнул, что именно научные исследования являются неотъем-

лемым стимулом экономического роста и промышленного прогресса как в развитых, так и в развивающихся странах. У разных стран разные приоритеты, но можно вывести и общие направления развития:

- наименее развитые страны должны в первую очередь стремиться к созданию достаточного количества рабочих мест, а страны с низким доходом – к диверсификации экономики;

- страны со средним доходом нуждаются в более передовых отраслях промышленности и рабочих местах для высококвалифицированных кадров, а странам с доходом выше среднего следует развивать наукоемкую промышленность [Arthur].

Примечательно, что Республике Корея удалось за столь короткий период пройти практически все стадии, описанные выше, и получить возможность в XXI в. делиться опытом с другими странами, принимая участие в мероприятиях ООН.

Приведем еще одно яркое высказывание. Профессор делового администрирования одного из ведущих частных исследовательских университетов Южной Кореи – университета Ханянг (г. Сеул) Чжан Сокквон говорит: «У нас нет других натуральных ресурсов, только наши мозги... расходы на научные исследования и разработки определяют жизнь или смерть южнокорейских компаний» [Jamrisko, Lu, 2020].

Таким образом, вышеприведенные факты делают изучение корейского опыта в сфере научных достижений в целом и региональных исследований в частности чрезвычайно актуальным.

Представляется целесообразным отметить, что становление региональных исследований в этой стране носило особый характер, прежде всего в силу исторического контекста. Как известно, в истории Кореи был достаточно продолжительный период изоляции – время, в которое страна сознательно выбрала политику «закрытия границ», считая внешний мир опасной территорией, населенной варварами. Соответственно, проникновение научного знания в страну в

этот исторический отрезок было затруднено, а у западного мира сложилось искаженное представление о Корее, как о варварской стране-отшельнице, сравнительно менее цивилизованной и не заслуживающей того, чтобы ее изучали. Первые описания Кореи западными путешественниками изобилуют рассказами о том, что корейцы недостаточно образованы, неопытны, не стремятся к развитию.

Первые контакты с западными державами также не пробудили в Корее интерес к изучению внешнего мира – корейцы понимали, что внимание к Корейскому полуострову вызвано желанием Запада получить новую территорию для колонизации. Последующий период колонизации Японией в какой-то степени еще более затормозил развитие научных исследований в Корее и создал угрозу исчезновения корейской культуры.

Подобные факты повлияли на выбор двойного вектора для нашего исследования, цель которого заключается не только в анализе процесса становления региональных исследований в Корее, но и в понимании того, как Корея открывалась миру, меняя представления о себе, вызывая исследовательский интерес. Поясним, что вторая часть нашей работы – изучение Кореи в мире на данном этапе ограничивается рассмотрением опыта европейских и североамериканских стран, а также России. Мы сознательно не включали в этот перечень другие восточные страны, предполагая, что изучение Кореи в этом регионе проходило по другой модели, нежели в западной цивилизации, что требует более глубокого и длительного анализа.

Прежде всего, необходимо отметить, что в настоящее время региональные исследования по-прежнему находятся в центре внимания корейских специалистов, занимающихся изучением проблем устойчивого развития отдельных городов [강성철 , 이기영 , 이종식 , 김도엽, 2006; 박재욱, 정해용 , 2006; 우양호, 2009, 류춘호, 2015]; рассмотрением политики государства по лучшей организации пространства и дости-

жению регионального развития [김형주, 이정협, 손동원, 2008; 황석원, 안두현, 최승현, 권성훈, 천동필, 김아름, 박종혜, 2009; 박인서, 김성철, 2015; 이미홍, 김륜희, 2017], взаимосвязи урбанистики и экологии [반영운, 이재준, 김정곤, 오용선, 설영선, 최정석, 2008], особенностей городского планирования с целью достижения устойчивого развития и регенерации городов [홍영록, 권상준, 명현, 1999; 임은선, 이종열, 이희연, 2006; 안재섭, 2011; 손정렬, 2011; 남진, 윤병훈, 박관우, 2015], стимулирования регионального развития с помощью внедрения инновационных научных разработок [박헌준, 오세홍, 김상준, 2004; 김문수, 이학연, 최창우, 이성룡, 최경일, 전진우, 2008; 이병호, 김가연, 박민근, 2018] и др.

Говоря о степени изученности вопроса в России, отметим достаточно серьезную корееведческую школу, созданную в нашей стране. На данный момент в России опубликованы фундаментальные труды по истории Кореи, в ряду которых назовем прежде всего работы С. О. Курбанова, легшие в основу разработки проблематики в нашем исследовании [Курбанов, 2002, 2009, 2016]. Важно при этом, что специалист известен не только историческими трудами, но и записками о культуре Кореи, написанными на основе его личных наблюдений [Курбанов, 2020]. В целом в России накоплен большой опыт изучения корейской истории [Ванин, 1996; Торкунов, 2003, Тихонов, Кан Мангиль, 2011; Асмолов, 2018 и др.].

Выделяется и значительный пласт этнографических и культурологических работ, посвященных описанию культуры и быта жителей Корейского полуострова [Джарылгасинова, 1972, Джарылгасинова, Крюков, 1985, 1989; ИONOва, 1982; Марков, 1999; Симбирцева, 2000; Воробьев, 2002; Толстокулаков, 2002; Самсонов, 2007, 2013 и др.].

Следует отдельно упомянуть известного корееведа, профессора А. Н. Ланькова, оказавшего серьезное влияние на стимулирование роста интереса к изучению Кореи в нашей стране, что произошло благодаря появлению его дневниковых записей о путешествиях в Корею, написанных в легкой, увлекательной форме [Ланьков, 2000, 2006].

Тем не менее, если проанализировать монументальный труд выдающегося советского и российского корееведа Л. Р. Концевича «Избранная библиография литературы по Корее на русском и западноевропейских языках (с XIX века по 2007 год)», мы обнаружим, что большинство российских источников по Корее, перечисленных в работе, легко укладывается в одно из перечисленных далее направлений исследований региона – историю, географию, экономику, корейский язык и др. [Концевич, 2008].

Достаточно подробно тема исследований Кореи освещалась и в работах представителей западной школы. Выделяются сочинения по истории Кореи [Fabre, 1988; Nahm, 1983, 1988, 1993; Tennant, 1996; Pratt, 2006; Seth, 2006], культуре и этнографии [Osgood, 1963; Zaborowski, 1981; Pratt, 1987; Mullany, 2005], географии [Lautensach, 1945; Kolb, 1971; Price, 1988 и др.].

Между тем возрастающая востребованность **трансдисциплинарного подхода** к региональным исследованиям, нацеленным на раскрытие холистически осмысляемых проблем и объектов, моделируемых на стыке знаний о регионе, диктует необходимость создания комплексных трудов, использующих инструментарий и методы разных наук¹. Первой попыткой дать комплексный обзор проводимых в настоящее время исследований Кореи, проанализировать

¹ Подробнее о трансдисциплинарной регионологии можно прочитать: Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография / под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» № 19-011-00040.

основные векторы этих исследований, выделить их отличия от западного подхода к регионологии является эта работа, в чем и видится теоретическая значимость проведенного исследования.

Гипотеза нашего исследования состоит в следующем. Становление региональных исследований в Корее произошло под сильным воздействием западной, ранее сформировавшейся традиции. В эволюционном процессе становления регионоведческих исследований в Корее можно выделить достаточно долгий период формирования проторегионологических знаний, что объясняется, прежде всего, историческими особенностями страны, продолжительным периодом закрытости государства от контактов с внешним миром, при сравнительно коротком современном этапе институциональной региональной науки. Несмотря на свою относительную краткость по времени, данный этап оказался весьма плодотворным для развития корейского регионологического опыта. Представляется, что опыт эффективной деятельности именно на данном этапе может быть интересен и полезен для других стран.

Внесем уточнения по базовой терминологии. Прежде всего, поясним, что вслед за С. О. Курбановым, рассматривая данные о первобытной истории Кореи, для обозначения места зарождения протокорейской культуры мы выбираем словосочетание «Корейский полуостров», слово «Корея» используется для обозначения единого государства с одной нацией, которого еще не было на тот момент на территории полуострова [Курбанов, 2009]. Далее под «Кореей» мы понимаем всю территорию Корейского полуострова при изложении событий вплоть до 1945 г., когда произошло разделение Кореи на Республику Корея и КНДР. В монографии освещаются региональные исследования, проведенные в Республике Корея с 1945 г. по настоящее время, соответственно, в данном контексте термины «корейцы», «корейский», «Корея» обозначают эту страну.

Под *корееведением* мы понимаем изучение Кореи, ее прошлого и настоящего, географического, экономического и

политического положения, национальной культуры, языка, быта и традиций ее народа – весь комплекс знаний о Корее [Ванин, 2004]. Согласно нашей концепции, корееведение представляет раздел *регионоведения / регионоведческих исследований* определенного макрорегиона, иногда с целью составления его подробного описания.

Под *регионологическим знанием* нами понимается совокупность представлений о регионе, имеющаяся у представителей той или иной нации в период до наступления в стране этапа институционализации науки о регионах. Соответственно, термин *региональные исследования* используется нами в качестве гиперонима для обозначения всего спектра институционализированных исследований о регионе. В этой связи мы считаем возможным в качестве термина с более широким значением предложить вариант *регионолог* для наименования специалиста, занимающегося региональными исследованиями.

ГЛАВА 1

ПЕРИОДЫ ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО И РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В КОРЕЕ

1.1. ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

До начала 1960-х гг. считалось, что человек на Корейском полуострове появился только в период неолита, т. е. примерно в X–VI тысячелетиях до н. э. Однако начиная со второй половины XX в. в Северной и Южной Корее открыли более 50 стоянок, предоставивших богатый материал для изучения жизни человека периода **палеолита** на Корейском полуострове. Люди палеолита занимались охотой и собирательством, о чем свидетельствуют найденные примитивные орудия труда из камня. По мнению большинства исследователей, обитатели Корейского полуострова периода палеолита не являются предками современных корейцев [Курбанов, 2009].

Важнейшее значение для изучения истории Кореи представляет **неолит**, длившийся на Корейском полуострове примерно с VI по I тысячелетие до н. э., его роль велика, прежде всего, благодаря изменению техники производства каменных орудий и появлению гребенчатой керамики. Отметим, что в истории именно этого периода обнаруживается первое **региональное деление** территории Корейского полуострова по типу гребенчатой керамики: западное, южное и восточное побережье. Для западного побережья раннего неолита характерны гребенчатая керамика и сосуды, имеющие заостренную форму дна. На южном и восточном побережьях были обнаружены сосуды с гребенчатыми узорами, но с плоским дном, а также сосуды с выпуклыми узо-

рами или гладкие. В период среднего неолита на западном побережье была распространена гребенчатая керамика с меньшим количеством узоров в нижней части сосудов. На южном и восточном побережьях получила развитие керамика с узором в стиле «скелета рыбы» [Курбанов, 2009].

Значимость этого периода заключается и в том, что в позднем неолите появляется **земледелие** и практически в это же время **скотоводство**.

У историков нет единства мнений по поводу вопроса о происхождении населения Корейского полуострова. Однако большинство ученых сходится в предположении, что имела место некая миграция с севера на юг. Известный российский кореевед Сергей Курбанов считает, что неолитические миграции на Корейский полуостров были первыми из известных ученым переселений, но они не завершили историю формирования корейского этноса. «Миграции продолжались довольно активно и в I тысячелетии н. э., к концу которого, по-видимому, можно говорить об окончательном формировании единого этноса Кореи» [Курбанов, 2009, с. 21].

В **бронзовом веке** на территории современной Южной и Северной Кореи также наблюдались миграции. Так, на Корейский полуостров мигрировали племена *емэк*, не знавшие ни государственности, ни высокоорганизованной культуры, ни письменности. Тем не менее нам стало известно о них из древнекитайских исторических сочинений. Самым значимым письменным источником считается труд Сыма Цяня (145–85? гг. до н. э.) «Исторические записки», в особенности раздел «Восточные варвары» [Курбанов, 2009].

Важнейшим этапом в истории Кореи и становлении государства стало появление **рисоводства**, быстро превратившегося в основное занятие населения. Эта культура была завезена на остров ориентировочно в VIII–VII вв. до н. э.

Итак, полагаем, что первые **регионоведческие сведения** о Корее мы можем получить из **китайских хроник**. Так, в работе С. Курбанова находим следующие пояснения: «Хроника древнекитайского княжества Вэй – “Вэй чжи”, составленная около III в. до н. э., в разделе “Восточные вар-

вары” так описывает племенные союзы, или “протогосударства”, Корейского полуострова. На севере находилось государство Чосон; севернее Чосона – племенные объединения (или “протогосударства”) Пуё и Когурё. <...> На восточном побережье... находились племенные союзы Окчо и Восточных Е (“Тонье”). Юг полуострова занимало протогосударство (или племенной союз) Чин (Чингук), которое в дальнейшем распалось на Три Хан: Махан, Чин-хан и Пёнхан» [Курбанов, 2009, с. 22].

Сведения о первом государстве, история которого тесно связана с Корейским полуостровом, а именно о государстве **Древний Чосон**, сохранились в корейских и китайских письменных источниках. Естественно, корейские источники появились гораздо позднее, уже после создания корейского алфавита. Представляется возможным отнести начальный период истории Древнего Чосона к так называемой мифической истории, неслучайно сведения о государстве носят форму мифа, озаглавленного «Миф о Тангуне».

Текст мифа сохранился в нескольких корейских средневековых памятниках. Прежде всего назовем «Самгук юса» («Достопамятные события Трех государств») (1281 г.), автором которых является буддийский монах Ирен (1206–1289). Миф представлен также в летописи XIII в. «Чеван унги» («Рифмованные записи о королях и императорах») историка Ли Сынхю (1224–1301) и ряде других документов [Курбанов, 2009].

Обозначим и китайские летописи, в которых упоминается государство Древний Чосон: «Исторические записки» Сыма Цяня, гл. 115; сводно-энциклопедический текст, составленный в IV–II или V–III вв. до н. э., «Гуань-цзы», авторство которого приписывается министру древнекитайского княжества Ци – Гуань-чжуну; «Шань хай цзин» («Каталог гор и морей») – сборник географических и мифологических сведений о Древнем Китае и сопредельных территориях, составленный в конце III – начале II в. до н. э. [Курбанов, 2009].

Первые три государства Корейского полуострова, давшие начало непрерывной истории корейской культуры, – **Когурё, Пэкче** и **Силла** образовались почти одновременно. По мнению С. Курбанова, процесс становления государственности в них завершился к III–IV вв. В результате борьбы за господство победило Силла, объединив страну под своей властью. Все последующие корейские династии были непосредственными преемницами Трех государств. Интересно, что самый ранний исторический труд, содержащий сведения об истории Трех государств, – это написанная гораздо позже, в XII в., летопись «Самгук саги». В связи с этим некоторые корееведы, например С. Курбанов, полагают, что сведения, зафиксированные в летописи, можно считать «подгонкой» фактов, так как представления о государственности в период написания летописи разительно отличались от бытующих в период Трех государств [Курбанов, 2009].

1.2. ИСТОРИОПИСАНИЕ КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ О РЕГИОНЕ

С IV в. на территории Корейского полуострова начинает распространяться буддизм, и практически одновременно с ним или чуть раньше на полуостров проникают конфуцианство и китайская письменность. Данная веха в истории Кореи представляет большую значимость для нашего исследования, так как в этот период начинает развиваться **историописание**. Традиция пришла на полуостров из Китая; к сожалению, тексты исторических сочинений периода Трех государств не сохранились, однако известно, что в Когурё составлялось историописание «Записи об оставшемся [от прошлого]» («Юги») в 100 томах, которое позднее, в 600 г., доктор высшей школы Тхэхак Ли Мунчжин свел в пятитомное сочинение «Новое собрание [сочинений]» («Синчжип»). В Пэкче доктор Ко Хын в правление государя

Кынчхого-вана (346–375) написал исторический труд «Летописные записи» («Соги»). В знаменитой японской хронике «Анналы Японии» («Нихон секи») говорится, что в Пэкче составлялись «Анналы Пэкче» («Пэкче ги») и «Основные анналы Пэкче» («Пэкче понги») [Курбанов, 2009, с. 58].

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что, говоря о развитии культуры ранней Кореи, специалисты обычно указывают на процесс, состоявший из таких трех основных этапов, как:

- 1) частичное заимствование культуры из Китая;
- 2) ее «кореизация», синтез с местной культурой;
- 3) «реэкспорт» культуры в Японию.

Подтверждением стремления корейцев развивать свою культуру является то, что, несмотря на заимствование китайской письменности, они продолжали говорить на своем родном языке, а позже попытались приспособить китайские иероглифы для письменного отображения языка государства Силла. Результатом этой попытки стало появление письменного языка *иду*, который все же посчитали слишком сложным и неудобным и быстро вывели из употребления [Курбанов, 2009].

В 682 г. было учреждено высшее конфуцианское учебное заведение *Кукхак*, в котором, помимо классических конфуцианских текстов, изучали математику, астрономию, историю, литературу. К первым **путешественникам**, предоставляющим сведения об устройстве мира за пределами Корейского полуострова, можно отнести буддийских монахов. Так, монах Хечхо (704–?) после 719 г. совершил путешествие в Индию, затем посетил Центральную Азию и в 727 г. вернулся в Китай. Свои путешествия Хечхо описал в книге «Записи о путешествии в пять индийских государств» («Ван о чхон-чхуккук чон») [Курбанов, 2009].

Говоря об исторической науке этого периода, специалисты обычно, прежде всего, называют Ким Дэмуна. Он прославился своими трудами по истории и географии: «Мифы страны Кэрим» («Кэрим чапчон»), «Записки о поколениях хваранов» («Хваран сеги»), «Записки о горе Хансан» («Хансанги») и др. [Ли Ги Бэк, 2000].

В Средние века в период государства Корё Корея стала известна Западу.

К 992 г. **система образования** Корё достигла достаточно высокого уровня. В ведении придворного управления по образованию *Кукчагам* (Управление сынов государства) находились несколько столичных учебных заведений: *Кукчахак* (Высшая школа сынов государства), *Тэхак* (Высшая школа), *Самунхак* (Высшие школы у четырех ворот) и шесть высших школ по отраслям – права, математики, письма и т. п.

Одним из важнейших достижений культуры Кореи X–XIV вв. стало **книгопечатание**. Так, в 1011–1090 гг. был полностью издан текст «Большого свода священных буддийских писаний» («Тэчжангён»), насчитывающий 6 тыс. томов, для чего было вырезано 80 тыс. деревянных досок, получивших название «Пхальман тэчжангён». В 1234–1240 гг. были изданы «Подробные записи о ритуалах древности и современности» («Санчжон когым емун») в 50 томах, автором которых был Чхве Юный (1102–1162), текст до нашего времени не сохранился [Курбанов, 2009].

Во время правления вана Хёнджона (1009–1031) издаются исторические хроники «Чхильджо силлок», описывающие деяния королей династии Корё и не сохранившиеся до наших дней.

Во время правления вана Ыйджона (1146–1170) Ким Гваный издаёт «Историческое описание по годам» («Пхеннён тхоннок»).

Исторические хроники активно печатались и в период позднего Корё. Так, при короле Чхуннёле (1274–1308) Вон Бу издаёт «Хронику прошлого и настоящего» («Когымнок»), при короле Чхунсоне (1308–1313) Мин Джи издал «Хронологические записи правящих королевских домов» («Понджо пхённён ганмок») [Ли Ги Бэк, 2000].

Стоит пояснить, что традиционно особое внимание уделялось истории не только в Корее, но и на всем Дальнем Востоке. Остановимся подробнее на особенностях **историописания** в Средние века. Историописание находилось в

ведении государства. Первоначально в Корё этими вопросами занималось Историческое ведомство – *Сагван*. Кстати, в этом ведомстве служил по совместительству в должности «наблюдателя по составлению истории государства» (*камсу кукса*) выдающийся историк Ким Бусик, автор «Самгук саги».

С 1308 г. ведомство неоднократно реформировалось и меняло название то на Ведомство искусств, письмен и образцовой истории – *Емун Чхунчхугван* (1308 г.), то на старое название *Сагван* (1362 г.), то на сокращенный вариант *Чхунчхугван* (1325, 1362 гг.). В результате закрепилось название *Чхунчхугван*, которое сохранялось без изменений вплоть до 1894 г.

Как пишет С. Курбанов, историческое ведомство выполняло две основные задачи: сбор и фиксацию фактов, связанных с текущими событиями, и издание исторических сочинений о прошлом [Курбанов, 2009].

В ведомстве велись ежедневные записи о деяниях короля, событиях, государственной политике, изменениях в должностной системе и другом, на их основе составлялись «реальные записи» (*силлок*). В будущем после падения правящей династии должны были составляться образцовые династийные истории *чонса*, выполненные на основе этих ежедневных черновых заметок.

Среди должностей исторического ведомства назовем должность историка – *сагван*. Он имел право свободного доступа во все столичные и провинциальные учреждения, право присутствовать на любых мероприятиях. Даже сам король не имел права смотреть его записи, которые он вел ежедневно, чтобы фиксировать события объективно. Записи *сагван*, оформлявшиеся в виде *силлок*, писались по хронологическому принципу в нескольких экземплярах и хранились в особых исторических архивах – *саго*, расположенных далеко друг от друга, чтобы уберечь их от войн, пожаров, стихийных бедствий [Курбанов, 2009].

Говоря об этом периоде, естественно, мы не можем не упомянуть, что в 1145 г. появляется самый древний из сохранившихся исторический летописный труд «Историче-

ские записи Трех государств» («Самгук саги») историка Ким Бусика (1075–1151). Остановимся на этой работе подробнее. Фундаментальная летопись имеет исключительное значение для изучения раннего периода истории и культуры Кореи.

Следуя традиции китайской историографии, Ким Бусик составил свое сочинение из следующих частей: летописи, хронологии, различные описания и биографии. Работа состоит из 50 книг, из которых 12 книг (1–12) занимают «Летописи Силла», 10 книг (13–22) – «Летописи Когурё», 6 книг (23–28) – «Летописи Пэкче», 3 книги (29–31) – «Хронология», 9 книг (32–40) – «Описания» и 10 книг (41–50) – «Биографии». Сразу же после составления «Самгук саги» стали появляться печатные издания этого сочинения, но самые ранние из них (периода Корё) не сохранились, и сейчас наиболее древним считается ксилографическое издание, подготовленное в конце XIV в. Чин Ыгви и Ким Году [Ким Бусик, 1995, 2001, 2002].

Как считает видный советский и российский востоковед, один из основателей советской школы корееведения профессор М. Н. Пак, для изучения раннего периода истории Кореи данный памятник имеет такое же значение, как «Повесть временных лет» для изучения истории Древней Руси: «“Исторические записи Трех государств” Ким Бусика, вобравшие в себя письменные памятники более ранних эпох, представляют большой интерес не только для историка, стремящегося воссоздать общественно-политическую и экономическую жизнь корейского народа на заре его истории, но равным образом и для лингвиста, изучающего истоки современного корейского языка, для литературоведа, прослеживающего ранний этап литературного творчества корейского народа, а также для всякого, кто хочет изучить раннюю историю духовной и материальной культуры корейского народа» [Пак, 2001, с. 9].

Как уже было сказано, «Исторические записи...» не являются самым ранним письменным памятником истории в Корее, однако большинство более ранних работ не только не дошли до наших дней, но и не сохранились до времени

составления Ким Бусиком своей летописи. Историки полагают, что при воссоздании истории Трех государств автор опирался главным образом на исторические произведения, созданные в государстве Силла. Считается, что основными силланскими источниками, широко использованными в «Самгук саги», являются «Древние записи [истории] трех Хан» («Самхан Коги»), «Древние записи [истории] Восточных пределов», «Древняя история Силла» и сочинения силланских авторов Ким Дэмуна («Биографии высших священников», «История хваранов», «Разные керимские (силланские) биографии» и Чхоэ Чхивона («Собрание сочинений» и «Хронология царей»). Факты из древних силланских записей Ким Бусик сопоставлял с данными китайских исторических сочинений «Истории троецарствия», «Истории поздней Ханьской династии», «Истории южных и северных династий», «Истории Суйской династии», новой и старой «Истории Танской династии» и многих других.

Существует мнение, что историк составил свой труд на основе переработки более древней и несохранившейся истории Трех государств, внося дополнения и устранив фантастические предания, которыми изобиловали древние тексты.

По мнению М. Н. Пака, сложность хроник в языковом отношении из-за непонятных слов корейского происхождения и использования китайских иероглифов для обозначения некоторых названий, а также смешение реальных исторических событий с легендами делают данный труд весьма трудным для понимания [Пак, 2001].

Период Корё характеризуется и развитием **географических знаний** – происходило издание различных карт: «Карты Трех государств» («Самгук чидо»), «Карты Индии» («Индо чидо»), «Карты Корё» («Корё чидо»). Точность карты Корё позволила использовать ее в качестве основной карты Кореи на протяжении XV в. [Курбанов, 2009].

В 1392 г. к власти в Корее пришла новая династия – **династия Ли** (династия Чосон), соответственно, возникла необходимость составить и издать историю предшествующей династии на основе *силлок*. В 1395 г. представитель

«партии реформаторов» Чон Дочжон завершил написание «Истории государства Корё» («Корё кукса») в 37 томах. В 1451 г. был завершён 137-томный коллективный труд работников придворного ведомства *Чхунчхугван*, который стал называться «История Корё» («Корёса»). И в настоящее время он является основным источником сведений об истории Корё.

Кроме «Корёса» было издано достаточное количество других официальных исторических сочинений как по истории династии периода Корё, так и по истории Кореи в целом, с древности до конца XIV в. Назовем лишь некоторые: «Краткая история Коре» («Корёса чорё», 1452 г.), «Всеобщая поучительная история Кореи» («Тонгук тхонгам», 1485 г.), «Краткая история Кореи» («Тонгук саряк», 1403 г.).

С 1408 г. началось составление и издание хроник *силлок* правящей династии Ли [Курбанов, 2009].

Значительными культурными достижениями в Корее ознаменован XV в., самым важным из них, без сомнения, следует считать введение **корейского алфавита** в 1443 г., во время правления короля Сечжона (1418–1450), которое по исторической значимости для Кореи часто сравнивают с эпохой Петра I для России [Курбанов, 2009].

Стоит также упомянуть, что становление новой административной системы, а также расширение границ государства на северо-восток посредством возвращения принадлежавших ранее территорий привели к необходимости сбора более точных **географических сведений**. При Сечжоне началась подготовка к составлению достоверной географической карты Кореи и карты мира, на которой ограничивалась собственная территория страны от владений других народов.

1432 г. отмечен изданием фундаментального труда по описательной географии – «Географическое описание восьми провинций» («Пхальтпиппо чиричжи»), от него сохранилась только часть, посвященная центральной провинции Кёнсан («Кёнсандо чириджи»). В 1481 г. вышло «Описание земель и достопримечательностей Кореи» («Тонгук ёнчи сыннам»), которое представляло собой не только простое

описание рельефа и других географических особенностей, но и рассказывало об истории, военной системе, нравах и обычаях различных местностей Кореи. В XV–XVI столетиях издавались новые карты Кореи: «Карта Кореи» («Тонгук чидо», 1463 г.), «Карта территорий Кореи» («Чосон пангъёкчи до», 1557 г.) [Курбанов, 2009].

1.3. НАЧАЛО ИЗМЕНЕНИЙ ТРАДИЦИОННЫХ КОРЕЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОРЕЕ И О МИРЕ, ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЗАПАДНОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Полагают, что в период правления короля Сечжона в Корею оформились экономические, политические, социальные и идеологические институты, функционировавшие на протяжении нескольких следующих столетий. В целом период правления Сечжона часто называют «золотым веком» корейской культуры, который продолжался почти до конца XV в. Стоит упомянуть, что и сам король был энциклопедически образованным человеком, принимавшим участие во многих культурных начинаниях, включая составление корейского алфавита. Известный советский и российский кореевед Л. Р. Концевич считает, что именно при Сечжоне произошла кристаллизация корейской средневековой культуры.

Значительную роль в развитии науки и культуры сыграла открытая в 1420 г. придворная академия – Павильон собрания мудрецов, или Палата мудрейших (*Чипхёнджон*), собравшая лучшие умы государства. Учреждение под таким названием функционировало до 1456 г. Наибольшее развитие в этот период наблюдалось у практических наук [Концевич, 2013].

Историки сходятся во мнении, что XVI в. имеет для Кореи особое значение как период заметного развития сельского хозяйства, ремесла и торговли. Кроме того, происходят изменения в сфере общественной мысли, что внесло значительный вклад в развитие корейской культуры.

Отдельного упоминания требует и период начала формирования представлений о Корее как о «маленьком Китае».

Современные ученые отмечают, что по крайней мере с XII столетия, т. е. со времени составления Ким Бусиком «Исторических записей Трех государств», в Корее в какой-то степени начинается осознание себя «маленьким Китаем», «маленьким Серединным государством». Поясним данную идею. Корейцы считали, что, несмотря на то, что Корея является небольшим по размеру территории государством, она имеет собственную культуру, по значимости не уступающую культуре «Большого Китая»; другие окружающие Корею государства корейцы считали варварскими.

Процитируем С. Курбанова: «Воцарение маньчжурской “династии” Цин в Китае окончательно закрепило в сознании корейцев идею о том, что отныне только Корея является единственной носительницей истинной конфуцианской культуры. В Китае правили “варвары”, а Япония всегда воспринималась в Корее как страна, стоящая рангом ниже. Однако идеи о “перемещении истинного Серединного государства в Корею” четко оформились не сразу после падения правящего дома Мин. В XVII столетии переосмысление новой роли Кореи в дальневосточном мире, с точки зрения корейцев, происходило на уровне поиска, подтверждения и переподтверждения собственных исторических корней, которые должны быть такими же древними, как и китайские» [Курбанов, 2009, с. 169–170].

Безусловно, подобная концепция требовала фактического подтверждения, что привело к появлению очередного пласта исторических хроник. В 1667 г. ученый Хо Мок (1595–1682), свидетель двух военных походов маньчжуров в Корею, издал сочинение «События Кореи» («Гонга»), в котором описывал историю Кореи начиная со времен Древнего Чосона. Хо Мок полагал, что записи о древней истории Кореи представляют собой не сборник мифов и легенд, а описание реальных событий. Таким образом, он считал это достаточным доказательством того, что реальная история Кореи была столь же длительной, сколь и история Китая.

Следует, однако, заметить, что не все корейские ученые выражали единогласие во мнении о длительности корейской истории. Например, Лим Сандок (1683–1719) к 1711 г. представил сочинение «Собрание основного из истории Кореи» («Гонса яегак»), согласно которому сведения об истории Кореи можно считать достоверными лишь со времени Объединенного Силла.

Наиболее четкое выражение концепция «маленького Китая» получила в идеях знаменитого корейского мыслителя Ли Ика (1681–1764). Как пишет С. Курбанов, он считал, что культура Китая и культура «варваров» не так сильно отличаются друг от друга, как принято думать. Кроме того, собственно корейская культура, по его мнению, столь же древняя, как и культура Китая. Еще одним аргументом было то, что в древности между различными государствами происходил интенсивный культурный обмен и Корея получила от Китая необходимые основы «истинной моральности» [Курбанов, 2009].

Примечательно, что концепция «маленького Китая» послужила хорошей почвой для развития в дальнейшем идей **кореецентризма**. Таким образом, XVII в. оказался переломным для Кореи не только в плане идеологии, но и для всех сфер общественного и экономического развития. Этот век стал для Кореи рубежом между Средневековьем и Новым временем [Курбанов, 2009].

В современной историографии XVII в. обычно определяется как начало новой истории Кореи. Важно, что в XVII – начале XIX в. в Корею стали появляться мыслители, пропагандировавшие изучение «реальных», т. е. используемых на практике, наук – **сирхак**. Напомним, что до этого периода приоритет отдавался традиционным конфуцианским знаниям, основанным на выучивании канонических сочинений. В формировании понятия **сирхак** большая роль принадлежит корейскому мыслителю Ли И (1536–1584), вложившему в это понятие идею о реальности тех наук, которые имеют практическое применение.

Представители *сирхак* периода позднего Чосона (1600–1897) понимали под «реальными науками» разработку проектов реформ в сфере землепользования, управления государством, изучение агротехники, естественных наук, в частности географии, поиски путей развития ремесел и торговли, производства новых предметов европейского типа и, что особенно важно, переосмысление истории Кореи в условиях появления новых сведений о мире и новой ситуации в окружающих Корею странах [Курбанов, 2009]. Отметим, что некоторые ученые признают роль западной общественной мысли в формировании *сирхак*.

Нет единого мнения о точной периодизации *сирхак*. Некоторые специалисты относят к этому течению деятельность таких ученых, как Хан Бэккём (1552–1615) и Ли Сугван (1563–1628). В этот период начинается переосмысление традиционных представлений о мироустройстве, знакомство с культурой и достижениями западной научной мысли. Считается, что Хан Бэккём в «Описании географии Кореи» («Тонгук чиричжи») критиковал «инострannую», прежде всего китайскую, трактовку фактов истории Кореи и взгляд на ее географию. Ли Сугван призывал к изменениям в политике, управлении хозяйством страны, организации армии. Кроме того, он знаменит утверждением, что небо – это лишь пустота над землей и поэтому оно не обладает никакой особенной силой. Очевидно, что эта концепция решительно опровергала традиционные представления корейцев о Небесах и воле Неба [Курбанов, 2009].

Сирхакисты не только предлагали реформировать существующую систему образования, настаивая на отходе от концепции, целиком сфокусированной на изучении конфуцианской классики, и введении в школьную программу таких предметов, как родная история, география, арифметика, они также осознавали острую необходимость **заимствовать передовые знания и научно-технические достижения соседних стран**. Естественно, в качестве основного соседа они рассматривали Китай, который и являлся в то время для Кореи «проводником идей Запада».

Вполне закономерно, что представители течения *сирхак* стремились **переосмыслить историю** своей страны. Так, ученик одного из адептов концепции «маленького Китая» Ли Ика историк Ан Чжонбок (1712–1791) создал труд «Основные моменты и пояснения к истории Кореи» («Тонса ганмок»), который стал одним из классических произведений об истории Кореи. В работе история Кореи представлена как история самостоятельного, полноправного и независимого от Китая государства.

Происходит и **пересмотр подхода к географическому положению страны**, начатый Хан Бэжкёмом в его труде «Описание географии Кореи» («Тонгук чиричжи») и наиболее полно проявившийся в сочинении Чон Ягъёна «Описание границ нашего государства» («Абан кангъёк ко») [Курбанов, 2009].

Существенным научным достижением стал отход **географии** от традиционного историко-географического описания местностей под влиянием знакомства с западной географией. Кореяцы начали заниматься тем, что сейчас принято называть *физической* географией, что прежде всего нашло отражение в составлении карт нового типа. «Так, *сирхакист* Чон Санги (1678–1752) составил “Карту Кореи” (“Тонгук чидо”), где впервые использовал масштаб. Географ Ким Чжонхо (?–1864) более 30 лет своей жизни потратил на полевые исследования территории страны. При составлении “Карты Кореи” (“Чхонгу до”) и “Карты земель Великой Кореи” (“Тэдон ёчжидо”, 1861 г.) он использовал новый метод начертания квадратов» [Курбанов, 2009, с. 187]. Кроме того, благодаря Китаю в Корею познакомились с картой мира итальянского миссионера Маттео Риччи (1552–1610), долгое время жившего и работавшего в Китае. В результате произошедших изменений в подходах к научным исследованиям, прежде всего в области географии и истории, в Корею стало складываться новое видение самих себя и мира. Отметим, что некоторую роль в этом сыграл и религиозный компонент – в Корею началось распространение христианства.

1.4. ПОЛИТИКА «СТРАНЫ-ОТШЕЛЬНИЦЫ» И ОТКРЫТИЕ КОРЕИ МИРУ

Несмотря на увеличение знаний о мире в Корее, примерно с середины XVII в. начинается курс на строгую изоляцию от внешних контактов. Представляется, что XIX в. характеризуется наиболее сложными отношениями Кореи с остальным миром, что привело к «политике самоизоляции», или, другими словами, «политике закрытия страны», в частности из-за опасения колонизации Западом.

К тому же мир, известный корейцам к началу XIX в., все еще ограничивался довольно узкими географическими рамками с центром в Китае, с которым у Кореи еще в древности были установлены культурные и межгосударственные связи.

Подчеркнем, что к середине XIX в., перед началом активных контактов с западной цивилизацией, Корея была отсталой страной даже по меркам Дальнего Востока, со средневековой социальной структурой, с архаическими сельским хозяйством, промышленностью и торговлей, с нестабильной политической системой, слабой армией [Осадчая, 2006].

Стремление западных стран установить контакты с Кореей носило отнюдь не мирный характер, вполне возможно, что они видели легкую добычу в стране, которая не могла похвастать своими выдающимися научно-техническими достижениями. Обратимся к С. Курбанову за историческими разъяснениями.

Как пишет историк, на протяжении первой половины XIX в. «...берега Кореи неоднократно посещали корабли под флагами стран Запада, и далеко не всегда эти визиты были мирными.

В 1816 г. английские корабли зашли в прибрежные воды западного побережья Кореи с разведывательными целями. В 1832 г. английский военный корабль “Лорд Амхерст” подошел к порту Мон-гымпхо провинции Хванхэ (западное побережье Кореи). Командовавший экспедицией

капитан Х. Линдсей отправил на имя короля письмо с предложением установления торговых отношений, однако местные власти отказались передавать его послание. В 1840 и 1845 гг. команды английских военных кораблей самовольно высаживались на острове Чечжудо, в результате чего происходили военные столкновения с местным населением. В 1846 г. три французских военных корабля подходили к западным берегам Кореи в районе провинции Чхунчхон и требовали объяснений в связи с казнью трех французских миссионеров в 1839 г. Таким образом, большинство визитов иностранных кораблей, за редким исключением (таким как посещение восточных берегов Кореи в 1854 г. российским фрегатом “Паллада” во время кругосветного путешествия во главе с адмиралом Е. В. Путятиным), носило явно не мирный характер» [Курбанов, 2009, с. 198].

Первоначальные попытки установить американо-корейские торговые отношения также не увенчались успехом. Летом 1866 г. в Корею отправилось американское торговое судно «Генерал Шерман» якобы для заключения торгового договора. Корабль причалил у Пхеньяна, потребовав начать торговлю. Как известно, в то время в Корею всякая торговля с представителями западных стран была запрещена, поэтому губернатор провинции попросил американцев покинуть страну. Однако те отказались, а позднее устроили грабительские рейды по окружающим деревням, убив и ранив несколько человек. В результате губернатором Пак Кюсу было принято решение сжечь судно, при этом все члены экипажа погибли [Курбанов, 2009].

«Закрытое королевство» Корея привлекало европейцев своими богатствами, о которых они имели весьма смутное представление. Вполне очевидно, что крайне скудны были и знания людей Запада о восточной, в частности о корейской, культуре, что и приводило к таким неудачным результатам. В качестве подтверждения приведем еще один яркий пример.

В 1868 г. в западную корейскую провинцию Чхунчхон прибыли два корабля. Экспедицией командовали немец Э.

Опперт и французский миссионер Ферон. Формальная цель визита выглядела весьма многообещающе и заключалась в «открытии Кореи» и заключении договора «между всем миром и Кореей». Однако при этом европейцы пожелали позаимствовать драгоценности из гробницы деда правящего Кореей короля. Им даже удалось найти и начать раскапывать вход в гробницу, но продвинуться дальше они не смогли. Естественно, передать правителю Кореи договор для подписания после такого кощунственного осквернения корейских святынь у европейцев не получилось, и им пришлось покинуть страну. Безусловно, в Корее, где существовал культ предков, подобное оскорбительное поведение не улучшило представление корейцев о западных странах [Курбанов, 2009].

Итак, в середине XIX в. открытие Кореи миру было затруднено из-за посягательств на ее суверенитет Англии, имеющей колониальные владения в Индии, Франции, подчинившей Юго-Восточную Азию, и США.

Тем не менее стоит сказать, что внешняя политика закрытой страны под девизом «Сохранять правильное, изгнать чужое» критиковалась, в частности, последователями движения *сирхак*. Укрепление авторитета самой, по мнению многих историков, политически влиятельной представительницы династии Ли – королевы Мин в середине 1870-х гг. привело к смене внешнеполитического вектора – был взят курс на постепенное прекращение политики закрытости страны. Однако, как мы знаем из истории, Корея недоценила угрозу, исходящую от непосредственного соседа. В 1876 г. под давлением извне Корея заключила первый в своей истории международный договор – Канхваский договор с Японией. В договоре формально говорилось о равенстве Кореи и Японии, однако на деле он был неравноправным – разрешал японским судам заходить в территориальные воды Кореи для «исследования» страны.

Вскоре под давлением Китая, опасавшегося усиления влияния Японии в Корее, аналогичные договоры были заключены с США (1882 г.), Великобританией (1882 г.), Гер-

манией (1882 г.), Россией (1884 г.), Италией (1884 г.), Францией (1886 г.) и другими западными державами [Курбанов, 2009].

Таким образом, процесс открытия Кореи завершился к середине 1880-х гг., страна вступила на путь модернизации, началось активное заимствование достижений мировой цивилизации.

1.5. ОБОГАЩЕНИЕ НАУЧНЫМ ОПЫТОМ ДРУГИХ СТРАН, АКТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СТРАН-СОСЕДЕЙ

Неудивительно, что внешний мир с древних времен трактовался в корейской картине мира как источник опасности, ведь она соседствовала с государствами более сильными, прежде всего, в военном отношении, а следовательно, с теми, кто требовал подчинения.

Однако в 1870-е гг. корейцы начинают осознавать, что именно заимствование западных научно-технических открытий во многом способствовало превращению Японии в сильную державу. Следовательно, у представителей корейской интеллигенции возникает мысль о том, что необходимо перенимать опыт западных стран в области техники и производства, сохраняя при этом традиционную восточную основу общественной жизни. Такая позиция нашла выражение в девизе «Восточный путь, западная техника» («Тондо Соги»). Начинается активное посещение других стран, прежде всего Китая и Японии, с целью заимствования передового опыта. Так, в 1876 г. после подписания Канхваского договора во главе делегации из 75 человек в Японию был отправлен королевский посланник Ким Гису. После возвращения на родину он написал два сочинения: «Записки о путешествии по Японии» («Ильдон гию») и «Дневник посланника» («Сусинса ильги»), в которых рассказал о всех новшествах, увиденных им там [Курбанов, 2009].

Государственные чиновники составляли многочисленные отчеты и доклады о посещении Китая и Японии. В частности, одним из результатов подобной деятельности стало реформирование правительства, в котором в 1880 г. появились министерства западного образца: иностранных дел, военное и др.

В 1880 г. корейский посланник Ким Хончжип отправился в Японию и, будучи под впечатлением от произошедших изменений, предложил послать туда правительственную делегацию для изучения японского опыта. В 1881 г. 12 высокопоставленных членов правительства были отправлены на четыре месяца в Японию для изучения нового устройства японских государственных учреждений, промышленности, системы налогообложения, образования, военной системы главным образом в районах Токио и Осака.

В том же году корейский посланник в Китае Ким Юнсик взял с собой группу из 69 человек для обучения в Тяньцзине промышленному производству, химии, электротехнике, иностранным языкам [Курбанов, 2009].

Исторические события этого периода тем не менее свидетельствуют о том, что Корея начинала попадать под все более сильное внешнее влияние, прежде всего Китая и Японии. Однако многие молодые придворные сановники, получившие образование в Японии, не видели в сближении с иностранными государствами угрозы самостоятельности страны. Наоборот, по их мнению, такое сближение могло способствовать укреплению государства. Основываясь на опыте Японии по проведению политики «открытых дверей», молодые сановники возглавили «движение за большую открытость» (*кэхва ундон*), идейной базой для которого послужило уже упоминаемое нами ранее движение *сирхак*.

Среди представителей зарождающегося движения назовем переводчиков с китайского языка О Гёнсока (1831–1879) и Ю (Лю) Дэчхи (1831–?), которые часто бывали в Китае и привозили оттуда книги о том, что нового происходило в мире. Лидером движения стал Ким Оккюн (1851–1894). В 1881 и 1882 гг. в составе правительственных делегаций он

посетил Японию, увиденное там оказало на него сильнейшее воздействие и привело к осознанию необходимости скорейших реформ в Корее. Однако предпринятая попытка политического переворота потерпела поражение, и реформам пришлось бежать из страны [Курбанов, 2009].

В 1884–1885 гг. в Корею прибыли первые протестантские миссионеры – Х. В. Халберт, Х. Г. Андервуд и Х. Г. Апензеллер, которые начали вести активную религиозную и просветительскую деятельность.

Итак, как считает С. Курбанов, к концу XIX в. Корея стала открытым для внешнего мира, относительно независимым государством, в котором был проведен ряд реформ в области политической, экономической и социальной жизни.

1.6. СЛОЖНОСТИ С ПРИОБРЕТЕНИЕМ НОВЫХ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ПЕРИОД КОЛОНИЗАЦИИ, ПОЛИТИКА «УНИЧТОЖЕНИЯ НАЦИИ»

В период колонизации (1910–1945 гг.) высшее образование в Корее столкнулось с большим количеством проблем. Прежде всего, необходимо уточнить, что в колонизированной Корее практически не существовало высших учебных заведений. Из шагов, предпринятых Японией для поддержания системы образования в Корее, можно назвать следующие: в 1922 г. в рамках политики «культурного правления» японская администрация издала приказ об образовании в Корее, согласно которому корейцы теперь могли основывать частные высшие учебные заведения. Вторым шагом было то, что в 1924 г. японцы основали столичный Имперский университет (*Кёнсон чегук тэхак*) с двумя основными факультетами (юридическим и медицинским), на которых большую часть студентов составляли опять же японцы. В специальных школах (колледжах и техникумах) обучалось не так много корейцев: в 1930-е гг. студентов было около 10–20 тыс. человек.

В 1920–1930-е гг. в Корее развернулось движение за развитие национального письменного языка, который стал активно использоваться лишь с конца XIX – начала XX в. 3 декабря 1921 г. в Сеуле было образовано «Общество изучения корейского языка» («Чосоно ёнгухое»).

Наблюдались и факты искажения и переписывания истории Кореи. Корейские историки периода колонизации вынуждены были искать способы публикации своих трудов за пределами Кореи. Так, Пак Ынсик (1859–1926) написал две работы, получившие большую популярность среди корейцев: «Многострадальная история Кореи» («Хангук тжонсо», 1915 г.) и «Кровавая история движения за независимость в Корее» («Хангук тоннип ундон-чжи хёльса», 1920 г.). Оба сочинения были изданы в Китае [Курбанов, 2009].

Историк и писатель Син Чхэхо (1880–1936) смог опубликовать книгу о древней истории Кореи «История Кореи» («Чосонса») в газете «Чосон ильбо» в виде серии статей. В книге отстаивалась точка зрения о самостоятельности и самобытности корейской культуры. Однако практически в то же время, в 1922 г., японская администрация учредила «Общество по изданию [материалов] корейской истории», подготовившее к печати 37-томное издание с аналогичным названием. Данный труд, напротив, был ориентирован на передачу идей превосходства японской культуры и подчиненности Кореи Японии во все периоды истории [Курбанов, 2009].

В целом историки сходятся во мнении, что экономическое развитие Кореи осуществлялось Японией далеко не в интересах корейского народа. Подтверждением этому является политика, проводимая японской колониальной администрацией в отношении корейской культуры и корейской нации. В современной историографии эта политика получила название «политика уничтожения нации». Одним из наиболее ярких свидетельств попыток уничтожения корейской идентичности, по нашему мнению, стал указ 1937 г. о запрещении использования корейского языка в государственных учреждениях. Неграмотные корейцы должны были пользоваться услугами переводчика. С 1938 г. было пре-

кращено преподавание корейского языка в школах. Японский язык стал называться «родным», а для борьбы с употреблением корейского языка в школах японские учителя ввели систему наказаний, в том числе и физических, и премий [Курбанов, 2009].

С конца 1930-х гг. в Корее все интенсивнее пропагандировалась теория об общих корнях корейского и японского народов, где, безусловно, японский народ занимал доминирующее место. Для того чтобы окончательно воплотить эту теорию в жизнь, в конце 1939 г. в Корее был распространен указ, согласно которому с 11 февраля 1940 г. начиналась кампания по замене корейских фамилий на японские. Другими словами, все корейцы на территории Корейского полуострова должны были «стать японцами».

Как пишет С. Курбанов, акт замены фамилий стал огромной трагедией для населения Кореи, практически каждый знал свою генеалогию на многие столетия вглубь веков и гордился этим. Замена фамилий, помимо того, что лишала корейца его национального лица, не давала возможности совершать многочисленные ритуалы и церемонии годового и жизненного циклов, такие как, например, ежегодные церемонии кормления духов предков. Поэтому многие корейцы, в особенности люди среднего и пожилого возраста, не соглашались менять фамилии даже под страхом смерти. Формально кампания была «успешно» завершена уже к 10 августа 1940 г. По отчетам к этому времени около 80 % корейцев сменили фамилии. Реально же новые японские имена и фамилии употреблялись исключительно в официальном делопроизводстве, присутственных местах и т. п., в то время как в повседневной жизни люди, естественно, пользовались своими национальными именами» [Там же, с. 264].

В августе 1940 г. были закрыты крупнейшие корейские газеты, издававшиеся на корейском языке, – «Чосон ильбо» и «Тона ильбо». В 1942 г. было распущено «Научное общество корейского языка» («Чосоно хакхве»). Его руководители были арестованы и отправлены в тюрьму.

Со второй половины 1930-х гг. начинается активное принудительное внедрение в Корею японской национальной религии *синто*. Так, школьников и студентов заставляли поклоняться божествам *синто*, хозяев домов обязывали вывешивать табличку духа основательницы японской нации, богини солнца Аматэрасу [Курбанов, 2009].

Опасность утраты национальной идентичности усугублялась еще и тем, что к 1940 г. в Корею уже выросло молодое поколение, для которого независимость Кореи была чем-то абстрактным, а японское колониальное господство «естественной» реальностью.

Тем не менее ошибочным будет полагать, что в период колонизации в Корею не велись научные исследования. Напротив, по мнению М. Н. Пака, начало научному изучению социально-экономических вопросов истории Кореи раннего периода в современной корейской историографии было заложено именно в этот период. Среди основоположников ученый называет, в частности, профессора Пэк Намуна, издавшего в 1933 г. монографию, в которой предпринимается попытка на основе марксистского учения об объективных законах исторического развития и о смене общественно-экономических формаций проанализировать социальные отношения, экономику и культуру периода троецарствия в Корею. Следует отметить, что концепция Пэк Намуна о рабовладельческой природе Трех государств в первое время после освобождения страны получила достаточно широкое признание [Пак, 2001].

Безусловно, освобождение Кореи от японского колониального господства стало важнейшим событием в истории Кореи XX в., повлиявшим и на дальнейшее развитие корейской научной мысли, и на взаимодействие Кореи с другими странами, о чем речь пойдет в следующей главе.

Таким образом, в данной части монографии мы попытались дать краткий обзор эволюции знаний о регионах на территории Корейского полуострова. Разбивая данный исторический период на более мелкие этапы, мы считаем возможным выделить:

- этап зарождения проторегионологического знания (VI–XV вв.) – с момента проникновения письменности на территорию Корейского полуострова и начала историописания до воцарения династии Ли, осознания необходимости получения более подробных географических сведений, появления корейского алфавита;

- этап становления традиционного корейского научного знания, первые попытки изучения других стран (XVI–XIX вв.) – возникновение идеи кореецентризма, концепции *сирхак* об изучении прикладных наук; попытки переосмысления истории, знакомство с западной географией;

- этап кореецентризма, отказа от изучения других стран (XIX в.) – следование девизу «Сохранять правильное, изгонять чужое»;

- этап колониального регионологического знания (1910–1945 гг.) – угроза потери национальной идентичности, кризис образования.

ГЛАВА 2

ПЕРИОД РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОРЕЕ

Многие историки важнейшей задачей послеколониального периода развития Кореи считали ликвидацию колониалистского взгляда на историю Кореи. Позволим себе процитировать известного корейского историка Ли Ги Бэка: «Из всех актуальных задач, которые предстоит решить нашим историкам, наиболее важной является задача освобождения нашего сознания от навязанного нам колонизаторами ложного понимания истории Кореи. Мы имеем в виду извращенный взгляд на историю Кореи, навязанный японцами для оправдания своей колониальной политики в Корее, суть которого сводится к уничтожению духа самостоятельности, духа независимости корейской нации. Такое понимание истории, далекое от объективной истины и исторической правды, необходимо было японским колонизаторам для достижения реальных политических целей» [Ли Ги Бэк, 2000, с. 22].

Таким образом, в послеколониальный период корейская историческая наука стремилась, прежде всего, «очистить» историю страны. Стоит сказать, что еще в период колонизации корейские ученые продолжали работу по развитию отечественной исторической науки. В результате этого появилось несколько школ, из которых можно выделить три основных – националистическую, социально-экономическую и позитивистскую.

Представители первого направления были нацелены объяснить развитие истории Кореи с позиций национального духа. По их мнению, основа истории – дух или сознание корейской нации, следовательно, в период расцвета нацио-

нального духа Корея активно развивается, а в период упадка также становится слабой.

Представители второго направления, вдохновляясь примером европейской истории, главным в истории страны считали противостояние между экономически господствующими и зависимыми классами. И наконец, сторонники третьего подхода исходили из того, что достижение понимания истории возможно лишь путем ясного познания объективных фактов [Ли Ги Бэк, 2000].

Необходимо отметить, что корейская историография сравнительно молода, что объясняется особенностями исторического развития страны. Только в 60-е гг. XX в. стали появляться в заметном количестве работы южнокорейских ученых, посвященные историческим и политическим проблемам Кореи.

2.1. ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ, ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ОФИЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В данной главе мы намерены проследить, какие же векторы развития приобрело регионологическое знание в Корею после его институализации. Однако сначала необходимо ответить на вопрос о том, когда региональная наука получила официальный статус науки в мире. Как известно, идеи о необходимости выделения отдельной науки, занимающейся изучением регионов, зародились в США после окончания Второй мировой войны и связаны с именем выдающегося американского экономиста Уолтера Айзарда. Подробнее об этом можно прочесть в других работах автора монографии [Кузнецова, Карачева, 2018; 2019; 2020; Коробко, Кузнецова, 2020а, б; Кузнецова, 2020а].

Итак, по нашему мнению, представляется возможным рассматривать неофициальное заседание американских ученых, интересующихся региональными проблемами, про-

веденное в 1950 г., в качестве точки отсчета в зарождении американской регионологической школы. В 1954 г. по инициативе Айзарда была создана Ассоциация региональной науки (*Regional Science Association*), а в 1956 г. она была официально признана в качестве законной общественной научной организации и включена в Объединенную ассоциацию социальных наук. Став основателем региональной науки в США и добившись упрочения позиций новой отрасли исследования среди других социальных наук, Уолтер Айзард проникся идеей обеспечить новой науке мировое признание.

Летом 1960 г. он начал предпринимать шаги по распространению региональной науки в Европе, где, конечно, исследованиями регионов занимались в течение нескольких веков, однако в основном это происходило в рамках отдельных гуманитарных дисциплин [Кузнецова, Пелихова, 2020].

К 1962 г. с помощью соратников ученый обратил внимание на Латиноамериканский регион и Дальний Восток. В 1962 г. была сформирована Японская секция Ассоциации региональной науки, начавшая достаточно активно развиваться [Кремнёв, Ананьев, 2020а, б; Кремнёв, Ананьев, Серых, 2020; Кремнёв, Шалина, Озеров, 2019; Кремнёв, Шалина, 2020], а первая Дальневосточная конференция состоялась в сентябре 1963 г.

В то время как японская и индийская секции процветали, создание дополнительных секций в Азии сталкивалось с большими трудностями вплоть до начала 1980-х гг., когда друг за другом появились и стали членами организации Кореяская ассоциация региональной науки, Китайская ассоциация региональной науки, Индонезийская ассоциация региональной науки и Мексиканская ассоциация².

² Подробнее развитие регионологического знания в США можно проследить в книге: Кузнецова О. В. Региональные исследования в США : монография; [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. (серия «Трансдисциплинарная регионология»). Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» № 19-011-00040.

2.2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРЕЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Итак, Корейская ассоциация региональной науки (*Korean Regional Science Association (KRSA)*) была основана 22 августа 1983 г.; на организационном собрании присутствовал У. Айзард. 2 октября 1984 г. организация получила статус юридического лица, в настоящее время она официально включена в качестве академической организации в Национальный исследовательский фонд Кореи (*National Research Foundation of Korea*), созданный в 2009 г. с целью способствовать продвижению знания и улучшению качества жизни посредством поддержки креативных исследований и обучения человеческих ресурсов [Mission&Vision].

Корейская ассоциация региональной науки – это организация, состоящая из экспертов, занимающихся вопросами национальной и региональной политики, она имеет свой официальный сайт и эмблему (рис. 1). Преимущественно в ее состав входят профессора, аспиранты, научные работники, сотрудники государственных учреждений и чиновники национальных и местных органов управления.

Рис. 1. Эмблема Корейской ассоциации региональной науки

Изучив официальную позицию Ассоциации, мы можем констатировать полное принятие и следование концепции западной, прежде всего американской, региональной науки. Так, целью организации является служение проводником региональной экономической модернизации и международного обмена. Организаторы отмечают, что появились различные сферы исследования региона, которые требуют

междисциплинарного подхода посредством унифицирования пространства, и Ассоциация стремится соответствовать этим требованиям. Это достигается путем использования системного подхода к региональным проблемам с помощью интеграции теоретических концепций, аналитических методов и изучения стратегий в различных областях региональных исследований в новую, самобытную науку.

Как говорится в приветственном слове президента Ассоциации, за последние 70 лет регионы и города в Корею испытали значительный рост в связи с процессами урбанизации, индустриализации и информатизации. В то же время из-за предпринятых многочисленных шагов, нацеленных на рост и экономическое развитие, таких как региональная и экономическая поляризация, в городах возникли значительные проблемы. Соответственно, члены Ассоциации сходятся во мнении, что организация должна заблаговременно заниматься поиском предложений и разработкой политики в отношении вопросов и проблем регионов и городов, которые необходимо решать.

Организация ориентирована на регионологов, специализирующихся в таких дисциплинах, как городское и региональное планирование, государственное управление, экономика, география, городское строительство и социология. Проводя регулярные научные конференции, симпозиумы и семинары, Ассоциация стимулирует разработку различных исследовательских методологий для регионального анализа, кроме того, проводится оценка регионального развития и региональной политики, а также тематические исследования городского развития. Конкретные направления политики, такие как управление городским хозяйством и устойчивое городское развитие, часто обсуждаются в международном пространстве, прежде всего на заседаниях Тихоокеанской конференции по региональной науке.

Ассоциация сформулировала четыре основных цели на ближайшие 70 лет, в перечне которых, собственно, и отражена ее постоянная деятельность:

1. Продолжать издание ежеквартального журнала Ассоциации (*Journal of KRSA*), выходящего с 1985 г., организацию конференции, традиционно проводимой раз в полгода, и публикацию книг по региональной науке.

2. Проводить форум по выработке совместной политики с национальными и местными органами власти государственными учреждениями четыре раза в год.

3. Продвигать будущие стипендиальные программы через конкурс на лучшую выпускную работу, воркшопы для выпускников и наставническую деятельность.

4. Укреплять и расширять международные академические сообщества с существующими официальными партнерами, такими как Азиатская конференция по региональной науке (*Asian Conference in Regional Science (ACRS)*), Организация Тихоокеанской конференции по региональной науке (*Pacific Regional Science Conference Organization (PRSCO)*), Ассоциация западной региональной науки (*Western Regional Science (WRSA)*), Совет североамериканской региональной науки (*The North American Regional Science Council (NARSC)*), Европейская ассоциация региональной науки (*The European Regional Science Association (ERSA)*) [Message from President].

Ассоциация имеет разветвленную и четко спланированную структуру (рис. 2) [Organization].

Члены Ассоциации принимают активное участие в международных мероприятиях по региональным вопросам. Перечислим некоторые из них.

В 1987 г. в Японии была учреждена Конференция прикладной региональной науки (*The Applied Regional Science Conference (ARSC)*) с целью продвигать междисциплинарные исследования в сфере региональной науки. В 2007 г. ARSC и Китайская ассоциация региональной науки (*Regional Science Association in China (RSAC)*) совместно провели Японо-китайский семинар по региональной науке, который стал ежегодным. Позднее, в 2010 г., к этой структуре присоединились Корея и Тайвань и был создан ежегодный Азиатский семинар (*Asian Seminar*). Принять участие в се-

минаре могут все желающие, не только члены одной из четырех организаций, спонсирующих это мероприятие. На данный момент было проведено 10 семинаров, два из них проводились в Корее – 4-й в Сеульском университете в 2014 г. и 8-й – в Национальном университете Чеджу (г. Чеджу) в 2018 г. [Asian Seminar].

Рис. 2. Структура Корейской ассоциации региональной науки

Темами 4-го семинара стали такие ключевые вопросы региональной науки, как:

- городская экономическая теория и модель,
- региональная экономическая структура и катастрофы,
- международное развитие и планирование,
- пространственное планирование,
- рынок труда и человеческий капитал,
- агломерационная экономика и инновации,
- землепользование и пространственный анализ,
- развитие коммьюнити,
- экономика инфраструктуры,
- городская система и планирование,
- устойчивость и планирование,

● региональное неравенство и развитие [The Fourth Asian Seminar ...].

Среди основных тем 8-го семинара назовем следующие:

- местоположение экономической деятельности,
- региональное и городское планирование,
- региональная и городская устойчивость,
- пространственная экономика,
- экономическая география,
- транспортные системы,
- анализ и предотвращение катастроф,
- региональное развитие,
- миграция и демографический анализ,
- качество окружающей среды [The Eighth Asian Seminar ...].

Как видим, темы сформулированы достаточно широко, не нарушают общепринятую парадигму региональных исследований, большинство докладов фокусируется на насущных проблемах регионов, прежде всего городов, неслучайно региональные и городские вопросы часто обсуждаются совместно, что также весьма характерно для американской регионологической школы.

На 9-й год проведения мероприятие сменило название на Азиатскую конференцию по региональной науке (*Asian Conference in Regional Science*), прошла конференция в Шанхае и была организована Китайской ассоциацией региональной науки совместно с Корейской и Японской. Стоит сказать, что конференция была посвящена столетию со дня рождения У. Айзарда. Помимо традиционно обсуждающихся на данных семинарах вопросов появилась весьма актуальная в XXI в. тема «Умные города и регионы» [2019 Asian Conference ...].

2.3. ВЕДУЩИЕ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ПО РЕГИОНАЛЬНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

В данном параграфе нами будут рассмотрены ведущие научные центры Кореи, занимающиеся изучением региональных вопросов, а также стимулированием изучения Кореи в мире. Будут также проанализированы крупные корейские вузы, предлагающие образовательные программы по региональным исследованиям. Полный перечень этих учреждений приведен в прил. 1.

Прежде всего, представим **Национальный исследовательский фонд Кореи** (*National Research Foundation of Korea*), занимающийся поддержкой научных исследований в целом. Как уже было сказано, он был создан в 2009 г., его эмблема изображена на рис. 3. Сотрудники Фонда видят свою миссию в том, чтобы задавать направления фундаментальных и прикладных исследований страны по всем академическим дисциплинам, руководить изменениями в ориентированных на будущее исследовательских экосистемах и превратиться в платформу для взаимодействия университетов, исследовательских институтов и ученых.

Рис. 3. Эмблема Национального исследовательского фонда Кореи

Фонд состоит из нескольких директоратов:

- фундаментальных исследований в науке и инженерии;
- гуманитарных и общественных наук;
- программ национальных стратегических исследований и развития;
- академических исследований;

- международной деятельности;
- стратегии и политики исследований и развития;
- управления и операций [About the NRF].

Фонд поддерживается Министерством культуры и туризма Кореи. У Фонда большое количество партнеров по всему миру, назовем лишь некоторые: Китайскую академию наук (*Chinese Academy of Sciences*), Японское общество продвижения науки (*Japan Society for the Promotion of Science*), Национальный научный фонд США (*National Science Foundation*), Французское национальное исследовательское агентство (*French National Research Agency*), Немецкий исследовательский фонд (*German Research Foundation*) и многие другие. Фонд поддерживает талантливых ученых, занимающихся креативными, инновационными, мультидисциплинарными исследованиями [About the NRF].

Институт развития Кореи (*Korea Development Institute*) был основан в 1971 г., когда появилось осознание необходимости создания аналитического центра, который бы занимался исследованием вопросов экономической политики и помогал правительству в формулировании пятилетних планов экономического развития и сопутствующих стратегий. Институт является ведущей научной организацией, занимающейся изучением проблем экономического развития Кореи в целом и ее регионов. Остановимся подробнее на сферах его деятельности в разные периоды.

В период с 1971 по 1979 г. сотрудники Института реализовывали краткосрочные исследовательские проекты для оценки текущих вопросов экономической политики, дискуссии и конференции. Институт занимался анализом долгосрочных экономических перспектив Кореи и опубликовал свои результаты в документе «Долгосрочное социально-экономическое развитие в 1977–1991 гг.». Помимо вклада в формулирование экономической политики, организация способствовала созданию базы для экономических исследований Кореи. В сотрудничестве с Гарвардским институтом международного развития Институт изучил 30-летний период социально-экономического развития Кореи с момента

ее освобождения в 1946 г. до середины 1970-х гг. и опубликовал результаты в серии из десяти томов под названием «Экономическая и социальная модернизация Республики Корея» на корейском и английском языках. Это всеобъемлющее исследование стало ценным справочным материалом для экономистов, политиков, а также организаций, связанных с отечественной и зарубежной экономикой.

Учреждение постоянно проводило обширные исследования в областях, напрямую связанных с экономическим развитием (макроэкономика, государственные финансы, денежно-кредитная и финансовая экономика, организация промышленности и международная торговля). Кроме того, изучались вопросы социального обеспечения, которые в последнее время привлекли к себе значительное внимание в Корее. Были проведены фундаментальные исследования по таким аспектам, как системы социального обеспечения (медицинское страхование, страхование от несчастных случаев на производстве, пенсионные фонды, страхование от безработицы). Путем введения соответствующих методов измерения были модифицированы социальные показатели, используемые в развитых странах, чтобы обеспечить их пригодность в Корее. Это способствовало публикации корейского социального индекса отделом опросов и статистики Совета экономического планирования [History / Korea Development Institute].

В 1980-е гг. направление исследований изменилось в ответ на трансформации, происходящие в Корее в социальном и экономическом секторах. Сосредоточение экономической власти на бизнес-конгломератах усилилось, а связанные с этим проблемы превратились в социально-политические, что побудило исследователей заняться выявлением существующих структурных проблем и отреагировать на них соответствующими мерами. Эти усилия легли в основу пересмотра в 1986 г. Закона о справедливой торговле, который был направлен на создание соответствующей правовой системы для снижения и сдерживания экономической концентрации.

В ответ на растущий интерес к социальным вопросам и соответствующей политике Институт рассмотрел и изучил способы обновления базовой статистики по широкому кругу областей, включая население, занятость, культуру, гендерные вопросы и окружающую среду, тем самым способствуя значительному расширению и улучшению системы социальных индексов.

Были инициированы исследования экономики Северной Кореи, чтобы правильно понять ее экономическое положение и перспективы экономического сотрудничества между Южной и Северной Кореей. Что касается международной торговой политики, сотрудники Института отметили, что меры внутренней защиты посредством тарифных и нетарифных барьеров препятствуют международной конкурентоспособности отечественной промышленности, и предложили реформу тарифной структуры, основанную на единой тарифной ставке, а также либерализацию импорта.

Для сельскохозяйственного сектора предложили план увеличения несельскохозяйственных доходов путем создания промышленных комплексов в сельской местности, тем самым заложив основу для законодательства о содействии развитию фермерских и рыболовных хозяйств и формированию общенациональных сельских промышленных комплексов.

Подчеркнем, что главной исследовательской темой учреждения всегда было долгосрочное экономическое развитие Кореи. В 1985 г. совместно с 11 другими государственными исследовательскими институтами был реализован исследовательский проект под названием «Перспективы корейской экономики в 2000 г.». В 1988 г. Институт выполнял функции руководящего научно-исследовательского института Консультативного совета по экономической реструктуризации при президенте [History / Korea Development Institute].

В 1990-е гг. Институт принял участие в разработке седьмого пятилетнего плана и начал формулировать пятилетний план для новой экономики в 1993 г. Однако этот план остался лишь предварительным бумажным планом

без последующих действий, практика создания пятилетних планов развития подошла к концу.

В рамках второго совместного исследования с Гарвардским институтом международного развития было проведено еще одно исследование опыта экономического роста Кореи начиная с середины 1970-х гг. и опубликована серия из трех томов, посвященных процессу социально-экономического развития Кореи. В ознаменование 50-летия освобождения Кореи был напечатан исследовательский отчет на корейском и английском языках, в котором были охвачены все основные экономические проблемы Кореи за последние пять десятилетий.

В разгар всемирной глобализации внутренний финансовый сектор сталкивается с такими реформами, как либерализация и развитие финансового рынка. Исследовательский центр продолжил изучение этих тем и сыграл значительную роль в деятельности Комитета по финансовой реформе, созданного в январе 1997 г. В апреле 1998 г. были опубликованы «Комплексные меры по преодолению экономического кризиса и структурным реформам». В целом можно отметить, что после финансового кризиса тематика исследований расширилась, чтобы охватить больше вопросов национальной экономической системы [History / Korea Development Institute].

В период 2000-х гг. Институт стремился внедрить комплексные среднесрочные и долгосрочные меры, чтобы способствовать устойчивому росту и в то же время укрепить возможности в области микроэкономических исследований, инноваций и улучшения рыночных структур. Между тем, чтобы подойти к социально-экономическим проблемам, таким как образование и жилье, с экономической точки зрения, организация решительно поддерживала совместные проекты не только с другими исследовательскими институтами в Корею, но и с международными организациями, такими как Всемирный банк и ОЭСР, тем самым интернационализируя свои исследовательские усилия.

В 2001 г. было проведено совместное с 16 другими исследовательскими институтами, академическими подразделениями и общественными группами исследование под названием «Видение-2011», в котором были представлены задачи, стоящие перед корейской экономикой. В результате вышла публикация под названием «Видение-2011: открытое общество, гибкая экономика». В 2004 г. аналитический центр опубликовал книгу «Динамичная Корея: нация в движении». Эта публикация содержит рекомендации, которые могут помочь Корее выбрать путь к созданию интернационализованной передовой экономической системы и способствовать превращению страны в экономический центр Северо-Восточной Азии.

Начиная с 2010 г., по мере того, как глобальная экономика становится более интегрированной, или взаимосвязанной, экономические риски одной страны имеют тенденцию распространяться беспрецедентными темпами. Сети становятся более тесно связанными, требуя новой парадигмы экономического развития для сосуществования и совместного процветания. В настоящее время Институт прилагает огромные усилия, чтобы найти новую траекторию роста и заранее предложить стратегические альтернативы, которые могут помочь корейской экономике занять ведущую роль в посткризисный период. Кроме того, в исследовательском центре ведется работа над будущей стратегией, которая могла бы привести к обществу всеобщего благосостояния, сбалансированному росту и экономической демократии. Институт провел комплексные исследования, основанные на глубоком анализе экономических, политических, социальных условий в Корее, чтобы найти новый двигатель роста и решить все еще существующие проблемы, такие как растущие долги домохозяйств, рост незащищенности доходов среди малоимущих классов и замедление потенциального роста из-за старения населения [History / Korea Development Institute].

Добавим, что исследовательский центр ведет чрезвычайно активную работу по организации научных мероприя-

тий в рамках исследуемой тематики. Перечислим несколько последних научных событий:

- семинар «Что дальше? Перспективы будущей повестки дня для корейской экономики» (состоится 17.02.2021);
- конференция по оценке политики на основе фактических данных (15.12.2020);
- конференция по вопросам будущего и стратегии Кореи «COVID-19 и век гипернеопределенности: вызовы и ответы устойчивости» (04.12.2020);
- конференция «Обмен знаниями в постковидную эру» (24.11.2020);
- глобальный форум по развитию сотрудничества «Инновации для развития» (19.11.2020) [Event / Korea Development Institute].

Переходя к научным центрам, занимающимся изучением корееведения, прежде всего, поясним, что одной из важнейших задач правительство страны считает распространение знаний о Корее по всему миру. В 1991 г. правительство Южной Кореи учредило **Корейский фонд** (*Korea Foundation*, 한국국제교류재단) с целью содействия изучения Кореи по всему миру, распространения информации о Корее и поддержки общественной дипломатии для более тесного взаимодействия с дружественными странами. Официальную эмблему Фонда можно увидеть на рис. 4. С тех пор Фонд реализует различные программы международного обмена, активно занимается продвижением корееведения в мире, предпринимает действия для обмена опытом и международного сотрудничества.

Рис. 4. Эмблема Корейского фонда

Следующие цифры действительно подтверждают его эффективную работу: в рамках его деятельности 136 профессоров работают в 91 университете 16 стран мира, создана «Корейская комната» в 28 крупных музеях. Около 10 тыс. человек задействованы во взаимодействии с другими странами, предоставлены материалы о Корее в 1900 библиотеках в 138 странах. Согласно закону о публичной дипломатии, Корейский фонд – единственное в стране учреждение, имеющее право реализовывать публичную дипломатию, в 2018 г. фонд запустил программу «Академия публичной дипломатии» [Message from the President].

Еще одно крупное подразделение, занимающееся продвижением корееведения, – **Институт корееведения** (*The Korean Studies Institute*), созданный в 1995 г. Институт также имеет собственную эмблему (рис. 5) и формулирует видение своей деятельности как «следовать традициям и открывать будущее». Философия Института основана на таких принципах, как:

- глобализация (совместные усилия по сохранению и использованию «памяти мира», поиск различных документов и их распространение),
- модернизация (сохранение и управление национальными архивами в Корее, знакомство молодого поколения с традиционной культурой Кореи, распространение традиционных ценностей среди молодежи),
- практиклизация (практическое изучение культурного наследия страны, изготовление традиционного культурного контента, перспективные исследования и распространение традиционной культуры),
- информатизация (развитие традиционного культурного контента на основе ИКТ, компьютеризация системы поддержки),
- популяризация (повышение интереса населения к культурному наследию).

Рис. 5. Эмблема Института корееведения

Фонд реализует большое количество проектов по сохранению, цифровизации, переводу материалов по корееведению. Интересно, что под термином *корееведение* (*Korean Studies*) в данном случае понимается преимущественно национальная культура, что явно заметно из миссии Фонда.

Поясним, что исследования Кореи, которые ранее определялись в рамках трех различных, но взаимосвязанных региональных перспектив, таких как дальневосточная, восточная или восточноазиатская, постепенно стали независимыми от этих региональных исследовательских групп.

Как отмечает Ким Хёнгджу, категория корееведения претерпела исторические изменения. Корейские исследования не имеют четких границ с точки зрения институтов и дискурсов, охватывают различные общепринятые области гуманитарных и социальных наук и относительно новые дисциплинарные области, такие как культурология и исследования женщин. Границы направления сложны и подвижны, его различные подразделы «собираются, разбираются и собираются заново» [Kim Hyun-ju, 2011, p. 5].

Важно пояснить, что изначально корееведами в Корее считались иностранные специалисты, занимающиеся изучением Кореи. Корейские же ученые предпочитали называть себя лингвистами, социолингвистами, историками, но не корееведами. Исключением были случаи, когда корейский ученый получал образование за рубежом и публиковал свои научные работы не только на корейском, но и на других языках, в первую очередь на английском. В середине 2000-х гг. одной из тенденций высшего образования в Корею явилось увеличение количества университетских

дисциплин, преподаваемых на английском языке, результатом чего стало то, что большое количество корееведов, обучавшихся за рубежом, было принято на работу в корейские университеты [Кузнецова, 2020б].

В настоящее время большинство ведущих корейских вузов предлагает академические программы (чаще всего магистерские) по корееведению. Бакалаврские программы по корееведению открыты в двух корейских университетах.

Итак, рассмотрим особенности подготовки специалистов по корееведению и региональным исследованиям в ведущих вузах Республики Корея.

1. **Академия корееведения** (*Academy of Korean Studies*, AKS, 한국학중앙연구원) – южнокорейский исследовательский и образовательный институт, учрежденный с целью проведения фундаментальных исследований корейской культуры. Был основан 30 июня 1978 г. министерством образования, науки и техники Южной Кореи. На официальном сайте организации отмечается, что Академия была учреждена, чтобы «оживить» корееведение путем проведения всесторонних исследований и осуществления подготовки специалистов по смежным дисциплинам. Деятельность Академии включает изучение корейской культуры с использованием методов гуманитарных и социальных наук, подготовку специалистов в данной области, сбор, изучение, перевод и публикацию корейских классических трудов, публикацию и распространение результатов исследований по корееведению. Сотрудники Академии также занимаются составлением и распространением основных справочных изданий, таких как «Энциклопедия корейской культуры» и «Цифровая энциклопедия корейской культуры», оцифровыванием и распространением учебно-методических материалов по корееведению посредством сотрудничества и программ обмена с образовательными учреждениями в Кореи и за рубежом. Большая роль отводится реализации программ и проектов, нацеленных на углубление знаний о корейской культуре в международном сообществе [Founding Purpose].

В деятельности Академии можно выделить несколько основных периодов.

В 70-х гг. XX в. Академия находилась в авангарде социальных исследований по Корее и, как отмечают специалисты, основной целью ее деятельности было преодоление искаженных представлений о корейской системе этических норм и ценностей, сформировавшихся в ходе ускоренной индустриализации страны. Много выдающихся ученых, занимавшихся изучением разных аспектов корееведения, реализовывали различные проекты для достижения этой цели, результатом чего стала публикация свыше 1 тыс. работ.

80-е гг. В марте 1980 г. для стимулирования роста кадрового потенциала специалистов по Корее при Академии корееведения была основана докторантура по корееведению (*Graduate School of Korean Studies*). На сегодняшний момент насчитывается около 400 выпускников – магистров гуманитарных наук и 110 выпускников, получивших степень доктора наук. Многие из выпускников – иностранцы, которые в настоящее время занимаются продвижением корееведения в различных зарубежных университетах, исследовательских центрах, музеях и других общественных организациях. Сейчас по данной программе обучается 300 человек, из них свыше 150 иностранцев из сорока стран [History].

Докторанты и магистранты могут выбрать одно из четырех направлений:

1. *Гуманитарные науки*

Области исследований:

- история Кореи,
- дипломатия и библиография,
- философия,
- лингвистика и литература Кореи.

2. *Культура и искусство*

Области исследований:

- антропология и фольклор,
- религиоведение,
- музыковедение,
- история искусств,

- информационная культура и география человека.

3. *Социальные науки*

Области исследований:

- политология,
- экономика,
- социология,
- этика,
- образование.

4. *Мировое корееведение*

Области исследований:

- корейская культура и общество,
- корейская классическая культура и мировая коммуникация.

Региональные исследования в отдельное направление не выделены [Admission Information].

90-е гг. До сегодняшнего дня наиболее значительной работой, созданной при участии сотрудников Академии, считается 28-томная «Энциклопедия корейской культуры», опубликованная в 1991 г. Данный труд охватывает период корейской традиционной культуры свыше 5 тыс. лет. С 2001 г. издание доступно в электронном формате. Совместно с информационным центром корееведения, созданным в 1996 г., Академия активно занимается переводом в цифровую форму сведений об исследованиях Кореи.

2000-е гг. С момента основания Академия прилагала значительные усилия по продвижению различных научных форумов, семинаров и международных конференций. Результатом этого стало то, что в июле 2002 г. был проведен Первый мировой конгресс по корееведению, что явилось еще одной крупной вехой в развитии мирового корееведения [History].

В марте 2003 г. Академией был создан **Центр международной корейской культуры** с целью распространения информации об истории и культуре Кореи. В 2019 г. организация была переименована в **Центр международных отношений**. Деятельность Центра осуществляется для реализации двух ключевых проектов.

В рамках проекта поддержки корееведения за рубежом осуществляется содействие научным исследованиям, проводятся программы приглашения на стажировку, курсы корейской культуры, Всемирный конгресс корееведения и международные конференции *Societas Koreana*, поддерживаются контакты с организациями, действующими в разных странах и др.

В рамках проекта распространения объективной информации о Корее, дальнейшего исправления ошибочного изложения и расширения представления Кореи в учебниках разных стран проводятся семинары по учебному изданию, анализ учебных материалов, стажировки для специалистов данной сферы, деятельность по улучшению содержания учебных материалов о Корее, программы обучения по регионам, разработка информационных материалов, поддержка общественных организаций и др.

Важным для сотрудников является вопрос, как можно распространить точную и объективную информацию, а не только, какая информация будет передана, цель их деятельности – лучшее понимание Кореи иностранцами, а также повышение статуса страны на международной арене [Mission / Center for International Affairs].

Академия издает два журнала на английском языке: *Korea Journal* и *The Review of Korean Studies*. *Korea Journal* был впервые опубликован в 1961 г. с целью популяризации корееведения во всех регионах. Этот журнал читают специалисты по корееведению со всего мира, а также те, кто серьезно интересуется восточноазиатскими или корееведческими исследованиями. Статьи публикуются по всем областям социальных и гуманитарных наук, включая историю, литературу, философию, искусство, экономику, психологию, религию, политологию, антропологию и социологию. Все результаты исследований находятся в свободном доступе в Интернете.

The Review of Korean Studies выходит с 1998 г. с целью стимулировать диалог и обмен идеями, теориями и перспективами среди корейцев как в Азии, так и на Западе пу-

тем публикации передовых статей во всех областях корееведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что Академия рассматривает корееведение как комплексное изучение Кореи, ее истории, философии, литературы, фольклора, политики, социологии, а также корейского языка. Следует отметить, что очень большое внимание уделяется изучению, анализу и интерпретации культуры Кореи. Данный раздел понимается специалистами чрезвычайно широко, и в некоторых случаях понятия «корейские исследования» и «исследования культуры Кореи» отождествляются.

2. Высшая школа международных исследований (*Graduate School of International Studies*, 동아대학교 국제전문대학원) **университета Донг-а** (*Dong-a University*, 동아대학교), частного некоммерческого вуза, расположенного в г. Пусан. Основные направления Высшей школы – это международная торговля, мультикультурализм и фундаментальные исследования Кореи. Специализации, которые предлагаются обучающимся, – мировые финансовые процессы; мультикультурализм; мировое корееведение (글로벌 한국학 전공); государственная политика.

Все обучающиеся посещают курс «Введение в международные исследования», в результате изучения которого должны получить представление об основных областях исследований международных процессов, также в рамках курса рассматриваются такие понятия, как отношения между регионами и странами, политика, история, экономика, общество, культура и язык в международном сообществе.

Цель второго обязательного курса «Глобальные проблемы» – дать обзор основных проблем современной международной политической экономики. В рамках курса рассматриваются такие явления, как интернационализация и глобализация. Дисциплины, изучаемые в каждой программе, представлены в табл. 1 [글로벌한국학전공].

Таблица 1

Перечень изучаемых в Высшей школе международных исследований дисциплин

Программа	Изучаемые дисциплины
Мировые финансовые процессы	<p>Международная торговая политика, международная политическая экономия, региональная экономическая интеграция, прямые иностранные инвестиции, международное развитие и сотрудничество, корейские предприятия, европейские исследования в области торговли, переговоры, посредничество и арбитраж, юридический английский язык, введение в англо-американское право, международное торговое право, международное право, кейс «Международное экономическое право», международное предпринимательское право, экологические проблемы и международное право, правосудие в мировом обществе, международные финансы, дипломатия, введение в международные отношения, исследовательский метод, теория государства и права, война и международная политика, введение в политическую экономику в Азии, урегулирование международных споров, глобальное лидерство</p>
Мультикультурализм	<p>Миграция и трудовая политика, подходы к пониманию мультикультурализма в корейском обществе, введение в иммиграционную политику, вопросы сощобеспечения мультикультурных семей, введение в политику социальной интеграции, руководство и консультирование студентов из мультикультурных семей, семейное право, глобальное лидерство, граждане Кореи, проживающие за рубежом, и корейское общество, мировое гражданство и этика, международная миграция и гендер, современные проблемы иностранных рабочих, проблемы беженцев из Северной Кореи, подходы к пониманию азиатского общества</p>

Программа	Изучаемые дисциплины
Мировое корееведение	Анализ корейских новостей, введение в преподавание корейского языка как иностранного, чтение корейской литературы по социологии, корейская традиционная культура, современное корейское общество, экономика и корпорации Кореи, внешняя политика Кореи и воссоединение Кореи, Корея в мире, политическое общество в Кореи, иностранная культура и международные обмены, культура и искусство Кореи и корейская волна, природа и история Кореи, корейские предприятия и предприниматели, развитие и глобализация корейской экономики, литература и кино Кореи
Государственная политика	Введение в теорию общественного выбора, психология и принятие решений, рынок и государство, региональное развитие, местные органы власти и политика, ЕС и государственная политика, иностранные прямые инвестиции и политическая экономика, мировая политика и Корея, государственная стратегия финансирования местных органов власти, налоговая политика местных органов власти, урегулирование конфликтов в общественных спорах, международное публичное право, международные организации, проблемы экологии и права человека

Как видно из приведенного списка дисциплин, у каждой программы своя направленность, но их объединяет подход, заключающийся в том, чтобы соединить изучение глобальных мировых процессов, будь то экономические, культурные или политические, с изучением корееведения и места Кореи в мире, возможности ее успешной интеграции в мировое сообщество.

3. **Женский университет Ихва** (*Ewha Womans University*, 이화여자대학교) – негосударственный женский университет в Сеуле, являющийся самой крупной женской образовательной организацией в мире и одним из престижнейших вузов Южной Кореи. Среди многочисленных образовательных программ, предлагаемых этим университетом, наибольший интерес для нашего исследования представляют бакалаврские программы колледжа Скрэнтон (*Scranton College*), реализуемые отделением международных исследований, – международные исследования и мировые корейские исследования, а также магистерская программа по корееведению Высшей школы международных исследований.

Высшая школа международных исследований (*Graduate School of International Studies, GSIS*) была основана в 1997 г. Миссия школы – обеспечить молодых женщин навыками, необходимыми для профессионалов, занимающих лидирующие позиции в области международной торговли, международного бизнеса и международных отношений. Примечательно, что с 2001 г. GSIS остается лучшим академическим институтом международных исследований в Корею согласно рейтингу Министерства образования. Кроме того, Школа занимает второе место по количеству выпускников, трудоустроенных в международных организациях, к тому же это единственное отделение международных исследований, аккредитованное Ассоциацией международных исследований (*International Studies Association*). В 2006 г. программа по корееведению, открытая в 1982 г., была включена в перечень программ, реализуемых Высшей школой. В программе два профиля – корейская культура и преподавание корейского языка как иностранного.

Программа «Корейская культура» включает такие дисциплины, как:

- корейская культура и общество,
- система ценностей корейцев,
- сравнительное изучение восточноазиатских культур,

- эстетические взгляды корейцев,
- введение в корейский фольклор,
- религии Кореи,
- современная культура Кореи,
- повседневная жизнь корейцев,
- изучение истории Кореи через кино,
- академический английский язык,
- профессиональный английский язык,
- введение в корееведение,
- корейская художественная традиция,
- изучение корейского городского ландшафта,
- культурные ценности Кореи,
- этномузыкология,
- мифы и сказки Кореи,
- корейские исследования зарубежных стран,
- введение в корейское искусство,
- шаманизм в Корею,
- конфуцианство в Корею,
- буддизм в Корею,
- корейские этнические религии,
- корейская культура и цифровые СМИ,
- изучение корейской потребительской культуры через рекламу в СМИ,
- глобализация и корейское общество,
- теория и практика преподавания корейской культуры,
- изучение культуры Кореи в период мультикультурализма.

Очевиден уклон на изучение корейской культуры, что понятно, так как слушателям программы из других стран для лучшего понимания Кореи необходимо узнать тонкости ее традиционной культуры, поэтому дисциплины по изучению древней Кореи переплетены с современным культурологическим наполнением.

Есть в Высшей школе в рубрике «междисциплинарные программы» образовательные программы по регионоведению и восточноазиатским исследованиям [The Graduate School of International Studies].

Как пишут руководители программы по регионоведению, университет Ихва является пионером модернизации в Корее, расширившим возможности женщин и внесшим вклад в модернизацию корейского общества и положения корейских женщин в обществе. В XXI в. с наступлением эпохи глобализации и ростом необходимости кооперации в международных отношениях корейское общество более чем когда-либо нуждается в исчерпывающих знаниях о других странах. Именно эти причины привели к открытию в вузе первой в Корее междисциплинарной программы по регионоведению в 1996 г. [Area Studies].

4. **Университет иностранных языков Хангук** (*Hankuk University of Foreign Studies, HUFSS*, 한국외국어대학교), частный исследовательский университет, расположенный в г. Сеул, считается одним из лучших частных вузов страны, в особенности по преподаванию иностранных языков и общественных наук. В 1996 г. в университете была открыта **Высшая школа международных и региональных исследований** (*Graduate School of International and Area Studies, GSIAS*) с целью подготовки специалистов по разным регионам, обладающих необходимыми компетенциями для проведения научных исследований, а также знанием языка региона специализации. Объектами изучения выступают такие области, как торговля, дипломатия, политика, экономика, культура и общество, международные организации.

В 1954 г., когда был основан Университет иностранных языков Хангук, в нем преподавалось 5 иностранных языков, в настоящее время их 45. Таким образом, Высшая школа международных и региональных исследований предлагает многочисленные программы, совмещающие изучение языка региона и социологические исследования региона. В апреле 2007 г. к перечню реализуемых направлений были добавлены две программы двойных дипломов совместно с Университетом мира, учрежденным под эгидой ООН. Цель этих программ – подготовить выпускников с качествами мировых лидеров (*global leaders*).

На данный момент из всех вузов Южной Кореи Высшая школа международных и региональных исследований предлагает наиболее широкий спектр программ по изучению регионов мира, а именно политических, экономических, а также социокультурных особенностей определенного региона. При обучении на магистерской программе перечень изучаемых регионов включает: Корею, Китай, Японию, Индию и АСЕАН, Африку и Ближний Восток, Россию и СНГ, ЕС, США и Канаду, Латинскую Америку. Магистранты изучают политику, экономику и социокультурные особенности выбранного региона. Докторанты специализируются на более углубленном изучении одной из областей: политики, экономики или социокультурных характеристик выбранного региона. Кроме того, докторантам предлагается программа по международным отношениям (международная политика, международная торговля или сравнительные социокультурные исследования) [Graduate School of International...].

5. Университет Ханянг (*Hanyang University*, *한양대학교*) входит в пятерку крупнейших частных исследовательских вузов Кореи, находится в Сеуле. В 1997 г. в университете была основана Высшая школа азиатско-тихоокеанских исследований, предлагающая магистерские курсы по изучению четырех регионов – Америки, Китая, Японии и России. В 2001 г. школа была переименована в **Высшую школу международных исследований** (*Graduate School of International Studies*).

В приветственном обращении на официальном сайте декан говорит о том, что цель Школы – подготовить международных экспертов, способных понимать и интерпретировать процессы, происходящие на Корейском полуострове, а также в четырех супердержавках, окружающих его, – Китае, США, России и Японии. Программа фокусируется на исследованиях определенного региона, а именно на изучении политики, экономики, истории, культуры и языка региона, кроме того, слушателям предлагаются общие курсы по экономике и ведению предпринимательской деятельности.

Особо подчеркивается, что Школа готовит экспертов в области международных отношений и регионоведения, так как в настоящее время наблюдается возросший спрос на специалистов, способных соответствовать вызовам международной конкуренции и сотрудничества, возникшим в связи с ростом глобализации в XXI в.

Кроме того, в Школе действует совместная с Корейским институтом международной экономической политики программа по региональным исследованиям, нацеленная на подготовку специалистов по Центральной Азии, Монголии, России и Китаю [Dean's Welcome].

В 1997 г. в процессе реорганизации в университете появился также **Азиатско-тихоокеанский исследовательский центр** (*Asia-Pacific Research Center, APRC*), занимающийся изучением лидирующих в регионе стран. Центр имеет продолжительный опыт исследований Евразийского региона, которые были начаты в 1974 г. предшественником центра, Институтом китайско-советских исследований, ведущим исследовательским институтом, занимающимся изучением социалистических стран АТР. За период своего существования Центр значительно расширил область изучения от Китая и Советского Союза до ведущих стран Азиатско-Тихоокеанского региона и превратился в один из наиболее выдающихся исследовательских и образовательных институтов в Азии. С момента основания было осуществлено свыше 40 исследовательских проектов с финансированием 120 млн вон. За свои исследовательские достижения в 1999 г. Центр получил статус ведущего научно-исследовательского центра, который был присвоен на 6 лет Корейским исследовательским фондом.

В 2007 г. Центр был выбран в качестве института, занимающегося региональными исследованиями за рубежом, для участия в корейском проекте по гуманитарным наукам. Цель проекта – его преобразование во всемирно признанный Научно-исследовательский институт региональных исследований. Проект финансируется Национально-исследовательским фондом Кореи, в его рамках Центр ак-

тивно продолжает исследования по теме «Идентичность и культурное сосуществование народов Евразии: проведение евразийских исследований и создание комплексной региональной информационной системы».

Исследовательский проект нацелен на преодоление имеющихся в настоящее время ограничений при изучении регионоведения. Дело в том, что региональные исследования в Корею были сосредоточены на изучении практики внешней политики, в то время как в рамках данного проекта специалисты придерживаются трансдисциплинарного подхода, в область изучения включены лингвистика, культурология, литература, история, фольклор, политология, экономика, социология. Ученые стремятся создать новую методологию российско-евразийских исследований, соединив гуманитарные и социальные науки. В задачи участников проекта входит комплексное описание текущей ситуации в гетерогенном регионе, жители которого в то же время обладают некоторыми сходными культурными и этническими чертами, а также прогнозирование будущей социокультурной, политической и экономической ситуации.

Исследование носит инновационный характер, так как представляет в новом свете «многослойность» региона – его мультиэтнические, мультилингвистические и мультикультурные характеристики.

Проект поделен на три части:

- трансформации в Евразии: изменения и постоянство;
- происходящее в Евразии: экспансия и противодействие;
- будущее Евразии: коммуникация и сосуществование.

Перечень основных тем исследования включает следующие:

- сравнительное изучение особенностей переговорного процесса в Корею, Китае и Японии при международных переговорах;
- изучение идентичности и регионализма в Черноморском мультикультурном регионе;
- региональная реорганизация Евразии: расформирование СНГ и субрегионализм;

- ЕС и война: наиболее проблемные регионы в период после окончания холодной войны;
- изучение социокультурных предпосылок распространения коррупции в североазиатских странах: сравнительное исследование Кореи, Китая, Японии и России;
- Корейский полуостров и четыре соседние мировые державы в XXI в.: изучение конфликтов и интеграции нации, наднациональных структур и региональной системы;
- Корейский полуостров и четыре соседние мировые державы при новом международном порядке: анализ и перспективы многоуровневых динамичных структур [Asia-Pacific Research Center].

С 2010 г. два раза в год в рамках деятельности российско-евразийского исследовательского проекта центра выходит международный **«Журнал евразийских исследований»** (*Journal of Eurasian Studies*), посвященный изучению России, Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. Он издается компанией Elsevier, одним из четырех крупнейших научных издательских домов мира. Основные темы публикаций – национальная идентичность, политические и экономические трансформации, демократизация, свободный рынок, миграция и международное развитие [Journal of Eurasian Studies].

С 1975 г. 4 раза в год публикуется журнал **«Китайско-советские исследования»** (*Sino-Soviet Studies*). Издание является ведущим академическим журналом, занимающимся изучением Китая, России и евразийских стран, индексируется в Национально-исследовательском корейском фонде.

Кроме того, упомянем и **Институт китаеведения** (*Institute of Chinese Studies*), учрежденный в 1974 г., он стал первым исследовательским центром по китаеведению в Корее. В настоящее время в фокусе внимания Института находятся такие сферы, как политика, экономика, общество, культура и история Китая. Миссия института – основываясь на исследовательских данных, собранных за более чем 40-летнюю историю существования, способствовать достижению

взаимопонимания между Южной Кореей и Китаем путем передачи знаний студентам, ученым и обществу в целом.

Институт регулярно организывает три форума: китайский форум, форум по планированию и международную конференцию [Institute of Chinese Studies].

6. Университет Корё (*Korea University*, 고려대학교), частный исследовательский университет в Сеуле, являющийся одним из старейших и наиболее востребованных вузов Южной Кореи.

Высшая школа международных исследований (*Graduate School of International Studies, KU GSIS*) была открыта в вузе в 1991 г. Является ведущим академическим институтом, готовящим экспертов в области международных отношений. Студенты могут специализироваться в таких направлениях, как:

- международная торговля,
- международное развитие и взаимодействие,
- международный мир и безопасность,
- региональные исследования,
- корееведение.

Программа по регионоведению (*Graduate Program of Area Studies, GPAS*) финансируется Корейским институтом международной экономической политики (*Korean Institute for International Economic Policy*) с 2007 г. Выбор курсов для изучения в рамках магистерской программы по регионоведению достаточно широк:

- современная Северная Америка;
- современная Восточная Европа;
- современная Европа;
- восточноазиатские цивилизации;
- восточноазиатские экономические модели;
- европейские экономические модели;
- международные отношения в Северной Америке;
- международные отношения в Восточной Азии;
- экономика США;
- международные отношения в Европе/России;

- корейско-американские отношения.

В целом программ по региональным исследованиям две – «Европейские исследования», которые включают изучение России, и «Восточноазиатские исследования».

Программа по корееведению нацелена на подготовку специалистов по Корее, способных анализировать особенности социальной модернизации и экономического развития страны. Обучение включает курсы по современной истории Кореи, социальным движениям и политическим изменениям, социальным проблемам, экономике, кинематографу и корейскому менеджменту [Division of International Studies].

8. Университет Пусана (*Pusan National University, PNU, 부산대학교*) – один из десяти национальных университетов Кореи, второй в рейтинге национальных вузов страны.

Высшая школа международных исследований (*Graduate School of International Studies, PNU GSIS*) была открыта в 1997 г. Делая упор на формирование практических навыков, Школа определила свою миссию – обучение пониманию глобальных вопросов и подготовка профессионалов в сферах международного предпринимательства и торговли, а также международных отношений.

Среди бакалаврских программ назовем программу «Международные и регионоведческие исследования», основными дисциплинами являются:

- международная политическая экономика;
- международные отношения;
- закон и политика развития;
- ресурсы и окружающая среда;
- сравнительные исследования особых экономических зон;
- исследования современных глобальных проблем;
- глобальное управление и международные режимы;
- сравнительные исследования (нация, культура, религия);
- американское регионоведение;
- японское регионоведение;
- китайское регионоведение;

- регионоведение Юго-Восточной Азии.

Кроме того, Школа предлагает отдельную программу по европоведению с изучением таких дисциплин, как экономическая интеграция ЕС, экономическая политика ЕС, ЕС и Азия, международные отношения и безопасность в ЕС, торговые вопросы и политика ЕС, транспортная система ЕС, сравнительное изучение международных регионов.

Действует в Школе и программа по корееведению [Academics / Graduate School of International Studies / Pusan ...].

9. **Сеульский университет** (*Seoul National University, SNU, 서울대학교*), основанный в 1946 г., считается самым престижным вузом страны.

Особый интерес для нашего исследования представляет **Высшая школа международных исследований** (*Graduate School of International Studies, GSIS*). Рассмотрим историю ее создания. В 1989 г. в университете был основан Центр регионоведения с целью продвижения исследований регионов и реагирования на растущий спрос на изучение глобальных проблем в стране. В 1997 г. Центр превратился в Школу международных и региональных исследований. В Школе появились программы по торговым переговорам, международному сотрудничеству, регионоведению и корееведению. В 2003 г. в рамках расширения Школа была преобразована в Высшую школу международных исследований. Важно, что это учебное заведение считается ведущей высшей школой по международным отношениям и регионоведению в Корее [History&Vision].

Школа предлагает двухлетнюю магистерскую программу «Международные исследования», в качестве образовательного направления можно выбрать одно из четырех: международную торговлю, международное сотрудничество, международное регионоведение и корееведение.

Обучение на программе по международному регионоведению готовит студентов к карьере регионоведов – специалистов, имеющих комплексное понимание специфики регионов мира (Азии, Америки, Европы). Будущие регионове-

ды изучают многочисленные курсы по политике, экономике, социальным вопросам, культуре, истории, географии, искусству и иностранным языкам.

Программа по корееведению ориентирована на подготовку специалистов по Корее, способных проводить сравнительные и междисциплинарные исследования. Учебный план состоит из большого количества курсов по корейской литературе, истории, политике, антропологии, социологии, экономике, культуре и международным отношениям [Academics / Graduate School of International Studies / Seoul ...].

10. **Университет Соганг** (*Sogang University, SU*, 서강대학교) был основан в 1960 г. в Сеуле. Университет считается одним из лучших частных университетов, в который достаточно сложно поступить.

В **Школе интегрированных знаний** (*School of Integrated Knowledge*) действует бакалаврская программа «Мировое корееведение». Как считают авторы программы, мир постепенно сближается во всех аспектах. Поскольку люди тесно связаны друг с другом, они могут лучше ладить или, наоборот, больше ненавидеть друг друга. На протяжении нескольких веков Корея была изолирована от мировой истории, но недавно привлекла внимание мира по многим аспектам, включая такие как экономическое развитие, демократизация, *халлю* (корейская волна) и отношения между Южной и Северной Кореей. Жители Корейского полуострова раньше никогда не испытывали такого внимания со стороны остального мира. В этом отношении Корея в настоящее время сталкивается с абсолютно новым опытом. В такой реальности стране нужны студенты, которые могут взглянуть на Корею сегодня с исторической и мировой точки зрения, могут попытаться решить, как Корею существовать вместе с миром и мирно жить с другими странами.

Образовательная цель программы по глобальным корееведческим исследованиям – воспитать талантливых специалистов, которые будут хорошо ориентироваться в трех вопросах: как Корея достигла сегодняшнего этапа раз-

вития, на какой стадии развития она находится в настоящее время и как страна будет двигаться вперед [School of Integrated Knowledge].

В университете есть также **Высшая школа международных отношений** (*Graduate School of International Studies, GSIS*), открытая в 1997 г. Она предлагает магистерские программы по таким направлениям, как:

- международные отношения;
- международная торговля;
- международные финансы;
- Корея и Восточная Азия.

Программа по восточноазиатским исследованиям предлагает междисциплинарные курсы по экономическим, политическим, международным и социокультурным аспектам Восточной Азии (в частности, Кореи, Китая и Японии), которые включают изучение как исторических, так и современных проблем. Хотя многие курсы ориентированы на конкретную страну, некоторые посвящены общерегиональным вопросам. Целью данной программы является подготовка специалистов-регионоведов по Восточной Азии. Студенты могут сосредоточиться на изучении одной из трех стран в регионе, хотя специализация по более чем одной стране тоже возможна [Graduate School of International Studies / Sogang University].

11. **Университет Ёнсе** (*Yonsei University*, 연세대학교) основан в 1957 г., хотя формально история данного учебного заведения началась еще в 1885 г., но в другом формате. Университет также расположен в Сеуле, входит в тройку лидеров высшего образования в Корею. Безусловно, в таком крупном и престижном вузе действует **Высшая школа международных отношений** (*Graduate School of International Studies, GSIS*), открытая в 1987 г. с целью соответствовать растущему спросу на международные академические институты и осуществлять подготовку экспертов по глобальным вопросам. Стоит сказать, что Министерство образования назвало Школу «университетом, готовящим международных лидеров», в 1999 г. ей был присвоен статус

«официальная профессиональная школа». В Школе можно получить степень магистра или доктора наук, обучаясь на программе «Корееведение».

Программа на получение степени доктора наук предлагает междисциплинарный учебный план, сочетающий историю, социологию и политологию. Прием на программу является конкурсным и ограничен кандидатами со степенью магистра гуманитарных и социальных наук. Учебный план охватывает две области: 1) историю, общество и культуру Кореи; 2) политику и экономику Кореи. Чтобы выполнить все требования для получения степени доктора философии, студент должен изучить пять курсов из каждой области [Doctoral Degree].

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что, во-первых, одной из приоритетных задач в области развития региональных исследований Корея видит продвижение корейского направления. Корееведение, или мировое корееведение, – одна из наиболее часто встречаемых нами при анализе образовательного пространства Кореи программ по региональным исследованиям. Кроме того, в стране успешно функционируют несколько научных центров по корееведению, основной задачей которых является сохранение корейской культуры и продвижение ее во всем мире. Становится очевидным, что для корейских специалистов корееведение зачастую отождествляется с культурой Кореи, что и доказывает, в первую очередь, анализ учебных планов по данной программе. Такое стремление к сохранению своей культуры легко объяснимо историческими перипетиями этой страны – долгим периодом изоляции и не совсем лестной оценки со стороны Запада, считающего Корею «страной-отшельницей» и «страной варваров», периодом колониализма, при котором в политике Японии прослеживаются отчетливые попытки уничтожения корейской культуры, идеей «кореецентризма», возникшей на полуострове достаточно давно.

Во-вторых, вектор взаимоотношений с другими странами коренным образом изменился – Корея открыта миру и

хочет, чтобы мир знал о ней. Она готова к интеграции и стремится занять достойное место среди мировых лидеров, данная идея прослеживается в программах по глобальным исследованиям, изученных нами.

И в-третьих, готова Корея и к изучению других стран, прежде всего тех, кого она считает мировыми лидерами, для подготовки специалистов по другим регионам используются образовательные программы по регионоведению разных стран, также обнаруженные нами в корейских вузах.

2.4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Как было уже сказано, бурное развитие региональных исследований началось в Корее сравнительно недавно. Стремительные темпы экономического роста привели к возникновению большого количества региональных и городских проблем, и среди ученых возникло осознание того факта, что именно комплексный трансдисциплинарный подход региональной науки может быть крайне эффективен при решении этих проблем.

С 1960-х гг. темпы экономического роста и урбанизации в Корее начали достигать очень высоких показателей, следствием чего стали серьезные изменения экономико-географической структуры страны. Необходимо подчеркнуть, что сложности в региональном развитии Кореи наблюдались из-за социально-экономического напряжения между столичным и другими регионами, между юго-восточной и юго-западной частями Кореи и среди провинций.

С 1960 г. региональная политика корейского правительства постепенно эволюционировала. В 1960-х и 1970-х гг. правительство стремилось создать центры развития, которые стимулировали бы индустриализацию посредством интенсивного регионального развития. Промышленные комплексы в Сеуле, Инчхоне и Ульсане способствовали

увеличению промышленного производства, были реализованы многочисленные проекты по строительству дорог, плотин, портов, систем электроснабжения и т. д. Однако у этого быстрого развития было много побочных эффектов, поскольку неравенство регионов увеличилось и стало происходить их относительное сокращение. Чтобы преодолеть это, корейское правительство изменило свои стратегические цели на продвижение модели равного регионального развития. Была внедрена политика по сдерживанию чрезмерной концентрации в столичном регионе, выдавались субсидии для содействия росту менее развитых сельских районов. Тем не менее финансовые и институциональные возможности правительства оценивались недостаточно точно. С 1990-х гг. региональная политика, фокусирующаяся на региональной конкурентоспособности и экономической эффективности, была введена для решения возникших после азиатского финансового кризиса и сокращения трудоемких отраслей проблем [Kim Taeyung, Lim Junghwan, 2016].

Стоит пояснить, что центральное правительство играло доминирующую роль в экономическом и пространственном развитии посредством введения трех последовательных десятилетних планов комплексного национального освоения земель (*Comprehensive National Land Development Plans*) с 1972 по 2011 г. (табл. 2). Эти планы способствовали расширению физической инфраструктуры и улучшению социального и экономического положения Кореи. Тем не менее преимущественно развивался столичный регион³, от которого структурно зависели все остальные [Joon-Кyo Seo, 2009].

³ Под столичным регионом корейские ученые понимают территорию Сеула, Инчхона и провинции Кёнгидо.

Таблица 2

Содержание планов комплексного освоения земель

Период	План	Цели	Основные стратегии развития
1972–1981	Первый	<ul style="list-style-type: none"> ● Повышение эффективности национального землепользования, ● расширение физической инфраструктуры, ● развитие минеральных ресурсов и сохранение естественной среды, ● улучшение условий жизни 	Выбор оптимальных мест размещения (полосов роста) и расширение физической инфраструктуры для промышленного и городского развития
1982–1991	Второй	<ul style="list-style-type: none"> ● Построение самодостаточных поселений для сбалансированного национального развития, ● расширение потенциала развития Кореи ● улучшение благосостояния людей, ● сохранение естественной среды 	Децентрализация особых областей, развитие центров регионального роста и региональных поселений для создания национальной пространственной структуры с несколькими центрами
1992–2001	Третий	<ul style="list-style-type: none"> ● Продвижение региональных экономик и контроль экономического роста в столичном регионе, ● продуктивное и эффективное использование национальной земли, ● улучшение благосостояния людей, ● охрана естественной среды, ● установление физической базы для объединения двух Кореи 	Расширение центров регионального роста с целью установления децентрализованной национальной пространственной модели

Период 1970–1980-х гг. характеризуется беспрецедентным экономическим ростом и огромным притоком населения в Сеул. Несмотря на кризисы, вызванные нефтяными потрясениями и политической нестабильностью, Корея за

этот период добилась огромного роста за счет индустриализации и экспорта. Отличительной чертой региональной политики в этот период было то, что она использовалась как вспомогательный инструмент экономического роста вместо того, чтобы играть самостоятельную роль. Стратегией, имевшей наивысший приоритет, была политика местоположения отрасли. Правительство определяло местоположение отрасли по стандарту эффективности.

Корейская экономика в 1960-х гг. была в основном сосредоточена на легкой промышленности, но по мере того, как менее развитые страны начали догонять ее в 1970-х гг., Корея стала терять свои сравнительные преимущества в легкой промышленности. Чтобы преодолеть такие трудности и улучшить структуру отрасли, корейское правительство сосредоточило усилия на развитии отраслей тяжелой промышленности, таких как сталелитейная, автомобильная, электронная, судостроительная и нефтехимическая. Эти производства в основном располагались в провинции Кёнсан и юго-восточной части Корейского полуострова (Чханвон, Гуми, Похан и Ульсан). В то же время были также предприняты усилия, чтобы побудить предприятия обрабатывающей промышленности располагаться в нестоличном регионе. Так, компаниям, переехавшим за пределы мегаполиса, были предоставлены льготы [Kim Kwang-ho, 2008].

Ориентация стратегии развития на учет региональных различий усилилась в 1980-х гг. Признавая, что стратегическая концентрация промышленности на некоторых ключевых базах порождает региональные диспропорции и многие другие проблемы, правительство стремилось распределить малые и средние промышленные комплексы по всей стране. Это было предназначено для решения многих задач, таких как содействие региональному росту, рассредоточение сконцентрированного населения и развитие малых и средних предприятий. Были также приняты меры и законы для создания основы дохода для сельских и менее развитых регионов за счет привлечения в эти районы обрабатывающей промышленности и сферы услуг. Между тем, по мере

того, как приток населения в Сеул, начавшийся в 1960-х гг., ускорился в 1970-х, перенаселенность столичного региона стала признаваться важной социальной проблемой.

Комплексный план национального развития 1982 г. провозгласил сбалансированное региональное развитие одной из целей государственной политики, были реализованы различные проекты для поддержки сельских и отдаленных регионов и особых регионов, таких как небольшие острова, которые сильно отставали в развитии [Kim Kwang-ho, 2008].

В условиях мировой волны глобализации и открытой рыночной экономики Корея начала существенно открывать рынок, отменив преференциальные тарифы и снизив импортные пошлины на многие товары. Необходимость повышения конкурентоспособности побудила правительство усилить независимость и автономию частного сектора. Благоприятные экономические условия конца 1980-х гг., такие как низкие цены на нефть, низкие процентные ставки и слабый доллар США, усилили эту тенденцию. В этот период региональное неравенство постепенно увеличивалось, что объясняется развитием транспорта и связи и расширением экономической деятельности, основанной на знаниях. Однако в то же время концентрация населения в столичном регионе замедлилась: доля населения увеличилась с 42,1 % в 1989 г. до 45,7 % в 1997 г. Это произошло главным образом из-за того, что в регион мигрировало меньше людей.

Что касается политики размещения промышленности в этот период, больше внимания уделялось расширению производственной базы слаборазвитых регионов. Поскольку разрыв между столичным и остальными регионами, а также между городскими и сельскими районами усилился в результате быстрого экономического роста и стал важной социальной проблемой, в третьем Комплексном плане развития в 1992 г. особое внимание уделялось созданию основы для сбалансированного регионального развития. План, в частности, способствовал развитию нестоличных территорий, контролю за расширением столичного региона и стро-

ительству новых промышленных зон в слабо развитых регионах [Kim Kwang-ho, 2008].

Корейская экономика претерпела глубокую реструктуризацию в различных аспектах после экономического кризиса 1997 г. Темпы роста значительно замедлились, и доля промышленности, основанной на знаниях, в национальной экономике существенно выросла. Распределение промышленности, основанной на знаниях, показывает значительные региональные различия: около 60 % рабочей силы в отрасли находится в столичном регионе. В процессе индустриализации, основанной на знаниях, инвестиции в НИОКР, которые необходимы для инновационного потенциала, также существенно увеличились. Число людей, мигрирующих в столицу, замедлившееся в 1990-х гг., начало снова расти с 1999 г., но в 2003 г. эта тенденция изменилась в обратном направлении.

Администрация Ким Дэджун, начавшая свою деятельность в 1998 г., сразу после экономического кризиса, уделяла большое внимание сокращению межклассового и межрегионального разрыва. Президент учредил Комитет сбалансированного регионального развития для разработки, координации и продвижения различных региональных политик. Несколько государственных учреждений, таких как Управление снабжения, Таможенная служба и Национальное статистическое управление, были переведены в Тэджон, который находится примерно в 140 км к югу от Сеула [Kim Kwang-ho, 2008].

Директор отдела по региональной политике Института промышленной экономики и торговли Кореи Чжан Чжехонг является автором работы «Региональное развитие в Корее – прошлое, настоящее и будущее». Он пишет, что в 2003 г. правительство выпустило Сбалансированный план национального развития на 2004–2008 гг., поставив сбалансированное региональное развитие на одно из первых мест в повестке национальной политики и впервые в истории современной Кореи создав специальные правовые и финансовые органы для его достижения. За основу были

взяты стратегия региональной инновационной системы и стратегия регионального кластера американского экономиста Майкла Портера. Однако цель этих стратегий – отнюдь не достижение межрегионального баланса, а усиление региональной конкуренции, таким образом образовалось некоторое противоречие между целью и выбранными для ее достижения стратегиями [Jae-Hong Jang, 2009].

В целом курс президента Но Мухёна, руководящего страной с 2002 по 2007 г., был сосредоточен на концепции «сбалансированного развития». Так, он пытался переместить столицу в сельский регион, а также развивать новые города, однако это привело к возникновению острого социального конфликта. Администрация президента попыталась децентрализовать функции, сосредоточенные на столичных территориях, путем реализации масштабных национальных проектов, таких как строительство многофункционального административного города, инновационных и корпоративных городов.

Многофункциональный административный город, также известный как г. Сечжон, должен был представлять административную столицу в центре Корейского полуострова. Это самодостаточный город, в котором расположены 36 центральных административных организаций и учреждения других отраслей, таких как здравоохранение, социальное обеспечение, культура, международное сотрудничество и передовые технологии. Целью проекта было построить к 2030 г. город, способный вместить 500 тыс. человек⁴ [Kim Taeyung, Lim Junghwan, 2016].

Кроме того, по всей стране создаются 10 инновационных городов, чтобы способствовать сбалансированному региональному развитию и перемещению общественных организаций из столичных территорий в местные районы. Об этих городах подробнее мы расскажем позднее.

⁴ Первые жители поселились в городе в 2012 г., на октябрь 2020 г. население города насчитывает 351 007 чел.

Пилотные проекты для корпоративных городов были определены в августе 2005 г. Поскольку глобальный финансовый кризис и спад на рынке недвижимости вызвали множество трудностей, проекты реализовывались поэтапно или размер проекта уменьшался.

Таким образом администрация президента Но Мухёна пыталась сократить разрыв между регионами, создав различные центры развития. Однако высказывались критические замечания, что математическое распределение функций увеличивало напряженность между регионами.

Администрация Ли Менбака с 2008 по 2013 г. проводила политику, ориентированную на компании и экономический рост. Отражение региональной политики предыдущего президента привело к смещению целей политики с равенства на развитие. Несмотря на некоторые плодотворные результаты, присутствовало мнение, что региональная политика Ли Менбака слишком сосредоточена на промышленности и не предусматривает немедленного создания рабочих мест на местном уровне и участия общественности [Kim Taebuyng, Lim Junghwan, 2016].

Цель нового правительственного плана, сформированного в 2009 г., – «создание конкурентоспособных регионов с лучшим качеством жизни и рабочими местами», другими словами, вектор сменился с баланса на конкурентоспособность. Было определено 4 цели региональной политики:

- повышение конкурентоспособности экономических регионов;
- региональная специализация согласно особенностям региона;
- децентрализация и региональная автономия;
- межрегиональная кооперация для совместного развития [Jae-Hong Jang, 2009].

Интересна концепция «экономического региона», представленная в плане. 16 провинций сгруппированы в 5+2 экономических регионов (столичный регион, Чхунчхон, Хонам, Тэгён, Тоннам, Канвон, Чеджу), являющихся основными единицами государственной политики, выделенными

по критериям исторической, культурной и географической идентичности. Специалисты считают, что данное деление удачно, так как достаточно точно отражает экономико-географические реалии страны (табл. 3).

Таблица 3

Специализация каждого из 5+2 регионов

Регион	Экономическая специализация	Движущие отрасли промышленности
Столичный регион	Хаб глобального бизнеса – глобальный лидер	Информационные технологии
Чхунчхон	Силиконовая долина Кореи – центр науки и высоких технологий	Био-, медицинская промышленность, фармацевтика, новые информационные технологии
Хонам	Культура, искусство, «зеленая промышленность»	Новые возобновляемые источники энергии, фотонные технологии
Тэгён	Регион нового роста традиционной культуры и высоких технологий	Преобразование ИТ, возобновляемые ресурсы
Тоннам	Центр ключевых областей промышленности и логистика	Автомобильная промышленность и производство комплектующих
Канвон	Зона туризма, курортная зона, «промышленность благополучия»	Расширение медицинской промышленности, медицинский туризм
Чеджу	«Передовой свободный международный город в Азии»	Водные ресурсы, туризм, индустрия досуга

План экономического регионального развития на 2009–2013 гг. состоит из таких пяти секторов, как: промышленность; наука / технологии / человеческие ресурсы; культура/туризм; инфраструктура (транспорт и промышленные комплексы); учреждения. В соответствии со стратегией региональной специализации в каждом экономическом регионе были выбраны две быстро развивающиеся («движущие развитие региона») области промышленности, в которых должны проводиться ускорение темпов развития и коммерциализация новых товаров [Jae-Hong Jang, 2009].

В 2009 г. план развития был представлен населению. Южная прибрежная зона получила название «солнечный пояс», стратегия развития этой зоны видится как продвижение в качестве глобального экономического/транспортного/курортного хаба. Восточное побережье названо «голубым поясом» – это пояс источников энергии для страны / туризма и «креативной» промышленности. Цель развития западного побережья – «золотого пояса» – превращение его в хаб международного бизнеса и высоких технологий. Зона северной границы должна развиваться как эко-, мирный пояс.

Автор статьи отмечает, что одной из проблем Республики Корея является неравномерность инновационного потенциала регионов и так называемый разрыв в уровне знаний (*Knowledge Gap*). В решении этой проблемы может помочь кластерный подход, упоминаемый выше (рис. 6) [Jae-Hong Jang, 2009].

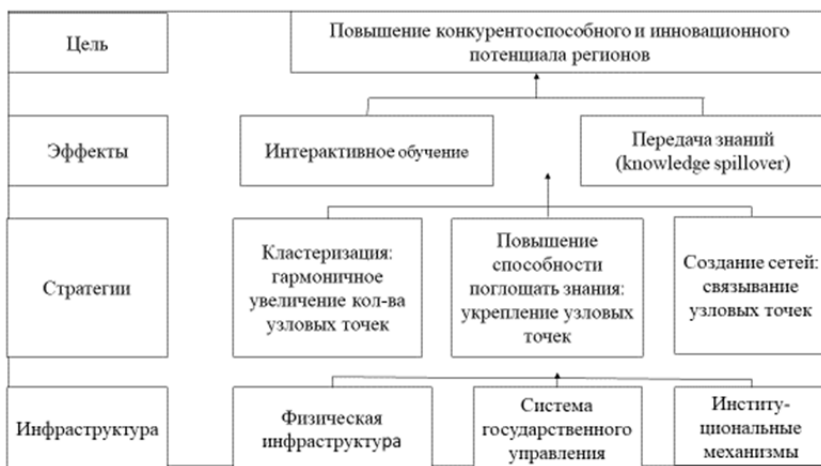

Рис. 6. Структура кластерного подхода

Чжан Чжехонг говорит, что, согласно отчету Мирового банка о региональном развитии мира «Новая форма экономической географии» (2009 г.), сделан вывод о том, что географические трансформации экономического развития

можно охарактеризовать в трех измерениях – *плотности, расстоянии, разделении*. Таким образом, это меняет подход к урбанизации, региональному развитию и международной интеграции. *Плотность* подразумевает важность урбанизации для регионального и национального экономического роста. Сокращение экономического *расстояния* путем облегчения миграции между городскими центрами и сельскими местностями необходимо для продолжительного регионального роста и интеграции. Ответом на этой стадии является улучшение транспортной инфраструктуры. После того как урбанизация достигнет определенной стадии, необходимо предпринимать шаги по сокращению *разделения* между более и менее развитыми зонами в городах. Разделение является наиболее важным измерением в мировом масштабе, а для развития необходима соответствующая специализация в глобальном экономическом контексте [Jae-Hong Jang, 2009].

На основе доклада Мирового банка автор составляет корейский кейс, структура которого отображена в табл. 4.

Таблица 4

Корейский кейс по Чжан Чжехонгу

Измерения		Ведущая экономическая техника	Географический уровень	Индикаторы в Корее	Места в Корее
Плотность		Агломерация	Местный	Коэффициент урбанизации	Сеул, Тэгу
Расстояние		Миграция	Национальный	Расширение городского размера, качество дорог	Тэгу, Куми и др.
Разделение	между странами	Специализация	Международный	Объем продукции и экспорта в отдельных отраслях	Куми, Ульсан, Чханвон, Пхохан
	внутри города	Социальная интеграция	Местный	Количество трущоб	Каннам, Мокдон (оба в Сеуле)

Сокращение экономического расстояния между Тэгу и Куми (городской и сельской зоной), специализация промышленности в Куми, Ульсане и других местах и уменьшение внутригородского разделения в Сеуле могут рассматриваться как показатели успешного социально-экономического и географического развития [Jae-Hong Jang, 2009].

Администрация Пак Кынхе (2013–2017 гг.) сосредоточилась на повышении качества жизни, а также на продолжении прежней национальной политики, тогда как повышение конкурентоспособности было главной целью предыдущих администраций. Система управления также эволюционировала от подхода «сверху вниз» под руководством центрального правительства к подходу «снизу вверх» и сотрудничеству различных региональных и местных органов власти за пределами юрисдикции.

В 2013 г. правительство Кореи представило новую пространственную концепцию «Зоны счастливой жизни» в качестве основы для политики регионального развития. Основная цель проекта заключалась в повышении уровня счастья и качества жизни людей. Ключевой принцип функционирования зоны – сотрудничество органов местного самоуправления за пределами юрисдикции. Зоны счастливой жизни состояли из нескольких местных муниципалитетов, которые имеют общие характеристики в промышленности, географии, культуре и истории. Органы местного самоуправления самостоятельно принимали решение о формировании зон в соответствии с руководящими указаниями Комитета по региональному развитию при президенте. Выделялось три типа зон: сельская, сельско-городская и зона мегаполиса.

Зона проживания в сельской местности – самая маленькая с населением около 100 тыс. человек. Афффилированная с городом сельская зона сосредоточена вокруг малых и средних городов с населением от 100 тыс. до 500 тыс. человек. Зона мегаполиса формируется вокруг крупных городов с населением более 500 тыс. человек.

По состоянию на 2015 г. всего было создано 63 зоны: 21 сельская зона, 14 сельско-городских зон, 20 городских зон и 8 пилотных зон в столичном районе. В каждой зоне формировался новый орган местного самоуправления – ассоциация органов местного самоуправления для подготовки и реализации проектов развития зоны [Kim Taebuyung, Lim Junghwan, 2016].

В 2014 г. был разработан план зонального развития, включающий различные проекты сотрудничества на местном уровне, такие как восстановление экономики, образование, культура, социальное обеспечение и базовая инфраструктура.

Планы зонального развития были включены в план развития провинции и в конечном итоге в национальный пятилетний региональный план развития в 2015 г. Центральное правительство поддерживало подготовку и реализацию плана «Зоны счастливой жизни», а также координировало местные органы власти путем финансирования, консультационной и технической помощи. Стоит сказать, что политика зон счастливой жизни, несмотря на ее успех, имеет ограничения, поскольку она слишком много внимания уделяет повышению благосостояния людей и предоставлению повседневных услуг, при этом не хватает стратегий для продвижения региональных центров роста по отношению к региональной промышленности. Поэтому корейское правительство также разработало такие стратегии, как «Восстановление городов», «Высокотехнологичный городской промышленный комплекс», «Ведущие инвестиционные зоны», для достижения двух целей: улучшения качества жизни и усиления конкурентоспособности региона [Kim Taebuyung, Lim Junghwan, 2016].

Проект по восстановлению городов направлен на повышение конкурентоспособности и уровня жизни в городах, находящихся в упадке, страдающих от ослабления экономической базы и плохих условий жизни из-за сокращения численности населения и промышленного спада. Как показал анализ трех индексов упадка городов, таких как

уменьшение численности населения, сокращение числа предприятий и уровень износа зданий, по состоянию на 2014 г. 2262, или 65 %, из 3479 административных единиц приходили в упадок.

Основными факторами, приводившими к такому кризисному состоянию многих городов, считают низкий уровень рождаемости, старение населения и низкие темпы роста. В этих обстоятельствах правительство приняло специальный закон о возрождении городов в июне 2013 г. и в декабре 2013 г. разработало национальное базовое руководство по возрождению городов. В 2014 г. в результате серьезной конкуренции между местными муниципалитетами были определены 13 ведущих проектных территорий. В 2015 г. в рамках публичного конкурса было выбрано еще 30 направлений.

Восстановление городов в основном подразделяется на два типа: первый – для восстановления городской экономической базы – направлен на оживление освобожденных территорий после переезда правительственных учреждений, железнодорожных станций, закрытия портов и старых промышленных комплексов и их преобразование в новый экономический центр; а второй предназначен для восстановления городских кварталов, цель проекта подобного типа – возродить приходящие в упадок торговые и жилые районы [Kim Taeyung, Lim Junghwan, 2016].

Однако региональная политика Кореи может столкнуться с непредсказуемыми факторами риска, вызванными растущим разрывом в доходах, быстрым изменением климата, наступлением эры старения общества и неопределенностью в мировой экономике. Поэтому в настоящее время проводится множество исследований по вопросам устойчивой экономики и инклюзивного роста для своевременного реагирования на такие угрозы. Поскольку местные экономики сталкиваются с рядом проблем, таких как преобразования в экономической и социальной структуре, бедствия, вызванные изменением климата, споры между столичным регионом и другими местными экономиками, разрыв между

городами и сельскими районами, разрабатываются различные индексы и методы анализа, чтобы помочь местным экономикам реализовывать сложные и индивидуальные программы и решать такие проблемы с помощью своей собственной политики стратегии.

Например, для измерения способности региона к восстановлению или устойчивости пересматриваются индексы для сегментированных областей (рабочая сила как человеческий капитал, инфраструктура как физический капитал, НИОКР как инновационный капитал). Кроме того, в качестве направлений такой региональной стратегии предлагаются меры по расширению социальных сетей и увеличению социального капитала, в частности усиление гибкости рынка труда, поддержание устойчивости базовой инфраструктуры, повышение способности стимулировать инновации через конвергенцию, обеспечение стабильности экономической структуры через продвижение промышленного разнообразия и конкурентоспособности бизнеса и обеспечение социальных услуг [Kim Taebuung, Lim Junghwan, 2016].

К тому же для решения проблемы неравенства доходов реализуются различные стратегии инклюзивного роста, которые включают меры по совершенствованию систем освобождения от налогов и снижения налогов, расширению медицинского страхования, усилению образовательной поддержки (например, поддержки по уходу за детьми) и увеличению возможностей трудоустройства. Так, правительством были приняты проекты «Стандарты обслуживания фермерских и рыбацких деревень» и «Устойчивость и оценка инфраструктуры для городской жизни».

Стандарты обслуживания фермерских и рыболовецких деревень были введены с целью преодоления разрыва в государственных услугах между городами и сельскими районами. Была разработана 31 основная категория повседневной жизни жителей (например, место жительства, транспорт, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, культура и информационные технологии), и для каждой категории была поставлена своя цель.

Для городов с момента принятия документа «Устойчивость и оценка инфраструктуры для городской жизни» в 2013 г. было выбрано в общей сложности 8 категорий, которые подлежат оценке, они состоят из 30 подкатегорий, таких как землепользование, промышленность, экономика, охрана окружающей среды, культура, ландшафт, транспорт, жилье, социальное обеспечение, предотвращение стихийных бедствий и безопасность. Такая оценка помогает городам самостоятельно определять, чего не хватает в инфраструктуре и в каких аспектах город отстает от других [Kim Taebuyung, Lim Junghwan, 2016].

Таким образом, мы видим, что вопросы регионального развития являются одним из приоритетных направлений деятельности правительства, при разработке государственной политики по стимулированию регионального развития активно заимствуется прогрессивный западный опыт, к примеру концепция региональной специализации и кластерный подход, теория полюсов роста.

2.5. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОРЕЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данном параграфе мы намереваемся проанализировать корейские научные регионологические работы второй половины XX – начала XXI в. Для удобства изложения мы сгруппировали их по ключевым темам.

Прежде всего, отметим, что, безусловно, в корейском научном пространстве содержится большое количество работ, посвященных изучению феномена корейского экономического развития в целом. В качестве примера назовем книгу экономиста Чжва Сонгхи «Подъем и упадок корейского экономического развития. Уроки для развивающихся и развитых экономик» (*The Rise and Fall of Korea's Economic Development. Lessons for Developing and Developed Economies*), в которой он утверждает, что корейская эконо-

мика представляет собой очень интересный и противоречивый феномен [Jwa Sung-Hee, 2017]. Стремительное социально-экономическое развитие привело к появлению многочисленных исследований экономистов, экономических географов, разработчиков политики, нацеленных на выявление **определяющих региональных факторов, влияющих на экономическое развитие**.

Диапазон исследуемых факторов чрезвычайно широк. Так, в работе сотрудников исследовательского университета Йоннам (г. Кёнсан) таким фактором являются *цены на нефть*, как известно, в Корее нефть не выпарбатывается, следовательно, в данном аспекте страна находится в зависимости от внешнего мира. Исследование посвящено анализу эффектов флуктуации цен на нефть на региональные макроэкономические переменные. Авторы поделили 15 крупных городов и провинций Кореи на четыре главных региона (столичный, центральный, Хонам и Кёнсан) и занимались изучением того, как изменение цен на нефть влияло на экономику этих регионов. Одним из выводов исследования стал факт, что столичный регион менее подвержен влиянию данного фактора, а следовательно, политика правительства по балансированию регионального развития недостаточно эффективна, так как централизация факторов производства по-прежнему происходит в пользу столичного региона. Анализ построен на основе использования структурной модели векторной авторегрессии (VAR)⁵ [Park Chuhwan, Chung Mo, Lee Sukgyu, 2011].

В качестве еще одного, возможно, неожиданного фактора назовем *отношение к корейской культуре*. В данный раздел можно отнести исследование, изучающее взаимосвязь отношения к корейской культуре в мире и востребованности корейских товаров на мировом рынке. Как неоднократно подчеркивалось в нашей работе, корейцы ценят и сохраняют свою культуру и уделяют чрезвычайно большое

⁵ Векторная авторегрессия – статистическая модель, используемая для определения взаимосвязи между несколькими величинами по мере их изменения во времени.

внимание ее распространению в мире. Осознают они и то, что благоприятное впечатление о корейской культуре, сформированное в других странах, может сказаться на увеличении экспорта корейской продукции. Любопытна работа об анализе отличий в оценке качества электронной бытовой техники и косметики, произведенных в Корее, в зависимости от отношения к таким современным корейским культурным феноменам, как дорама и *K-pop*. Проведя опрос покупателей в пяти странах АСЕАН, авторы исследования выделили шесть рыночных сегментов: последователи *K-pop*, «евангелисты корейской волны», любители дорам, пассивные наблюдатели корейской волны, настороженно относящиеся к корейской культуре, придерживающиеся холистического подхода к корейской культуре. Соответственно, различен уровень потребления корейских товаров в разных рыночных кластерах, а популярная культура является значимым транснациональным феноменом, влияющим на формирование гомогенности поведения потребителей [Kim Sang Mook, Park Min Jae, 2020].

Другим немаловажным фактором, влияющим на развитие региона, является уровень *экологической эффективности производства*. Речь идет о том, что экологически эффективное преобразование природных ресурсов в промышленную продукцию составляет важнейший путь к достижению устойчивости городского и промышленного развития. Концепция экологической эффективности является одним из новых и популярных инструментов достижения устойчивого развития, используемых для понимания того, произошли ли улучшения в промышленной экологической эффективности.

В свою очередь, *экопромышленное развитие* означает инновационный, превентивный (более чистое производство, промышленный симбиоз), регенеративный (инновация промышленной системы, технологическое улучшение) подход к достижению промышленного и городского устойчивого развития [Shah, Dong Liang, Park Hung-Suck, 2020].

Уровень развития высоких технологий региона также может играть немаловажную роль. Одним из способов проведения инновационно ориентированной региональной политики, по мнению автора многочисленных работ по данной тематике, профессора Национального университета Чунгнам (Тэджон) О Доксонг, является создание центров высоких технологий. Редактор известной книги «Технополис. Лучшие практики для городов науки и технологий» (*Technopolis. Best Practices for Science and Technology Cities*) подчеркивает, что внимание всего мира к развитию отрасли высоких технологий посредством создания центров высоких технологий основывается на предположении, что технологические инновации стимулируют экономический рост [Technopolis. Best Practices ... , 2014].

В понимании профессора «центр высоких технологий» – это определенная городская застройка, иногда появляющаяся при городском перепланировании, цель которой заключается в облегчении и ускорении роста высокотехнологичных фирм путем передачи технологий и обмена совместно с каким-либо высшим учебным заведением или исследовательским центром. Различают два вида центров – научные парки и технополисы.

Широко используемая стратегия развития региона, основанная на присутствии центров высоких технологий, подразумевает, что долгосрочная экономическая жизнеспособность региона будет зависеть от его возможностей генерировать и поддерживать концентрацию видов промышленности, способных производить новые товары или осуществлять процессы, основанные на применении новых технологий. Для регионов с высокой концентрацией стареющих и становящихся убыточными производящих отраслей промышленности центры высоких технологий могут стать инструментом, который облегчит экономическое реструктурирование. Для регионов с хорошо развивающейся экономикой вложение в инновационные возможности может стать долгосрочной страховкой на будущее. В любом случае стратегия развития экономики, успешно построенная на

основе технологий, практически всегда приводит к росту рабочих мест, образованию новых видов промышленности и другим положительным эффектам.

Развитие Национального научного городка в Тэдоке началось еще в 1973 г. Вторая фаза относится к концу 1980-х гг., за основу был взят опыт развития технополисов в США и Японии. Третья фаза заработала в 1992 г., когда стали строиться высокотехнологичные промышленные парки [Oh Deog-Seong, 1995; 2002; Oh Deog-Seong, Kim Kyung-Bae, Jeong Sook-Young, 2005; Oh Deog-Seong, Lee Eung-Hyun, 2016].

К этой же подгруппе факторов нам представляется правильным отнести *эффективность региональных инноваций*. Эффективность инновационной деятельности является ключевым показателем производительности региона во многом потому, что она отражает способность региона преобразовывать вложение в инновацию, в знания и рыночную стоимость. Многие ученые анализируют эффективность инноваций для выработки рекомендаций по улучшению производительности региона. Так, исследователи Мин Сучжин, Ким Чжусонг и Сонг Ёнгхва проводят анализ межрегиональных отличий в инновационной эффективности с точки зрения социальных сетей. По их мнению, несмотря на то, что неравномерный уровень эффективности инноваций считается общепризнанной серьезной проблемой, большинство исследователей не обращает внимания на то, какое воздействие на это имеет размер социальных сетей. Как оказывается, крупные агломерации с большими сетями могут преобразовывать знания в экономическую производительность. Зоны, в которых происходит значительное государственное капиталовложение в научно-технические разработки, могут эффективно формировать технологические знания, даже если в них мелкие социальные сети. В исследовании предлагаются практические рекомендации по улучшению инновационной производительности региона, авторы проводят сравнение трех типов регионов: регионов с большими сетями и частным инвестирова-

нием в научно-технические разработки (В), регионов с мелкими сетями и государственным финансированием (С) и регионов с мелкими сетями и частным финансированием (D). В результате проведенного анализа выясняется, что эффективность развития технологий в трех регионах имеет следующую форму: $C > B > D$, в то время как эффективность коммерциализации – $B > D > C$. Следовательно, стимулирование технологического развития региона D и подчинение деятельности региона C целям извлечения прибыли являются наиболее важными задачами для улучшения инновационной производительности регионов [Min Sujin, Kim Juseong, Sawng Yeong-Wha, 2020].

Анализируются и основные региональные инновационные стратегии развития, сформулированные в рамках сравнительно нового направления – экономики знаний. Действительно, инновационная политика и создание региональных инновационных систем (РИС)⁶ приобретают все большую значимость для национального и регионального развития Кореи. Актуальность этих вопросов неуклонно повышается начиная с 1990-х гг., особенно востребованы данные способы ускорения темпов регионального развития стали после финансового кризиса 1997 г. в Корею. К наиболее эффективным способам обеспечения инновационной и региональной конкурентоспособности относят:

- способствование кластеризации региона на основе его особенностей;
- создание естественной среды для инноваций и предпринимательства;
- стимулирование процесса коллективного обучения и образование инновационных сетей;

⁶ Региональная инновационная система – совокупность организаций, иницирующих и осуществляющих производство новых знаний, их распространение и использование, способствующих финансово-экономическому, правовому и информационному обеспечению инновационных процессов и функционирующих в едином социокультурном пространстве, взаимосвязанных между собой и имеющих постоянно устойчивые взаимоотношения [Мухамедьяров, Диваева, 2010].

- формирование запаса социального капитала;
- продвижение местных и глобальных сетей.

Каждый из перечисленных способов может быть реализован посредством ряда стратегий, соответственно, представляется, что весь набор этих стратегий необходим для успешного развития РИС. В свою очередь, каждый регион может создать индивидуальную РИС при использовании отличительных особенностей региона, таких как уровень развития, промышленная специализация, специфика местного рынка труда, условия для бизнеса в регионе, местная финансовая система и др. [Park Sam Ock, 2001].

Скажем несколько слов и о работе, посвященной изучению *роли научных центров* в формировании регионального кластера. Может ли новый научно-исследовательский университет, ориентированный на развитие технологий, стимулировать промышленную агломерацию⁷? Безусловно, в период, когда традиционные отрасли обрабатывающей промышленности теряют свою значимость и появляются новые отрасли, ориентированные на развитие технологий, все большую значимость для местных экономик приобретает наличие в регионе мощных научно-исследовательских институтов, которые способны передавать новые технологии местным предприятиям, готовить для них высококвалифицированные кадры и таким образом привлекать в регион новые виды коммерческой деятельности, что, в свою очередь, может стимулировать экономический рост региона.

Удачным объектом исследования подобного рода является Национальный институт науки и технологий, открытый в 2009 г. в Ульсане. Институт был создан в регионе с развитой промышленностью, и одной из целей его создания была подготовка научно-технических кадров и стимулирование взаимодействия между местными предприятиями и научным центром. Как оказалось, открытие Института

⁷ Промышленная агломерация – сосредоточение предприятий различных отраслей промышленности в форме промышленных узлов на сравнительно небольшой территории.

привело к созданию новых рабочих мест на производстве и возникновению значительной промышленной специализации в пользу секторов промышленности, тесно связанных с объектами исследовательской деятельности научного центра. Данные эффекты проявились сравнительно быстро – в период 2009–2016 гг. Кроме того, количество предприятий в регионе увеличилось на 30 %, однако это касается лишь предприятий, имеющих специализацию, коррелирующую с деятельностью Института. Количество предприятий другого рода осталось неизменным. Однако за период деятельности учреждения не обнаружилось значительных изменений в количестве выпускников вузов и в стоимости земли, что позволило сделать вывод о том, что формирование высококвалифицированных кластеров в местной экономике требует большего периода времени [Lee Jongkwan, 2020].

Еще одним фактором, благотворно влияющим на экономическое благополучие региона, является *доля оплаты труда*⁸ в общем доходе. Так, в 2000-х гг. в Корее наблюдалось достаточно стабильное положение с долей оплаты труда в общем доходе страны, однако картина по отдельным регионам была совершенно другой – из 16 крупных агломераций 5 продемонстрировали увеличение доли оплаты труда в период 2000–2014 гг., в 11 была обнаружена тенденция к понижению. Основными переменными, объясняющими изменения доли труда, являются развитие технологий, капиталоемкость и концентрация рынков. Определенное воздействие оказывает и степень открытости торговли, а также объем расходов на научно-исследовательские разработки в регионе. Кроме того, было обнаружено, что воздействие данных факторов в разных типах регионов (крупных городах и провинциальных областях) происходит по-разному [Kim, Kim Woo-Yung, 2020].

⁸ Доля оплаты труда – соотношение общего объема оплаты труда наемных работников (заработная плата до выплаты налогов, а также социальные выплаты) к совокупному продукту или доходу, например валовому внутреннему продукту (ВВП) или валовому национальному доходу (ВНД).

Значительное внимание в научных публикациях уделяется и **прогнозированию регионального роста**. Стоит отметить, что корейские ученые хорошо осведомлены о существующих мировых теориях прогнозирования регионального роста и активно применяют их на практике, предлагая более доработанные модели. Так, специалисты по городскому планированию Ли Хёнкёнг и Ким Хонгбе предложили усовершенствованный вариант модели долевого участия (*Shift-Share Model*), которая используется для определения того, какая часть экономического роста региона может быть отнесена к национальным тенденциям экономического роста, а какая – к уникальным региональным факторам роста. Таким образом исследуется чувствительность региона к тенденциям в экономике в целом на основе конкретных промышленных или профессиональных компонентов.

Авторы предлагают взвешенную пространственную динамическую модель долевого участия, использование которой, по их мнению, способно повысить результаты прогнозирования, облегчив тем самым процесс принятия экономических стратегий. Анализ по предложенной модели опирается на изучение пространственной зависимости регионов, а эмпирические данные, полученные в результате анализа, помогают создать эффективную региональную модель развития, что в дальнейшем способствует определению факторов, способных обеспечить конкурентоспособность региона по сравнению с соседними [Lee Hyun-kyung, Kim Hong-bae, 2020].

Отдельного упоминания требует **урбанистическое направление** как одно из наиболее активно развивающихся. В этом аспекте научная мысль Кореи демонстрирует значительное сходство с американской концепцией о тесной взаимосвязи региональных и городских процессов. Достаточно часто мы можем наблюдать объединение этих направлений в единый пласт – региональные и городские исследования, а город рассматривается многими специалистами как отдельный регион. В XXI в. вопросы развития

городов продолжают занимать умы ученых-регионологов. Приведем несколько примеров.

Сотрудник департамента государственного администрирования Национального университета Чоннам (Кванджу) Со Чжункё в статье «Стратегии сбалансированного национального развития: построение инновационных городов в Корее» (*Balanced National Development Strategies: The Construction of Innovation Cities in Korea*) утверждает, что в течение долгого времени в Корее сохраняется традиция централизованного планирования национального развития. Национальное пространственное планирование сыграло решающую роль в достижении быстрого экономического роста и стимулировании регионального развития. Однако в большей степени эта система занималась созданием эффективной физической среды для обеспечения экономического развития в определенных областях, и концентрация политической, экономической и социальной деятельности усиливалась именно в этих регионах, особенно в столице. Попытки уменьшить эту концентрацию в столице не увенчались успехом, не получалось обеспечить сбалансированное национальное развитие. В связи с этим появился план по сокращению регионального неравенства, суть которого заключается в создании **городов инновационного типа** не в столичном регионе для реорганизации существующей регионально несбалансированной национальной пространственной структуры. Подобные города обладают своими характеристиками и функциями (табл. 5).

Среди положительных эффектов создания городов инновационного типа специалисты отмечают такие:

- децентрализация административных функций;
- уменьшение роста населения в столичном регионе;
- улучшение возможностей для региональных инноваций;
- рост региональных экономик [Joon-Kyo Seo, 2009].

Дальнейшее освещение идея создания инновационных городов получила в работах специалистов кафедры городского планирования Исследовательского университета Ха-

нянг (Сеул) Ли Хёнгенг и Ким Хонгбэ, которые также изучают **проблемы человеческого капитала**, а именно мобильность научных кадров и рабочей силы и региональные предпочтения для жизни как факторы, определяющие развитие региона.

Таблица 5

Основные черты инновационных городов

Характеристика	Функции
Базы региональной инновации	<ul style="list-style-type: none"> ● Стимулирование кооперативного нетворкинга, ● продвижение создания новых знаний и технологических инноваций, ● укрепление системы взаимного обучения, ● создание инновационной бизнес-среды
Пригодные для жилья комьюнити	<ul style="list-style-type: none"> ● Предоставление качественных условий жизни, ● построение убиквитарной системы, ● создание системы управления городским развитием, бережно обращающейся с окружающей средой
Автономная локализация	<ul style="list-style-type: none"> ● Стимулирование кооперативного национального развития, ● достижение независимой локализации посредством учреждения локализованной системы планирования

Как известно, с 2005 г. корейское правительство переместило национальные исследовательские институты из столичного района в другие части страны. Это было сделано с целью, прежде всего, уменьшения неравномерного распределения населения и экономических мощностей в регионах. На период 2019 г. около 68 % национальных исследовательских институтов было перемещено, однако лишь 27 % исследователей, живущих в столичном регионе, согласились переехать с семьями, соответственно, их предпочтения не учитывались в процессе планирования.

Итак, с 2005 г. в Корею было построено десять городов инновационного типа, примерно по одному в каждой провинции, в данную инициативу правительство вложило 9,5 блн долл. Инновационный город представляет собой разновидность полюса роста, который генерирует и распространяет инновации в соседние районы через инновационные

кластеры. При строительстве городов соединялись три компонента: научно-исследовательские институты, университеты, государственные учреждения. Безусловно, высококвалифицированные кадры, в первую очередь исследователи и ученые, способны сыграть важнейшую роль в инновационных городах, потому что они не только содействуют инновационной деятельности, но и больше, чем другие кадры, способствуют экономическому росту.

Обычно, если высококвалифицированные специалисты соглашаются на миграцию, они принимают в расчет два региональных фактора: условия рынка труда и блага, характерные именно для этого региона.

Ли Хёнгенг и Ким Хонгбэ предлагают модель для анализа миграционного поведения научных кадров по сравнению с другими типами рабочей силы и определения уровня воздействия жилищных условий региона на миграцию, построенную на основе бинарного логистического регрессионного анализа.

Как выяснилось в ходе анализа, и научные специалисты, и обычные рабочие демонстрируют сходное миграционное поведение. Семейные сотрудники менее склонны к переезду, особенно если несколько членов семьи рождены в одном регионе. Социальные связи также являются важным фактором для обеих групп населения. Научные работники охотнее переезжают в регионы с большим количеством культурных объектов, также значимую роль для этой группы населения играет уровень преступности в регионе. Если говорить об условиях рынка труда, большую привлекательность представляет уровень зарплаты, а не возможности трудоустройства [Lee Hyun-kyung, Kim Hong-bae, 2019].

Вопросы **человеческого капитала** исследуются и в работе Ли Бонсонг, Чжон Сонэ и Ким Сугёнг. Авторы отмечают, что стремительный экономический рост вызвал серьезные проблемы как в городе, так и в сельских местностях. В крупных городах возникли такие проблемы, как пробки на дорогах, нехватка жилья и водных ресурсов, загрязнение окружающей среды, рост преступности. Сельские райо-

ны, наоборот, пострадали от противоположных социальных и экономических условий, включая нехватку рабочей силы. Соответственно, представляется крайне необходимым определить региональные характеристики, влияющие на рост населения в регионах разных типов, что может помочь в решении проблемы неравномерного регионального роста в Корее. В исследовании выдвигается идея, что следующие переменные: средний уровень образования и доля занятых на производстве – оказывают влияние на рост населения городов. Рост населения городов требует обильного человеческого капитала, который будет использоваться в производстве, так же как и существования высокопродуктивных и процветающих отраслей промышленности и обильных запасов финансового капитала. Поэтому в Корее молодежь и люди среднего возраста, накопив достаточный объем человеческого капитала, стремятся переехать из сельской местности в города, соответственно, в деревнях остро стоит проблема старения населения [Lee Bun Song, Chun Sun Eae, Kim Suk Young, 2007].

Как известно, повышение запасов человеческого капитала и региональное экономическое развитие связаны с миграцией для получения высшего образования, а также с последующей миграцией выпускников. Накопление человеческого капитала посредством деятельности университетов возможно не только тогда, когда студентов привлекают в регион для получения высшего образования, но и когда выпускники остаются работать в этом регионе. Корейские специалисты, занимающиеся изучением человеческого капитала, анализируют факторы, оказывающие влияние на миграционное поведение студентов и выпускников. Кроме того, рассматривается и то, как миграционное поведение студентов в столичном регионе, являющемся средоточием политических, культурных и финансовых функций, отличается от поведения студентов остальной части страны. Как оказалось, вероятность переезда студента для получения высшего образования напрямую связана с репутацией вуза. Чем выше качество полученного образования, тем больше веро-

ятность, что выпускник сменит место жительства после получения высшего образования. Такое явление гораздо чаще наблюдается в менее развитых регионах [Ma Kang-Rae, Kang Eun-Taek, Kwon O-Kyu, 2017].

В процессе написания монографии мы заметили, что большое количество исследований корейских авторов фокусируется на **изучении отдельного города**, его проблем и особенностей развития [Yoo Seung-Hoon, 2007; Rodríguez, Kang, 2020].

Во многих работах **город и сельская местность** рассматриваются как два типа регионов со значительно различающимися параметрами. Сравнение регионов проводится на основе широкого спектра критериев. К примеру, в статье «Исследование региональных отличий в физическом росте в городских и сельских местностях, проведенное на основе лонгитюдных данных из Южной Кореи» (*Examination of Regional Differences in Physical Growth in Urban and Rural Areas. Based on Longitudinal Data from South Korea*) в качестве такого критерия выступают физическое развитие и рост человека. Авторы работы говорят о тесной взаимосвязи между быстрыми темпами экономического развития и растущей неравномерностью в развитии города и деревни. Сравнить уровень физического состояния населения в разных регионах необходимо, так как это может способствовать выявлению причин, препятствующих развитию в определенной местности. В результате проведенного исследования была обнаружена явная разница в уровне физического развития в городских и сельских местностях – в городах гораздо больше высоких молодых людей обоего пола. Одним из объяснений может служить тот факт, что уровень экономического развития в городе значительно выше, чем в корейской деревне.

Однако авторы подчеркивают, что увеличение роста населения определяется не только экономической ситуацией, но также качеством питания, социальными факторами и генетикой. Кроме того, выяснилось, что мальчики, живущие

в городе, демонстрируют тенденцию к более раннему созреванию [Fujii Katsunori, Kim Jun Dong, Ishigaki Tohru, 2012].

Отдельно необходимо сказать о работах, посвященных изучению проблем **крупных городов**. В Северо-Восточной Азии к агломерациям с населением свыше двух миллионов человек относят, в частности, Сеул, Пусан, Тэгу и Инчхон в Республике Корея, Токио, Осаку, Нагойю в Японии, Шанхай и Тяньцзинь в Китае и др. Абсолютно неудивительно, что конкуренция между такими мегаполисами за право стать региональными хабами только усиливается. Специалисты в области городского и регионального планирования Ким Ыйчжун и Ким Капсонг построили мультирегиональную вычислимую модель общего равновесия⁹ Кореи для того, чтобы произвести оценку стратегии городского развития с точки зрения роста национальной экономики и распределения доходов. Ученые обнаружили, что распределение общих инвестиционных расходов по шести крупным корейским городам было бы наилучшей политикой, если бы акцент национального развития был сделан на экономическом росте вместе с сокращением регионального неравенства в доходах. Высокая концентрация инвестиционных расходов в Сеуле и Пусане, наоборот, привела бы к уменьшению неравенства в распределении личного дохода, однако данная модель испытывала бы значительные сложности при реализации из-за неоднозначного отношения к подходу, ориентированному в первую очередь на развитие крупных городов [Kim Euijune, Kim Kabsung, 2003].

Ким Ыйчжун и Ким Капсонг разрабатывают эту же модель в еще одной работе, посвященной оценке основных стратегий регионального развития, применяемых в Корее. Авторы изучают три стратегии развития прибрежных районов («Развитие Восточного побережья», «Развитие Южного побережья» и «Развитие Западного побережья»), а также

⁹ Вычислимая модель общего равновесия (*Computable General Equilibrium (CGE) model*) – тип экономических моделей, которые используют фактические экономические данные для оценки того, как экономика может реагировать на изменения в политике, технологиях или других внешних факторах.

стратегию «Коридор развития Сеул – Пусан» с точки зрения эффективности. Мультирегиональная вычислимая модель общего равновесия применяется для определения экономического воздействия региональных инвестиционных расходов, оценки последовательных влияний выбранной стратегии регионального развития на экономический рост, инфляцию, благосостояние, распределение доходов и межрегиональное экономическое неравенство.

Авторы приходят к выводу, что при учете того факта, что основной проблемой при планировании национального развития Кореи является вопрос повышения национальной конкурентоспособности с более справедливым межрегиональным распределением доходов, необходимо скорее продвигать регион Западного побережья, чем коридор Сеул – Пусан. Региональное развитие Западного побережья может привести к значительному увеличению ВВП и уменьшению неравенства в доходах регионов. Кроме того, в многонациональной экономической перспективе представляется возможным ожидать, что региональное развитие этого региона будет способствовать экономическому сотрудничеству в Северо-Восточной Азии и усилению общих сравнительных преимуществ между Китаем и Кореей. Однако в долгосрочной перспективе это может усугубить неравенство доходов [Kim Euijune, Kim Kabsung, 2002].

Добавим, что Ким Ыйчжун занимается и изучением проблем устойчивого развития Кореи. Так, в соавторстве со специалистом по устойчивому развитию и планированию Брайаном Кимом он является автором крупной работы «Количественный региональный экономический и экологический анализ процессов устойчивого развития в Корее» (*Quantitative Regional Economic and Environmental Analysis for Sustainability in Korea*). Книга относится к серии «Новые границы региональной науки: азиатские перспективы», в этой серии публикуются работы ученых в области региональной науки и смежных дисциплин, в которых особое внимание уделяется процессам динамизма в Азии.

Как известно, в рамках концепции устойчивого развития изучают два важнейших в настоящее время элемента – развитие и окружающую среду. При изучении вопросов устойчивого развития требуется использование междисциплинарного метода. Последние результаты обширных эмпирических исследований выявили несколько новых проблем для нашего базового понимания того, как регионы развиваются, изменяются и растут. Книга посвящена анализу недавно разработанных новаторских аналитических инструментов для обеспечения устойчивого развития с учетом региональных экономических и экологических проблем в Корее. Авторы применили ряд теоретических моделей и эмпирических методов, включая межрегиональную модель «затраты – выпуск», эконометрический анализ, логит-модель, ГИС, метод условной оценки, модель выборки, метод машинного обучения, стохастический пограничный анализ, панельный анализ и др. Эти модели и методы адаптированы к изучению пространственных вопросов развития и политики, таких как агломерация, кластеризация и промышленные инновации, человеческий капитал и рынок труда, образование и инвестиции в НИОКР, устойчивость региональной экономики к неожиданным природным катастрофам, карантинная система и болезни, а также ухудшение состояния окружающей среды [Kim Euijune, Kim, 2016].

Говоря о проблемах мегаполисов, упомянем исследование, посвященное анализу мобильности населения в столичном регионе. Пространственный паттерн мобильности населения в Корее носит скорее районный, нежели межрегиональный характер. Начиная с 1970-х гг. сетевая внутренняя миграция наблюдалась только в столичном регионе. Основной поток внутренней миграции в этот регион состоял из жителей региона Чолла. Децентрализация населения от Сеула до Кёнгидо и Инчхона привела к трансформации городской окраины Сеула в 1970-х гг. – процесс создания столичного региона сопровождался субурбанизацией территории в диапазоне 45 км от центра Сеула. Безусловно, такие факторы, как расширенные возможности трудоустройства,

доступность жилья и положительные эффекты различных региональных инициатив, способствовали притоку населения в столичный регион. Хорошо налаженная транспортная система, связывающая Сеул с его городской окраиной, также привела к расширению городского пространства и перераспределению населения в регионе [Kwon Yongwoo, Lee Jawon, 1997].

В общих чертах эволюцию государственной политики по развитию столичного региона можно представить в виде четырех стадий:

1. 1960–1970 гг. – «политика ограничения». Главная цель региональной политики этого периода – предотвратить дальнейшую концентрацию населения в Сеуле. Однако из-за увеличивающегося количества вакансий в регионе, возникающих благодаря быстрому экономическому развитию, поток миграции только ускорился.

2. 1971–1976 гг. – «политика рассеивания». Для рассредоточения населения из Сеула в первой половине 1970-х гг. государство стало инвестировать в развитие территорий, удаленных от столичного региона. Кроме того, чтобы помешать возникновению спорадических поселений рядом со столицей, в 1971 г. был создан «зеленый пояс»¹⁰, в который вошло 5,4 % национальной земли.

3. 1977–1990 гг. – «политика аккомодации». В этот период появились новые региональные стратегии по размещению населения в столичном регионе. В 1982 г. вышел закон о порядке планирования, в соответствии с которым столичный регион был разделен на 5 зон для контроля за размещением населения и промышленной деятельностью. Существующим промышленным предприятиям предлагалось переместиться за пределы Сеула. В этот же период недалеко от Сеула были созданы новые города Панволь (Banwol) и Квачхон (Kwachon). Кроме того, с конца 1980-х

¹⁰ Создание «зеленого пояса» – политика землепользования, заключающаяся в сохранении областей в значительной степени неразвитых, диких или сельскохозяйственных земель, окружающих городские районы.

гг. по начало 1990-х гг. было построено 5 новых городов: Пунданг (Pundang), Ильсан (Ilsan), Чундонг (Chungdong), Пхёнгчон (Pyongchon), Санпон (Sanpon), куда переехало много людей из Сеула.

4. 1990 г. – настоящее время – «политика распространения». В этот период для стимулирования регионального развития столичного региона отменили много ограничений, наложенных на Сеул или на столичный регион в целом [Kwon Yongwoo, Lee Jawon, 1997].

Добавим, что в ряде исследований озвучивается идея создания новой административной столицы как возможности решить проблемы существующего столичного региона, а также неравномерного экономического развития в регионах страны. Однако существует опасность, что создание новой столицы приведет к очередному витку регионального дисбаланса в стране. Регионы продолжают развиваться неравномерно, просто возникнет новый центр средоточия всех экономических, политических и иных функций [Lee Man-Hyung, Choi Nam-Hee, Park Moonseo, 2005].

Безусловно, не обходят вниманием корейские специалисты и феномен **«умных» городов**. Так, анализируются услуги, которые могут предоставляться в «умном» городе, зависит ли их диапазон от региона, его географического местоположения. В одном из исследований изучалось, имеет ли степень внедрения услуг «умного» города в области безопасности и городского управления пространственную автокорреляцию для 226 первичных местных органов власти по всей стране по состоянию на 2017 г. Выяснилось, что подобные услуги были в основном внедрены в области городского управления, а не в сфере безопасности, это позволило заключить, что изначальный проект по созданию «умных» городов был сосредоточен на повышении эффективности городского управления. Было обнаружено, что регионы с высоким средоточием подобных услуг образуют вокруг себя особый кластер, где также начинают появляться эти же услуги. Авторы исследования выделили 25 кластерных регионов в области безопасности и 41 – в области городского

управления с низким уровнем внедрения услуг «умного» города [Kim Hong-kwang, Yi Mi-sook, Shin Dong-bin, 2017].

В качестве отдельного подраздела выделим исследования, рассматривающие **взаимосвязь процессов урбанизации и экологии**. Сравнительно новый аспект изучения процессов устойчивости в городском развитии стал привлекать внимание ученых всего мира не так давно – с того времени, как города стали сталкиваться с широким спектром непредвиденных последствий от антропогенной деятельности, в частности от увеличения численности городского населения, что влечет за собой интенсивное преобразование естественных земель в застроенные, соответственно, повышается температура городского пространства. Такое явление получило название «городской остров тепла»¹¹ (*urban heat island*) и считается одним из важных факторов, влияющих на устойчивое развитие городов. Следовательно, ученые занимаются составлением рекомендаций по улучшению процесса планирования новых городов в Корее и управления вопросами окружающей среды в городских системах, необходимых планировщикам, дизайнерам, лицам, принимающим решения по созданию устойчивой городской структуры [Temporal Dynamics of ... , 2019; Kwak Yoonshin, Park Chan, Deal, 2020].

Изучается специалистами и *взаимосвязь процессов потепления и урбанизации* [Impact of Future ... , 2016; Long-Term Warming Trends ... , 2017].

Стоит сказать, что в настоящее время достаточно отчетливо выделилось и отдельное **экологическое направление** региональных исследований в Корее в силу увеличивающегося количества экологических проблем, в первую очередь из-за стремительных темпов промышленного производства. Так, в сферу интересов ученых входят такие темы, как образование и рост атмосферных наночастиц и

¹¹ Городской остров тепла – метеорологическое явление, которое проявляется в повышении температуры городского пространства относительно окружающих его сельских областей, вызванном существенными изменениями окружающей среды в городских условиях.

факторы, влияющие на масштаб процессов в различных регионах полуострова [Characteristics of Formation ... , 2016]; управление водными ресурсами города – опыт разных регионов [Jeong Seongpil, Park Jooyoung, 2020]; моделирование регионального климата [Development and Implementation ... , 2015]; взаимосвязь региональных климатических сценариев и моделирования урожайности [Evaluation of Regional ... , 2015; Kim Kwang Soo, Yoo Byounghyun; 2015]; регулирование выбросов парниковых газов в регионе [Quantifying and Managing ... , 2014]; определение стратегии экотуризма в зависимости от особенностей региона [Choi Yun Eui, Oh Chi-Ok, Chon Jinhyung, 2020] и др.

Безусловно, большое количество ученых занимается изучением феномена **глобализации** и его влияния на развитие регионов. Так, сотрудники Научно-исследовательского института по изучению населенных пунктов (Сеул) Ким Ёнгунг и Ми Сукча занимаются определением того, какие стратегии пространственного развития эффективнее применять в эру глобализации.

По мнению специалистов, глобализация экономики – необратимая и неизбежная тенденция, вызывающая фундаментальные трансформации в социально-экономической системе всего мира. Самой главной стратегической задачей для Кореи является эффективное приспособление к этим изменениям. Так как глобализация приводит к изменениям всей социально-экономической структуры, сложно выделить ее отдельные последствия и пытаться с ними справиться в индивидуальном порядке. В связи с этим пространственная политика и планирование должны быть нацелены на улучшение различных аспектов городского и регионального развития, нежели на улучшение в нескольких определенных областях. В фокусе внимания должно находиться формирование институциональных и организационных структур по продвижению технологических инноваций, образование новых предприятий и создание местного нетворкинга для обмена информацией. Одной из важных миссий политики пространственного развития должно быть

создание приемлемого социокультурного окружения, такого как социальные службы высокого качества, досуговые центры, культурная среда, соответствующие глобализированному обществу. Еще одним важнейшим фактором, определяющим развитие стран и отдельных местностей, является качество окружающей среды [Kim Yong Woong, Cha Mi Sook, 1996].

Внимания заслуживают другие достаточно новые исследовательские направления – **инженерия мира** (*peace engineering*) и **туризм мира** (*peace tourism*). Одна из выдвигаемых гипотез заключается в идее, что для достижения мира необходимо изучать инновационные процессы: «инновации приводят к миру, а мир вызывает инновации». Так, изучение истории промышленного комплекса Кэсон (КНДР) показывает, что инновации помогают поддерживать мир, замедляя конфронтацию. Комплекс представляет собой промышленный парк, в котором южнокорейские компании, находясь на территории Северной Кореи, нанимают северных корейцев на работу. Проект был запущен в 2000 г. Второй частью гипотезы руководствовало правительство Республики Корея, принимая северокорейских перебежчиков на полное обеспечение, предоставляя им все условия для комфортного существования. При изучении данных явлений используется метод построения проблемно-ориентированной инновационной системы (*problem-oriented innovation system, PIS*) [Ahn Sang-Jin, Yi Seung-Kyu, 2020].

Отдельный пласт исследований посвящен **проблемам слаборазвитых регионов и стратегиям их развития**. Например, одним из таких регионов считаются островные регионы. Длительный период исторической инерции, о котором подробно говорилось в первой главе нашей работы, привел корейцев к мысли, что основная часть жизни сосредоточена на материке, а необитаемые острова долгое время считались «неэффективным» для освоения регионом. Однако возросший на международном уровне интерес к таким проблемам, как суверенитет океана и морские ресурсы, привел к тому, что острова стали рассматриваться как объект политической деятельности в таких вопросах, как тер-

риториальная целостность, безопасность морских ресурсов, сбалансированное национальное развитие и развитие различных региональных культур. Актуальность разработки отдельной стратегии регионального развития островов объясняется еще и тем фактом, что к 2010 г. в Корее насчитывалось 3339 островов, из них 463 необитаемых.

Как уже говорилось, подобные инициативы в Корее разрабатываются прежде всего на государственном уровне, так, в данном случае речь идет о выполнении Плана по развитию островов, введенного в силу в 1988 г., несколько стадий этого плана уже реализованы, а итоговая цель заключается в создании жилой среды, в которой жители островных территорий могут поддерживать свой образ жизни благодаря улучшению жилищных условий. Однако многие проблемы еще не устранены на данный момент, среди них старение населения, нехватка социальных учреждений, фрагментированная промышленная структура, ограниченное количество трудовых ресурсов, уменьшающееся количество источников дохода, плохая транспортная система и др.

В качестве одного из стратегических подходов к решению проблем региона предлагается использовать метод Лаборатории испытаний и оценки принятия решений (*Decision Making Trial and Evaluation Laboratory, DEMATEL*), разработанный в Швейцарии в 1971 г. и заключающийся в конечном итоге в создании визуальной репрезентации – карты взаимодействий, с помощью которых респонденты организуют свои действия [Park Sung-Hyun, 2016].

Интересен подход корейских ученых к рассмотрению феномена **политического регионализма**. Так, географ, директор Центра азиатских городов в Сеульском университете, занимающийся изучением вопросов геополитической экономики и современного урбанизма, Пак Пегюн полагает, что политика регионализма в значительной степени повлияла на формирование политического курса Южной Кореи. Многие специалисты склонны объяснять региональные отличия в политическом поведении культурными или

этническими особенностями регионов. Тем не менее, как известно, Корея представляет собой государство с высокой степенью централизации управления, однородным типом общества, а регионы в стране не имеют значительных этнических, лингвистических и других подобных различий. Однако начиная с 1970-х гг. политический регионализм приобретает все большую значимость в этой стране.

Пак Пегюн изучает историю возникновения политики регионализма в Корее, обращая особое внимание на социально-политические и институциональные условия, под воздействием которых в начале 1970-х гг. впервые появилась политическая сегментация по территориальному принципу. Автор сосредоточился на изучении того, каким образом политика локального экономического развития в Корее в этот период превратилась в политику регионализма; по его мнению, при анализе данного процесса необходимо учитывать особый контекст неравномерного регионального развития, возникший в условиях политики государственного регулирования, а также территориализацию политических партий. Географ приходит к выводу, что, во-первых, одной из основных причин возросшего регионального экономического неравенства в 1960–1970-х гг. стала политика государства по обеспечению территориальности капиталистической индустриализации в стране, во-вторых, политика местного экономического развития, которую начали реализовывать в разных регионах в качестве способа по борьбе с неравномерным региональным развитием, привела к возникновению политических и экономических интересов, различающихся в регионах, в-третьих, политические партии, ориентируясь на различающиеся по региональному принципу политические и экономические интересы, стали создавать ограниченные определенной территорией социальные базы, тем самым усиливая тенденции к политическому регионализму [Park Bae-Gyoon, 2003, 2008].

В рамках подхода политического регионализма рассматриваются и отдельные проекты, к примеру достаточно хорошо известный проект по возведению самой большой в

мире дамбы Сэмангым и рекультивации близлежащих земель [Song Tae-Soo, Yang Min-Suk, Kim Chong Su, 2014].

В целом регионализм в Корее активно присутствует и в настоящее время. В корейском языке даже есть специальный термин *지역 감정* (*jiyeok gamjeong*), который можно перевести как «региональная вражда/рознь». Наибольшая степень регионального соперничества наблюдается между либеральным Юго-Западом (Хонам) и Юго-Востоком страны (Кёнсан), отличающимся консервативными взглядами. По мнению корейских ученых, регионализм в этой стране представляет «сложное, многомерное и многогранное» явление [Kim Wang-Bae, 2003, p. 27].

Историческое формирование регионализма происходило в противоречивом и напряженном процессе «конкуренции, защиты и исключения» распределения ресурсов. В течение долгого времени корейский регионализм носил ярлык «национальной болезни» и повсеместно считался вредным явлением в силу того, что приводил к социальным деформациям и создавал препятствия для общего развития корейского общества. Тем не менее регионализм содержит не только негативные элементы. Так, новая форма корейского регионализма, включающая местное самоуправление, может привести к положительным действиям по восстановлению местной субъективности и улучшению качества жизни. Регионализм может стимулировать жизнеспособность социального развития через формирование чувства идентичности по отношению к определенной области и способствовать здоровой конкуренции [Kim Wang-Bae, 2003, p. 27].

Анализ фактического материала показывает, что преобладающее большинство исследований посвящено изучению Кореи как региона, представляющего наибольший интерес. Обращают внимание корейские специалисты также на Азиатский регион в целом и на **страны Тихоокеанского бассейна** в частности. Экономическое пространство, образованное этими странами, представляет сложное и динамичное формирование. В настоящее время в данном про-

странстве наблюдаются процессы реструктуризации, нацеленные на последующую региональную интеграцию. **Азиатско-Тихоокеанский регион**, по мнению корейских ученых, представляет особый интерес для регионологов в XXI в. в силу следующих причин:

1) наличия глобальных финансов в региональной и национальной экономике, что способствует изменениям в пространственной экономике АТР;

2) образования сетей между предприятиями и между городами;

3) присутствия в АТР инновационных региональных систем и уникальных процессов регионального роста;

4) появления экономики, основанной на знаниях, и нового типа индустриализации [Park Sam Ock, 2000].

Кроме того, интерес представляет изучение динамики экономического пространства АТР с учетом недавних изменений технико-экономической парадигмы. В рамках новой парадигмы регионы приобретают особую значимость в процессе создания и передачи знаний в эпоху Интернета. Место становится еще более важным феноменом в эру цифровой экономики из-за необходимости пространственной близости при передаче неявных знаний. В АТР активно развиваются инновационные центры и наукоемкие сервисные центры. В некоторых наиболее крупных мегаполисах этого региона возникают региональные инновационные системы. Были также развиты различные городские регионы, а взаимодействие между обеими сторонами Тихоокеанского бассейна будет усиливаться в дальнейшем за счет деловых и инновационных сетей [Park Sam Ock, 2003].

В некоторых работах проводится сравнение модели экономического развития Кореи с другими странами Восточной Азии. К примеру, в статье *Exploring the Three Varieties of East Asia's State-Guided Development Model: Korea, Singapore, and Taiwan* парадигма развития Восточной Азии по критериям «рост – стабильность – равенство» подразделена на три категории: модель Южной Кореи «заикленность на росте»; модель Сингапура «рост со стабильностью»

и тайваньская модель «равенство и стабильность, основанные на росте». Каждая модель во многом проистекала из сознательного политического выбора определенного стратегического пути. У Сингапура и Тайваня модель многоцелевая – направлена на рост и стабильность в первом случае и рост, стабильность и равенство во втором. Южнокорейская модель одноцелевая, полностью направленная на рост, это означает, что при достижении поставленной цели приходится пренебрегать остальными параметрами, что может привести к нежелательным последствиям. Так, модель, направленная на рост региона, может привести не только к стремительному росту ВВП, но и к хронической инфляции и длительным проблемам с неравномерным распределением дохода внутри страны. Многоцелевые модели представляются лучшим вариантом [Jeon Jei Guk, 1995].

Безусловно, пристального внимания заслуживает и вопрос о роли Южной Кореи в процессах региональной интеграции, происходящих в АТР [Park Jinsoo, 2015].

Корейские исследователи, политологи Ку Мингё, Ли Сонгчжу, Мун Чжонгин, и американский политолог Винод Агарвал являются авторами крупной работы, посвященной изучению потенциала Северо-Восточной Азии к интеграции. Работа была создана при поддержке Фонда Восточной Азии, расположенного в Сеуле. Ученые предпринимают попытку ответить на вопрос, могут ли региональные механизмы лучше институционализировать возрастающую сложность экономических связей и связей в области безопасности между странами Северо-Восточной Азии. По их мнению, изучение недавней истории региона, прежде всего с теоретически обоснованной точки зрения, возможно, не всегда будет способствовать правильному прогнозированию событий, но в любом случае снабдит ученых и стратегов полезными идеями. Исходя из этой посылки, авторы анализируют, как критические изменения, произошедшие за последние 20 лет, трансформировали институциональную организацию региона. В фокусе внимания исследователей находится период, который они назвали «тройные потрясения»,

сюда относятся такие события, как окончание холодной войны, азиатский финансовый кризис 1997 г. и события 11 сентября 2001 г. В работе исследуются последствия этих ключевых изменений в контексте подъема Китая, экономических проблем в Японии, игнорирования Америкой событий в Азии, распада Советского Союза и последующего возрождения России, а также меняющейся динамики двух Корей [Northeast Asia Ripe ... , 2009].

Отдельная глава монографии посвящена изучению вопроса региональной политики Южной Кореи в русле экономической кооперации. После окончания холодной войны Южная Корея обратилась к изучению дополнительных стратегий по этому вопросу. В то время АТЭС представлялся оптимальным выбором как региональная организация с многосторонним характером. Но азиатский финансовый кризис побудил страну сделать очередной поворот в стратегии. Недовольства в регионе из-за того, как Америка и МВФ справились с кризисом, заставили страны Восточной Азии использовать механизмы сотрудничества на региональном уровне. Соответственно, правительство Ким Дэджунга заинтересовалось новой версией восточноазиатского регионализма.

В частности, правительство выступило с инициативой институционализации процесса АСЕАН+3, ожидая, что он может привести к созданию зоны свободной торговли в Восточной Азии или появлению восточноазиатского сообщества. Также поддержку получали двусторонние соглашения о свободной торговле. Администрация следующего президента Южной Кореи, Но Мухёна, стала изучать способы построения и развития регионального сообщества в Северо-Восточной Азии, при этом более активно переопределяя стратегии ЗСТ. Предпринимались шаги по решению извечных региональных проблем, таких как ощутимая напряженность в сфере безопасности, экономическая конкуренция и социально-культурные конфликты, для этого был обнародован амбициозный план построения мирной и процветающей Северо-Восточной Азии. Однако это амбициоз-

ное регионалистское видение будущего развития осталось лишь планом в силу того, что шестисторонние переговоры практически зашли в тупик, китайско-японское соперничество продолжилось и наметилось ухудшение двусторонних отношений между Южной Кореей и Японией [Northeast Asia Ripe ... , 2009].

Завершая данный параграф, добавим, что пространственный анализ может быть полезен и в таких науках, которые не часто встречаются в перечне основных сфер деятельности регионологов, например в **археологии** для пространственного моделирования археологических данных – использования диахронических баз данных для построения картины распределения культурных паттернов в синхронии [Spatial Modeling of ... , 2020] или **геодезии** для оценки глобальных и региональных моделей высоты геоида [Lee Suk Bae, Auh Su Chang, Seo Dong Yong, 2017].

Итак, подведем некоторые итоги. Интересно, что при анализе научных исследований корейских специалистов, которому был посвящен данный параграф, нами практически не было обнаружено работ по теории региональной науки, которыми изобилует вторая половина XX в., например, в США, где значительное количество научных публикаций этого периода посвящено поиску ответа на «вечные» вопросы – что должна изучать региональная наука, в чем ее суть, где ее границы, можно ли вообще считать ее наукой, каковы ее перспективы. Практически отсутствуют и работы, посвященные размышлениям, зачастую философским, о кризисе региональной науки, ее сравнению с человеком и периодами жизни человека, в то время как в США подобные публикации весьма многочисленны. Нам представляется, что подобный феномен может быть объяснен восточной традицией – корейцы склонны брать на веру успешные существующие западные теории, не погружаясь в экзистенциальные размышления о их сущности. Корейские ученые предпочли начать реализовывать практические способы усиления экономического развития страны и ее регионов, считая, что практика и является критерием истинности и

нет необходимости дискутировать по концептуальным основаниям науки.

Таким образом, можно сказать, что успех азиатской экономической трансформации может быть частично объяснен безукоризненной имплементацией западных теорий регионального развития. Это доказывает и тот факт, что многие исследования в Корее созданы на базе западного, прежде всего американского, опыта, что четко прослеживается, например, при анализе того, какие авторы цитируются в научных трудах. Основные научные теории регионального развития также заимствованы из западной традиции, так, в данном параграфе упоминались теория полюсов роста, кластерный подход, подход о развитии инноваций, теория человеческого капитала, концепция «инженерия мира», идея создания технополисов и др. Представители научного сообщества Кореи прекрасно владеют достаточным арсеналом методов региональных исследований, активно используют математические методы. Упомянем метод DEMATEL, разработанный в Швейцарии, метод построения проблемно-ориентированной инновационной системы, предложенный иранскими учеными.

Подобное повсеместное заимствование западного опыта, на наш взгляд, объясняется еще и тем, что в Корее в XXI в. широко распространены такие современные тенденции, как академическая мобильность научных кадров и интернационализация образования. Много корейских ученых получило высшее образование в США и Европе и продолжает сотрудничать с западными вузами, что и доказывает большое количество статей, написанных в соавторстве с западными коллегами. Кроме того, необходимо пояснить, что большая часть статей, проанализированных нами, написана на английском языке, что также подтверждает некую вестернизацию корейской науки о регионах.

К тому же мы можем предположить, что невозможность выделения отдельного этапа – этапа философских дискуссий о целесообразности региональных исследований – в некоторой степени может объясняться особенностями конфу-

цианской морали. Однако данный вопрос выходит за рамки нашей работы и не рассматривался отдельно.

Итак, в корейских региональных исследованиях отчетливо выделяется тенденция к прагматикоориентированности научного знания. Проводимые исследования должны в первую очередь решать практические задачи – способствовать процветанию страны во всех сферах.

Так как правительство Южной Кореи играет значительную роль в формировании общегосударственной политики национального и регионального развития, во многих проанализированных нами работах уделено внимание изучению и оценке эффективности действий правительства в этой сфере.

Четко прослеживается, по нашему мнению, и идея трансдисциплинарного подхода к региональным исследованиям. Большинство изученных работ выходят за рамки отдельной науки, поднимая вопросы, требующие обсуждения с задействованием теоретико-методологического арсенала разных наук – глобалистики, экономики, социологии, урбанистики, экологии, науки о мире, математики, статистики и других.

ГЛАВА 3

КОРЕЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ

3.1. ЗАРОЖДЕНИЕ КОРЕЕВЕДЕНИЯ. ОПИСАТЕЛЬНО-РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение Кореи в России имеет весьма длительную историю. Оно зародилось еще в конце XVII в., в период становления российско-китайских отношений, а с конца XIX в., после начала официальных межгосударственных отношений между двумя странами, по мнению большинства специалистов-корееведов, получило самостоятельное развитие.

Любопытно, что до установления официальных отношений изучение Кореи рассматривалось как часть китаеведения. Предположительно, первые сведения о Корее появились на Руси еще в XIII в. В качестве подтверждения данного заключения, например, историки ссылаются на факт о том, как европейский путешественник Плано Карпини встретил в ставке монгольского хана русских и корейских послов [Корееведение в России ... , 2004].

Несмотря на корейскую политику «закрытия страны» от внешнего мира, установлено, что первые торговые контакты между корейскими и русскими купцами стали возникать во второй половине XVII в. В 1674–1675 гг. русскому путешественнику и послу в Китае Николаю Спафарию удалось собрать обширный материал о странах Дальнего Востока, в частности об истории, экономике и культуре Китая, Японии, Кореи, озаглавленный «Описание первыя части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское Государство с прочими его городаы и провинции». В данной работе впервые приведено географическое описание Кореи [Там же].

В конце века появляются и картографические сведения о Корее. В 1698 г. картограф С. Ремезов составил карту всей Сибири «Чертеж всех сибирских городов и земель», где к востоку от китайского побережья была обозначена Корея в виде полуострова.

В 1766 г. были опубликованы дневники торгового агента Лоренца Ланга, где содержались полезные сведения о Корее.

В конце XVIII – начале XIX в. были изданы переводы книг, содержащих сведения о Корее, в частности «Описание китайской империи» французского историка-востоковеда Жана Батиста Дюальда и «Путешествие во внутренность Китая и Татарии» английского дипломата Джона Макартни.

С начала XIX в. русские торговцы, путешественники, дипломаты все чаще сталкиваются с Кореей. В 1805 г. мореплаватель И. Ф. Крузенштерн в ходе кругосветного путешествия собрал ценные сведения о Корее, некоторые из них представлены в его труде «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях “Надежде” и “Неве”».

В 1824 г. была издана книга приостава к русской духовной миссии в Пекине Е. Ф. Тимковского «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах», где есть параграф «Корейцы в Пекине» [Корееведение в России ... , 2004].

Стоит отметить, что до настоящего времени на русский язык переведено крайне мало письменных памятников по истории Кореи дофеодального и феодального периода. В 1851 г. востоковед и путешественник, один из основоположников российской синологии Н. Я. Бичурин (в монашестве отец Иакинф) в своей книге «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» опубликовал материалы по истории народов Корейского полуострова с первых веков до н. э. эры до IX в. н. э. Материалы были извлечены им из китайских династийных историй. Можно утверждать, что этим Бичурин положил начало научному изучению в России истории корейского народа [Пак, 2001].

Бичурин опубликовал еще один крупный труд – «Статистическое описание китайской империи» в двух томах, в

котором содержится глава «Королевство Чао-сянь» об истории Кореи и ее административного устройства.

Добавим, что с середины XIX в. путь русских судов вдоль корейского побережья Японского моря стал вполне обычным, а так как в подобные плавания часто отправлялись и ученые, у них появилась хорошая возможность составлять воспоминания по путевым наблюдениям.

Первыми русскими, вступившими на землю Кореи, были моряки из экспедиции контр-адмирала В. П. Путятина, направляющейся в Японию для установления дипломатических отношений. Знаменитый фрегат «Паллада» подошел к берегам Кореи в марте 1854 г., а с 1855 г. стали публиковаться фрагменты воспоминаний участника экспедиции, писателя И. А. Гончарова, вышедшие в свет и отдельным изданием «Фрегат “Паллада”» в 1858 г. В работе подробно описаны быт, природа, обычаи корейцев [Корееведение в России ... , 2004].

В 30-е гг. XIX в. в России в большом количестве публикуются переводы западноевропейских работ о Корее. Новый этап изучения Кореи наступает в 1860 г. при присоединении к России Южно-Уссурийского края после заключения Пекинского договора с Китаем. Важно то, что в договоре была определена русско-корейская граница, после чего начался переезд сюда на постоянное жительство бедных семей из северной провинции Кореи, во Владивостоке образовывается квартал «Корейская слободка». Соответственно, возникает необходимость в изучении корейского языка для поддержания общения с прибывшими. Первый русско-корейский словарь был составлен чиновником для особых поручений М. П. Пуцилло, содержал 5,5 тыс. слов и был издан в 1874 г. С этого периода тексты о Корее стали появляться в газетах и журналах.

В 1867 г. Уссурийский край посещает исследователь Азии Н. М. Пржевальский, свои впечатления от поездки ученый сформулировал в работе «Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг.», изданной в 1869 г. [Там же].

Итак, как мы видим, в обозначенный период издавалось достаточно много работ преимущественно описательно-страноведческого характера, знакомящих русских людей с краем «недоступным и таинственным», как было сказано в русском предисловии к материалам о Корее, собранным из английских изданий и опубликованным в «Известиях Императорского Русского географического общества» в 1866 г.

Первым результатом многочисленных публикаций о Корее многие считают издание крупной работы П. И. Ждан-Пушкина «Корея» в 1875 г. В издании обнаруживается описание Кореи, ее учреждений, языка, нравов, обычаев и др. [Корееведение в России ... , 2004].

В 1882 г. в «Морском сборнике» были напечатаны «Очерки Кореи» японца Кенске Андо, лектора японского языка в Санкт-Петербургском университете, в совершенстве владеющего русским языком. Работа была написана по японским источникам и содержала подробное описание состояния дорог, географических особенностей, административного устройства, областей и уездов Кореи. Автор подчеркивал сильную зависимость Кореи от Китая, даже допуская довольно острые замечания, например: «В отношении образования в Корее замечается рабское подражание Китаю». В главе «Быт корейцев, нравы, прически» находим подробное описание одежды, причесок как простолюдинов, так и высшего сословия, домов, пищи и т. д. [Цит. по: Корееведение в России ... , 2004, с. 33].

Еще один государственный деятель, внесший значительный вклад в становление изучения Кореи в России, – дипломат и востоковед П. А. Дмитриевский. Специалист по Китаю, в течение многих лет находящийся на дипломатической службе в этой стране, дважды по нескольку лет провёл и в Корее. Дмитриевский был китаистом и маньчжуристом по образованию, своими переводами сочинений о Корее на китайском и японском языках он существенно расширил представления о Корее в России.

В ходе знакомства с Китаем, чтения китайских книг по истории и географии стран Дальнего Востока дипломат

увлекся сочинениями о Корее, о которой тогда имелись самые скудные сведения в русской и зарубежной литературе. В 1884 г. был издан его труд «Записки переводчика, составленные переводчиком при окружном управлении на острове Цусиме Отано Кигоро». В его основу легла работа японца, написанная им на основе письменных китайских и японских источников, а также рассказов корейских чиновников, с которыми ему приходилось встречаться. Собранные Отано Кигоро различные сведения о корейском государстве и корейцах (в том числе почерпнутые из корейского законодательного памятника XVIII в. «Тэджон хветхон» – «Общего свода Великого уложения») были, по словам П. А. Дмитриевского, «довольно подробны и точны», что доказывалось другими книгами о Корее. Свой перевод на русский язык П. А. Дмитриевский снабдил подробным научным комментарием, втрое превысившим текст оригинала [Хохлов, 1998].

Работа получила положительные отзывы известных востоковедов. Например, В. П. Васильев и А. М. Позднеев высоко оценили труд Дмитриевского, сказав, что даже простой перевод «Записок» мог внести значительный вклад в историческую и географическую науку. Снабженная подробнейшими комментариями книга не только становилась в один ряд с лучшими европейскими описаниями Кореи, но и могла служить «поправкой и пояснением сообщаемых ими сведений» [Там же].

Практически в это же время Дмитриевский подготовил к изданию еще одну значительную работу – перевод китайского сочинения «Чаосянь чжи» («Описание Кореи»), вышедший под названием «Географическое описание Кореи». В книге были представлены, помимо географических данных, разнообразные сведения по истории, этнографии и культуре Кореи. Следует сказать, что Русское географическое общество присудило автору большую золотую медаль за перевод. Дмитриевский также занимался составлением географических карт Кореи [Там же].

До настоящего времени работы Н. Я. Бичурина и П. А. Дмитриевского являются единственными переводами

оригинальных источников по истории средневековой Кореи на русский язык.

Таким образом, в конце XIX в. Корея все еще оставалась закрытой для России страной, тем не менее уже было создано большое количество работ по Корее, которые можно преимущественно отнести к описательному региноведческому типу.

После значимой в истории российско-корейских отношений вехи – 1884 г. – года начала дипломатических отношений между двумя странами, начался новый этап развития корееведения в нашей стране. Авторы работы «Корееведение в России...» [2004] полагают, что в это время произошло выделение корееведения из китаеведения, и мы склонны согласиться с этой точкой зрения. К концу XIX в. результатом этого процесса стало появление самостоятельной отрасли востоковедной науки – корееведения.

Особое место в работах этого периода отведено воспоминаниям и дневникам путешественников по Корее. Первым русским путешественником, посетившим Корею, был купец П. М. Делоткевич, прошедший более 1500 км пешком по Корее и побывавший в Сеуле, Вонсане, Пукчхоне и других городах. Сведения о своем путешествии он изложил в «Дневнике Павла Михайловича Делоткевича на пути пешком из Сеула в Посьет через Северную Корею (с 6 декабря 1885 г. по 2 февраля 1886 г.)».

Еще одной подобной работой того же года стал «Краткий очерк современного состояния Кореи князя Дадешкалиани, состоящего при канцелярии приамурского генерал-губернатора». Важно, что данный труд представляет собой не просто описание, но и попытки проанализировать текущую ситуацию в Корее, спрогнозировать ее развитие, дать оценку имеющемуся социальному строю. Поэтому труд Дадешкалиани резонно считают первым аналитическим исследованием по Корее [Корееведение в России ... , 2004].

Интерес к Корее выразился и в подготовке специальных докладов по положению дел в этой стране. Так, в 1890 г. в «Сборнике географических, топографических и статисти-

ческих материалов по Азии» был опубликован отчет «Поездка в Корею летом 1889 г. генерального штаба подполковника Вебеля». В данной работе содержится важное подтверждение прекращения изоляции страны: «"Страна отшельников", столь ревностно оберегающая свою обособленность, коренным образом уже изменила в последние годы свои традиционные взгляды на отношения к иностранцам. Метаморфоза, совершающаяся на наших глазах в Японии, не могла не отразиться на Корее, которая издревле находится с нею в самой тесной торговой связи. Эти новые веяния не могли не коснуться той массы корейцев, которые волею или неволею приходят в сношения с внешним миром...» [Цит. по: Корееведение в России ... , 2004, с. 44–45].

Наиболее крупной публикацией конца XIX в. по Корею считается книга «Очерки Кореи» русского дипломата М. А. Поджио, прожившего более пяти лет в Китае и Японии. В работе дается не только географическое описание страны, но и исторические сведения, есть главы «Корейский король», «Государственное управление», «Сословия», «Семейный быт».

Назовем еще некоторые работы по Корею этого периода: «Из Хунчуна в Мукден и обратно по склонам Чан-Бай-Шаньского хребта (отчет о семимесячном путешествии по Маньчжурии и Корею в 1895–1896 гг.)» (1897 г.) И. И. Стрельбицкого; «Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи» (1897 г.), «Поездка генерального штаба полковника Карнева и поручика Михайлова по Южной Корею в 1895–1896 гг.» (1901 г.) А. Г. Лубенцова; «По Корею, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» (1904 г.) Н. Г. Гарина-Михайловского и др. [Корееведение в России ... , 2004].

Из других знаковых событий данной эпохи выделим следующие. В 1897 г. в Петербургском университете началось преподавание корейского языка, а в 1900 г. во Владивостоке был создан Восточный институт. Стоит сказать, что и в Корею в это время возрастает интерес к изучению русского языка – в Сеуле и Вонсане открываются русские школы, а способных учеников начинают отправлять в различные учебные заведения России.

1900 год считается началом нового этапа в истории русского корееведения – стало зарождаться *научное* изучение Кореи. Министерство финансов России опубликовало трехтомное «Описание Кореи», аналогов которому в мировом корееведении на тот момент не было. Работа обобщала вышедшие ранее труды российских и европейских авторов, дневники, записки, воспоминания и др. Отдельный том содержит карты, тексты договоров Кореи с иностранными державами, результаты переписи населения 1897 г., таблицы с данными по внешней торговле, финансам и т. д., корейское летоисчисление и хронологию правления корейских королей. В предисловии авторы отмечали, что их цель – «представить полный свод имеющихся о Корее сведений и этим дать возможность лицам, интересующимся этою страной, ознакомиться с ними без большой затраты труда и времени» [Цит. по: Корееведение в России ... , 2004, с. 63]. Описание содержало главы об истории, географии, экономике, этнографии, языке, литературе страны.

Отметим, что в этот период продолжилась активная публикация трудов путешественников и государственных деятелей, посещавших Корею.

Начальный этап советского корееведения (1920–1930 гг.) в основном посвящен общественно-политическим публикациям о борьбе корейцев за национальную независимость и кратким сводкам текущих событий в Корее. Еще одним исследовательским направлением середины 1930-х гг. была история международных отношений на Дальнем Востоке. В целом это основное направление исследований этого периода, на наш взгляд, удачно охарактеризовано в работе «Корееведение в России...» [2004] как общее страноведение с политико-экономическим уклоном.

Если говорить об образовательном векторе исследований Кореи, необходимо упомянуть, что в 1918 г. было открыто японское отделение на факультете восточных языков Петроградского университета, в начале 1920-х гг. – Институт живых восточных языков в Ленинграде. Подготовка

специалистов по Корее началась в 1931 г. в Международном педагогическом институте во Владивостоке.

Без сомнения, переломным моментом в отношениях Кореи не только с Советским Союзом, но и со всем миром стал 1945 г. – год освобождения от колониального господства Японии. В этот период в Советском Союзе сказалась нехватка подготовленных кадров – специалистов по Корее, первоначально проблему решали с помощью привлечения советских корейцев, прежде всего тех, кто был насильственно перевезен с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию, параллельно занимаясь подготовкой собственных кадров. В конце 1945 г. открылось корейское отделение в Московском институте востоковедения, в 1948 г. – на Восточном факультете ЛГУ, в 1949 г. – на отделении Востока исторического факультета МГУ. В 1954 г. корееведов начали готовить в МГИМО, а с 1956 г. – в созданном на базе отделения Востока исторического факультета МГУ Институте стран Азии и Африки [Корееведение в России ... , 2004].

Говоря о научных мероприятиях по корееведению, мы должны упомянуть Тихоокеанский институт Академии наук, первым обратившийся к данной тематике. В институте проводились научные встречи, на которых обсуждались проблемы новейшей истории и современного состояния Кореи. В «Ученых записках» института публиковались первые статьи о Корее. В 1950 г. в Москву перевели Институт востоковедения Академии наук, куда был присоединен Тихоокеанский институт. Созданное образовательное учреждение стало ведущим научным центром по изучению истории, культуры, современных проблем стран Востока. Таким образом, Институт востоковедения РАН считается старейшим научным центром корееведения в России. В 1966 г. в Москве был открыт Институт Дальнего Востока Академии наук. Кроме того, среди научных центров назовем *Международный центр корееведения*, открытый в 1991 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ, и *Центр корейского языка и литературы*, созданный в 1995 г. в Санкт-Петербургском

государственном университете, а в 2013 г. преобразованный в *Институт междисциплинарных исследований Кореи*.

Специалисты выделяют несколько этапов в развитии современного корееведения в России:

- 1945 г. – середина 1950-х гг. – этап накопления сил и знаний;
- середина 1950-х гг. – конец 1980-х гг. – этап зрелости и расцвета;
- начало 1990-х гг. – настоящее время – современный этап российского корееведения [Корееведение в России ... , 2004].

3.2. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ КОРЕЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Напомним, что в работах отечественных специалистов под термином «корееведение» понимается «наука о Корее, ее прошлом и настоящем, географическом, экономическом и политическом положении, национальной культуре, языке, быте и традициях ее народа» [Жизнь и труд посвятившие ... , 2004, с. 12].

Следует также отметить, что в России преимущественно используется термин «корееведение», в то время как в европейской традиции специалисты пользуются двумя вариантами – *Korean studies* и *Koreanology*. В общепринятом понимании корееведение – это академическая дисциплина, которая занимается изучением Кореи. В корееведении представляется возможным выделить следующие разделы: историю, культуру, литературу, искусство, музыку, язык, социологию и антропологию, политику, экономику, фольклор Кореи, а также направление, набирающее все большую популярность, – изучение корейской поп-культуры. Иногда корееведение может быть включено в более широкий предмет региональных исследований – восточноазиатские исследования.

Говоря о втором и третьем этапах развития корееведения в России, прежде всего вспомним некоторых корифеев, оставивших заметный след в развитии отечественной школы изучения Кореи.

Геннадий Викторович Грязнов (1929–2001), ведущий специалист второй половины XX в. по проблемам экономики КНДР, получил образование на корейском отделении Московского института востоковедения, а в 1956 г. начал работать в качестве младшего научного сотрудника в Институте востоковедения АН СССР. С этого времени начался его путь в корееведении. На протяжении всех 45 лет своей научной деятельности Г. В. Грязнов занимался изучением экономики Северной и Южной Кореи [Ванин, 2004а]. К примеру, он был одним из участников первой в стране крупной работы о Республике Корея – «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.)» [1959].

Основной темой исследований ученого являлась КНДР, изучение социально-экономических проблем этой страны, результаты этих исследований были представлены в большом количестве статей, коллективных трудах «Некоторые аспекты экономического строительства в КНДР» (1966 г.) и «Сравнительная характеристика экономического развития Северной и Южной Кореи (1969 г.) [Ванин, 2004а].

Кроме этого, ученый входил в состав авторов крупных коллективных обобщающих трудов по Корее, изданных Институтом востоковедения АН СССР в 1960–1980-е гг. [Современная Корея ... , 1971; История Кореи ... , 1974].

Виктор Михайлович Мазуров (1929–1998) также окончил корейское отделение Московского института востоковедения и с 1956 г. начал трудовую деятельность в Институте востоковедения АН СССР с изучения проблем новейшей истории Кореи. Среди них наиболее важными и актуальными считались проблемы национально-освободительного движения в Корее в период, предшествовавший 1945 г. [Ванин, 2004б].

Итогом исследовательской работы ученого стала его первая научная публикация – книга «Антаяпонская во-

оруженная борьба корейского народа (1931–1940)» (1958 г.), защищенная им позже в качестве кандидатской диссертации [Мазуров, 1958].

Особо следует подчеркнуть, что в период написания работы автор обладал крайне скудными возможностями опереться на базу источников и литературы. Советские и зарубежные архивы были недоступны, документальные публикации и исследовательские труды из Южной Кореи в библиотеках СССР отсутствовали, литература по новейшей истории Кореи из других стран поступала в недостаточном количестве, тем не менее В. М. Мазурову удалось собрать обширный фактический материал из японских и советских изданий.

По отзывам отечественных специалистов-корееведов, до сих пор в нашей стране не появлялось аналогичного по объему и содержанию специального труда по этой теме. Книга и сегодня не утратила своего научного значения [Ванин, 2004б].

Как уже говорилось, в 1959 г. Институт востоковедения РАН издал большую коллективную монографию «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.)». Важно отметить, что данная работа является первым в отечественном корееведении крупным систематическим изложением истории Южной Кореи после 1945 г., в сочинении представлен анализ происходивших в стране процессов в промышленности, сельском хозяйстве, финансах, культуре и идеологии. Мы разделяем точку зрения Ю. В. Ванина, что именно со времени опубликования этой книги Южная Корея стала объектом самостоятельного научного изучения в СССР [Там же].

Принимал участие в написании этого труда и В. М. Мазуров, и после окончания работы над книгой ученый полностью переключился на изучение внутриполитических проблем Южной Кореи. Примечательно, что в результате проводимых исследований автор приходит к осознанию необходимости изучения корейской политики США, что нашло отражение, например, в его книге 1971 г. «Южная Корея и США».

Основным результатом второго этапа творческой деятельности В. М. Мазурова стало его участие в коллективных обобщающих трудах по истории Кореи, где в основном он представлял южнокорейское направление отечественного корееведения.

В 1971 г. в Институте востоковедения РАН был образован отдел общетеоретических проблем социально-политического развития стран Востока, сотрудником которого стал Мазуров. Подчеркнем, что специалист продолжил также исследование международных проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, особое внимание уделяя таким вопросам, как изучение изменений в сложившейся в регионе расстановке сил, вызванных сменой векторов взаимоотношений ведущих держав региона: США, Китая и Японии [Ванин, 2004б].

Результатом проведенных исследований стала новая книга «США – Китай – Япония: перестройка межгосударственных отношений (1969–1979)» [Мазуров, 1980].

В последние годы жизни В. М. Мазуров занимался также изучением вопросов политической культуры Кореи, ее историческим прошлым и современным состоянием [Ванин, 2004б].

Марианна Ивановна Никитина (1930–1999), специалист по литературе Кореи и переводчик, начала изучать корееведение, поступив в 1947 г. на корейское отделение восточного факультета Ленинградского университета. А. Ф. Троцефич так вспоминает тот непростой период обучения: «У нас не было учебников, словарей, не было переводов памятников литературы. Мы все очень мало знали о Корее. Нас учил Александр Алексеевич Холодович – учил всему, что он знал сам. <...> О корейской литературе мы не знали ничего, и рассказать нам об этом было некому» [Троцефич, 2004, с. 105].

Неудивительно, что, еще обучаясь в аспирантуре, М. И. Никитина начала преподавание корейской литературы. В этот же период она перевела «Повесть о Хон Кильдоне» для сборника корейских средневековых повестей, которые впервые в России составил и издал А. А. Холодович в

1954 г. Одновременно она занималась исследованием и подстрочными переводами *сиджо*¹² для А. А. Ахматовой.

В 1957 г. специалист начала работу в Ленинградском отделении Института востоковедения РАН, а в 1958 г. в журнале «Восточный альманах» вышла ее первая статья о рифме в сиджо, ставшая открытием, так как до нее никто такой проблемой в корейской поэзии не занимался [Троцефич, 2004].

Отдельным вкладом М. И. Никитиной в изучение корейской литературы является и то, что в процессе изучения корейских рукописных памятников была выработана методика изучения корейской литературы, основывающаяся на том, что литературное явление описывается вне его связей с мировым литературным процессом и принятыми в традиционном литературоведении рамками жанров и периодизации: произведения и жанры рассматриваются изнутри как явление данной культуры [Там же].

Занималась литературовед и изучением истоков корейской культуры. Так, ее авторству принадлежит уникальное исследование основ корейской культуры, нашедшее отражение в монографии «Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом» [Никитина, 1982] и докторской диссертации на ту же тему. До нее никто в мировом корееведении таких исследований не проводил.

Следует также сказать, что специалист пользовалась большим авторитетом у зарубежных корееведов. С 1984 г. советские исследователи получили возможность участвовать в конференциях Европейской ассоциации корееведения, и незаурядность работ М. И. Никитиной в области корейской мифологии сразу же была высоко оценена коллегами из стран Западной Европы [Троцефич, 2004].

Александр Алексеевич Холодович (1906–1977) известен как выдающийся востоковед, крупный лингвист-теоретик и один из пионеров отечественного корееведения. Образование по японской филологии ученый получил на

¹² Сиджо – жанр корейской лирической поэзии, родственник японскому стилю хокку.

кафедре дальневосточных языков Ленинградского университета, окончив его в 1927 г. С 1932 г. он начал преподавательскую деятельность на этой же кафедре. Первоначально в сферу его научных интересов входило изучение тонкостей японского языка, однако в эти же годы он начинает интенсивно заниматься и корейским языком.

В 1947 г. на Восточном факультете Ленинградского университета открываются два новых отделения: корейской филологии и истории Кореи. Восхищение вызывает тот факт, что приобретенный за предыдущие годы опыт изучения корейского языка стал для языковеда той базой, на основе которой он смог в сжатые сроки организовать преподавание всего круга корееведческих дисциплин на отделении корейской филологии, которое он возглавил. Кроме того, в первые годы все теоретические курсы по корейской филологии, а также практикумы по чтению корейских текстов различных жанров вел он сам [Васильев, 2004].

Однако первоочередной задачей в этот период для него является составление корейско-русского словаря и систематического курса грамматики корейского языка, без которых трудно было обеспечить эффективное преподавание. В 1951 г. выходит в свет корейско-русский словарь – первый словарь этого рода в истории русского корееведения. Более полный вариант словаря появится в 1958 г.

Большинство словарных статей были усовершенствованы и расширены за счет указаний сочетаемостных свойств слова и увеличения набора русских синонимичных эквивалентов для корейского заглавного слова. А. А. Холодович применил новую транскрипцию для передачи звучания корейских слов, впервые использованную им в «Очерке грамматики корейского языка» [Васильев, 2004, с. 227], одном из главных его трудов, считающемся первым отечественным систематическим описанием практически всех аспектов грамматического строя корейского языка.

Значительный вклад внес ученый и в становление системы преподавания корейского языка, занимаясь изучением вопросов, связанных с выработкой представлений о со-

ставе специальных корееведческих дисциплин, структуре и содержании соответствующих курсов, методике преподавания корейского языка.

Он также участвовал в организации перевода на русский язык корейской художественной литературы, особенно классической прозы и поэзии, ранее практически неизвестных в СССР [Васильев, 2004].

Вадим Павлович Пак (1930–2000), первый исследователь корейского фольклора, переводчик, с 1948 г. обучался на корейском отделении Восточного факультета Ленинградского университета. Основным местом его работы был Институт востоковедения РАН. Главным направлением его исследований был корейский фольклор, в частности народные сказки [Ванин, 2004в].

Значительной заслугой специалиста многие корееведы считают его публикационную деятельность, знакомство читателей в Советском Союзе с корейскими сказками.

Еще одним достижением является участие в совместном с КНДР проекте по созданию «Большого корейско-русского словаря», который в 1976 г. вышел из печати и до сих пор остается одним из лучших изданий такого рода в отечественном корееведении [Там же].

Огромную работу вел В. П. Пак и как переводчик, а также как консультант работников различных ведомств и научных учреждений, связанных с Кореей.

Много было сделано и в области научно-информационной работы. Так, в 1979–1984 гг. он работал в Отделе научной информации ИВ АН и выполнил большой объем переводов на русский язык публикаций корейской прессы и научной печати, составлял по ним справки и обзоры для соответствующих подразделений института.

С конца 1960-х гг. В. П. Пак стал заниматься еще одним, практически не исследованным направлением – изучением культуры Кореи, а позднее – ее истории. Результатом подобного симбиоза научных интересов стала книга «Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX – начале XX в.», написанная в

1982 г. в соавторстве с крупнейшим отечественным специалистом по новой истории Кореи Галиной Давыдовной Тягай. В отечественном корееведении это пока единственная работа такого рода [Ванин, 2004в].

Безусловно, стоит пояснить, что это далеко не исчерпывающий список отечественных основателей корееведения. Мы лишь хотели дать краткий обзор и показать, что на этом этапе в стране стали появляться крупные специалисты по разным сферам изучения Кореи – экономике, истории, литературе, культуре, языку. Гораздо с более полным перечнем ученых, заложивших основы отечественной школы корееведения, можно ознакомиться в фундаментальной работе «Жизнь и труд посвятившие Корею: Российские корееведы 2-й половины XX века», которой мы и пользовались при написании данного раздела.

Отдельного упоминания требуют и центры корееведения, действующие в настоящее время в России, отметим, что полный перечень научных центров, рассматриваемых в работе, приведен в прил. 2.

1. Прежде всего стоит сказать о **Российской ассоциации университетского корееведения (РАУК)**, образованной в 2007 г. После ряда предварительных совещаний в 2005–2006 гг. при содействии Корейского фонда была создана ассоциация, в состав которой на тот момент вошли шесть российских классических университетов, имеющих корееведческие отделения: Дальневосточный государственный университет, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Иркутский государственный университет, Новосибирский государственный университет, Московский государственный университет и Санкт-Петербургский государственный университет.

Огромным достижением организации, на наш взгляд, считается создание собственного сайта <http://www.rauk.ru>, наиболее востребованной частью которого является, по мнению руководителя сайта историка и востоковеда С. В. Алкина, библиотека. Она регулярно пополняется и на данный момент содержит свыше 1500 файлов полнотексто-

вых публикаций. Это статьи, полные книги, если это позволяют авторские права, или обложки, аннотации, отдельная глава или введение.

Еще один популярный раздел – справочники, в которые входит библиографический справочник российских корееведов. Авторы сайта стараются оперативно обновлять информацию не только в части биографических данных, но и в части библиографических списков, что представляет большое подспорье для всех занимающихся изучением корееведения.

Есть на сайте и форум, где размещается текущая информация о событиях, конференциях, встречах, мероприятиях, которые проходят в разных городах Российской Федерации, кроме того, любой член Ассоциации может задать вопрос, на который ответят специалисты [Алкин, 2019].

В настоящее время к подразделениям РАУК относятся:

- Международный центр корееведения МГУ,
- Институт междисциплинарных исследований Кореи,
- Центр корейских исследований Новосибирского государственного университета,
- Высший колледж корееведения Дальневосточного федерального университета,
- Корейский центр Иркутского государственного университета,
- кафедры корейского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск),
- Организация преподавателей корейского языка российских университетов,
- журнал «Вестник российского корееведения»,
- отделение корейского языка кафедры восточных языков переводческого факультета МГЛУ,
- кафедра истории и филологии Дальнего Востока Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета [Подразделения].

2. Журнал «Вестник российского корееведения» публикует статьи профессоров, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений России и стран СНГ,

а также зарубежных стран, посвященные актуальным проблемам корееведения – вопросам политики, экономики, социологии, лингвистики и языкознания, литературоведения, культуры и искусства, а также методике изучения и преподавания корейского языка и других дисциплин, относящихся к направлению «Корееведение». Статьи публикуются на русском, английском и корейском языках.

Издание осуществляется под общим руководством Международного центра корееведения МГУ имени М. В. Ломоносова и Российской ассоциации университетского корееведения при финансовой поддержке Корейского фонда [Главная / Вестник корейского корееведения].

3. Международный центр корееведения МГУ был создан в Институте стран Азии и Африки при МГУ в марте 1991 г. заслуженным профессором МГУ, д-ром ист. наук Михаилом Николаевичем Паком, который и был его директором до 2008 г. Центр был образован для осуществления более широкого и углубленного изучения Кореи, корейского языка, истории, культуры, экономики, политики этой страны, а также для подготовки научных кадров корееведов высшей квалификации, способных обеспечить решение этой задачи.

Центр осуществляет научные исследования по истории и социально-политическим проблемам, языку, культуре и экономике Кореи, а также поддерживает деловое сотрудничество с университетами и научными центрами Республики Корея, европейских стран, США, Японии и Китая. Стоит отметить, что всей работе Центра большое содействие оказывает Корейский фонд: предоставляет гранты для научных изданий, пособия научным сотрудникам, учреждает стипендии лучшим студентам-корееведам, специализирующимся по истории, филологии и экономике Кореи.

Кроме того, отдельно стоит упомянуть, что Центр оказывает содействие в решении важной задачи национально-культурного возрождения российских корейцев, которые в результате политики насильственного переселения в советский период к настоящему времени практически полностью утратили свой национальный язык и культурно-исторические традиции.

Организация поддерживает и расширяет сотрудничество с ведущими российскими центрами корееведения в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке.

Еще одним видом деятельности Центра является проведение международных научных конференций, например:

- в 1994 г. совместно с Корейской ассоциацией политологических исследований и университетом Корё (Республика Корея) была проведена конференция «Модернизация и демократизация в Корее и России»;
- в 1995 г. – «Российско-корейские отношения: история и современность»;
- в 1996 г. – «Основные вопросы истории культуры Кореи»;
- в 1998 г. – «Проблемы корейской историографии».

Кроме того, за этот период Центр участвовал в организации и проведении совместных международных семинаров с ИДВ РАН [Деятельность МЦК МГУ].

С 1991 г. в Центре создается научно-учебная корееведческая библиотека, на сегодняшний день насчитывающая более 4 тыс. книг и около 100 периодических изданий на 10 языках, в том числе русском, английском, корейском, японском; также имеется подборка учебных и художественных видео- и DVD-фильмов, учебных и музыкальных дисков, компьютерных программ [Деятельность МЦК МГУ].

4. Институт междисциплинарных исследований Кореи был учрежден на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета в 2013 г. Как считают сотрудники Института, его создание стало закономерным итогом развития университетского корееведения за более чем вековую историю и продолжением деятельности Центра корейского языка и культуры, основанного в 1995 г.

Необходимо добавить, что в 1996 г. корееведами Восточного факультета был основан старейший в России научный корееведческий журнал «Вестник Центра корейского языка и культуры», публикующий научные статьи и материалы по различным аспектам корееведения: лингвистике, литературоведению, истории, культуре Кореи [Об институте].

5. Центр исследований Кореи «Корееведение» Казанского федерального университета. В 2007 г. в университете открылся центр корееведения, с 1 сентября 2016 г. прежний центр корееведения перестал существовать и появился новый Центр исследований «Корееведение».

Практически сразу на базе Центра стартовал совместный проект исследований Кореи под руководством профессора Ко Ен Чоля и еще 10 исследователей – работников КФУ, посвященный изучению не только культуры Кореи, но также истории, литературы, экономики, общества и международных отношений Южной Кореи, проект поддерживался Академией корееведения в Корее.

В проекте участвовали и исследователи из Кореи, поэтому он получил статус международного.

В рамках проекта были определены такие области исследований, как:

- исследования в области дисциплин, необходимых к изучению (история Кореи, культура Кореи, литература Кореи, экономика Кореи);
- исследования на основе юго-центральной части России;
- составление исследовательской базы (история Кореи, культура Кореи, литература Кореи, экономика Кореи);
- работа кружка корееведения для воспитания нового поколения корееведов [Центр исследований Кореи «Корееведение»].

6. Центр корееведческих исследований Дальневосточного федерального университета был создан в университете в 1999 г. по инициативе ДВГУ и Корейского фонда на базе Высшего колледжа корееведения.

В январе 2016 г. было принято решение о воссоздании Центра корееведческих исследований в структуре Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ.

Основной задачей ЦКИ ДВФУ является содействие развитию в Дальневосточном федеральном университете образовательных программ и научных исследований в области корееведения.

Основные цели Центра:

- создание на базе Восточного института и Школы региональных и международных исследований междисциплинарного научно-исследовательского центра, который занял бы прочное место в научно-исследовательской инфраструктуре ДВФУ, научные результаты которого послужили бы основой для анализа и обобщения успешного опыта социально-экономического развития Республики Корея;

- повышение популярности исследований корееведческой тематики среди других научных направлений университета (международные отношения, социология, юридические науки, экономика и др.);

- стимулирование научной активности научно-педагогического состава.

- К базовым направлениям деятельности центра относятся:

- отраслевые и комплексные научные исследования в области корееведения по основным тематическим разделам;

- совершенствование кадрового потенциала корееведческого образования;

- развитие учебно-методической и материальной базы корееведения в ДВФУ, включая комплектацию корееведческой библиотеки [Центр корееведческих исследований].

7. В Институте востоковедения РАН действует **отдел Кореи и Монголии**, научно-исследовательская работа которого ориентируется на комплексное изучение проблем истории, политики, экономики двух корейских государств: КНДР, Республики Корея и Монголии, их места в системе современных международных отношений в Северо-Восточной Азии.

Сотрудники отдела считают, что в настоящее время этот регион в целом и изучаемые страны характеризуются динамичным развитием. На Корейском полуострове имеет место противостояние представителей двух систем: социалистической с корейской спецификой КНДР и рыночно-демократической Республики Корея. «Оба эти государства уникальны. Южная Корея – яркий образец новых индустриальных стран».

стриальных стран, сумевшая в период жизни одного поколения вырваться из разряда крайне бедных и отсталых стран в группу лидеров, в том числе по научно-техническим параметрам современного мира. Северная Корея, будучи небогатой страной, испытывающей серьезные экономические трудности, проявляет политическую волю и способность даже в условиях международной изоляции отстаивать свой политический строй и идеалы, независимость внешней политики, поддерживать оборонный потенциал на уровне, сдерживающем возможного агрессора». Поэтому Корейский полуостров в целом остается эпицентром внимания мировой общественности [Отдел Кореи и Монголии].

Тематика исследований сотрудников отдела разнообразна, перечислим некоторые из последних мероприятий:

- Международная научно-практическая конференция «Россия – Корея: Добрые соседи» (26.11.2020);

- презентация книги «Корейско-Сахалинская экспедиция П. Ю. Шмидта 1899–1901 гг. Часть первая. Путешествие по Корею» (11.02.2020);

- визит господина Пак Сангбэ, главы российского отделения Корейского фонда (30.10.2019);

- научная конференция «Азия в современном мире» (25.02.2019);

- Международная конференция «На пути к экономической интеграции Северо-Восточной Азии» (01.02.2019) [Отдел Кореи и Монголии].

Итак, как видим, пройдя достаточно долгий и сложный путь, в настоящее время российское корееведение активно развивается, следуя формату междисциплинарных исследований и сохраняя все те направления исследовательской работы, о которых говорилось в данной главе. В России накоплен достаточно большой опыт по разным областям корейских исследований, это касается изучения как древнего периода, так и современных проблем и особенностей Кореи. Добавим, что во многих вузах страны в настоящее время реализуются программы подготовки специалистов-корееведов, знающих не только язык, но и культуру, историю, географию и другие особенности изучаемого региона.

ГЛАВА 4

КОРЕЕВЕДЕНИЕ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ

4.1. ЗАРОЖДЕНИЕ КОРЕЕВЕДЕНИЯ. ОПИСАТЕЛЬНО-РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Факты всемирной истории указывают на то, что в Европе стали получать сведения о Корее и интересоваться происходящим на Корейском полуострове раньше, нежели жители Кореи стали серьезно заниматься изучением европейских стран. Так, еще в XIII в. итальянский религиозный деятель и проповедник Иоанн де Плано Карпини по итогам своей поездки в Монгольскую империю написал «Книгу о Тартарах» (1247 г.), где содержатся сведения о быте, верованиях, обычаях, военной тактике монголов, географическом положении, климате и истории создания Монгольской империи [Иоанн де Плано Карпини]. В книге есть указание на то, что путешественник встретил в ставке монгольского хана русских и корейских послов и был удивлен тем, что они не получали среди монголов «никакого должного почета» [Цит. по: Корееведение в России ... , 2004, с. 23].

Первоначально процесс проникновения знаний о Корее в Европу происходил по такой же схеме, что и в Россию – это были сведения, привезенные путешественниками из экспедиций, а также предоставляемые европейскими миссионерами.

Первым европейцем, написавшим работу о Корее, был голландец Хендрик Хэмел (Hendrick Hamel). Потерпев кораблекрушение у корейских берегов в 1653 г., в течение 13 лет он оставался там в качестве пленника. Позднее ему удалось сбежать в Японию, а вернувшись на родину, в 1668 г. он издал описание своих приключений, переведен-

ное на многие европейские языки, «Записки Хэмела и описание королевства Корея, 1653–1666» (*Hamel's Journal and a Description of the Kingdom of Korea, 1653–1666*).

Среди ранних работ, содержащих сведения о Корее, назовем фундаментальное «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и китайской Тартарии» (*Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise*) французского историка-востоковеда, монаха Ордена иезуитов Жана-Батиста Дюальда (Jean-Baptiste Du Halde), вышедшее в 1735 г. в Париже на французском языке. В 1736 г. появляется второе издание с расширенным названием «Описание... с добавлением карт Китайской империи и китайской Тартарии, Тибета и Кореи и описанием обычаев, церемоний, религии, искусства и науки» (*Description géographique, historique, chronologique, politique, et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise, enrichie des cartes générales et particulières de ces pays, de la carte générale et des cartes particulières du Thibet, & de la Corée; & ornée d'un grand nombre de figures & de vignettes gravées en tailedouce*). Работа была переведена и опубликована на английском (1736 г.) и немецком (1747–1749 гг.) языках. Примечательно, что сам историк никогда не был в Китае и не знал китайского языка, он лишь обрабатывал информацию, поступающую в Париж от работающих в Китае французских иезуитов [Du Halde: Description].

Также необходимо упомянуть записи, которые вел лорд Джордж Макартни (George Macartney), первый британский посланник в Китае с 1792 по 1794 г. Историки утверждают, что посольство не добилось значительных успехов, однако изданные путевые заметки Макартни и других членов посольства представляют собой ценный источник знаний о восточных странах. По возвращении из дипломатической миссии они привезли не только заметки, но и письма, бортовые журналы, акварели, гравюры и книги.

В 1832 г. впервые вышло на немецком языке «Путешествие по Японии или описание Японской империи, в физическом, географическом и историческом отношениях» (*Nippon, Archief voor de beschrijving van Japan*) немецкого врача и естествоиспытателя, знатока Японии Филиппа Франца фон Зибольда (Philipp Franz von Siebold). Несмотря на то что книга посвящена Японии, в ней обнаруживается глава о корейских рыбаках, потерпевших крушение у японских берегов, и их жизни в порту Нагасаки. Зибольд беседовал с ними и сделал наблюдение, что «жители Кореи в общении серьезны и положительны». Интересно и замечание о причинах нелюбви корейцев к чужестранцам, по мнению автора, японо-корейская война 1592–1598 гг. стала причиной того, что «корейцы упорно, но без жестокости вооружаются против иностранцев» [Цит. по: Корееведение в России ... , 2004, с. 30].

После нескольких подобных встреч с рыбаками Зибольд решил заняться более серьезным изучением корейской культуры, языка и обычаев. Важно, что в своей работе ученый проводил сравнение корейцев с жителями Японских островов: «Корейцы, в целом, более высокие, нежели японцы... телосложение у них крепкое, они очень быстрые и подвижные. <...> ...Осанка корейцев, в целом, выдает больше уверенности и свободы, чем у японцев. В ней заметно больше энергии и воинственного духа». В плане «искусства повседневной жизни», а также духовного развития, по мнению автора, японцы значительно превосходят корейцев.

Добавим, что автор собрал некоторые сведения об административном и территориальном делении государства, типах жилищ, некоторых обычаях, этикете, традиционных играх, языке и одежде и составил приблизительное описание флоры корейского полуострова, а также небольшой немецко-корейский разговорник [Мусинова, 2020, с. 321].

Первым немцем, непосредственно побывавшим на территории Кореи, был лютеранский миссионер Карл Фридрих Август Гюцлаф (Karl Friedrich August Gutzlaff). Это произошло в 1832 г., когда он находился в экспедиции по

Дальневосточному региону с целью установления торговых контактов под руководством британского торговца Х. Линдси (H.H. Lindsay) в качестве переводчика и врача.

Свои впечатления специалист опубликовал в книге «Путевой журнал трех путешествий вдоль побережья Китая в 1831, 1832 и 1833 гг. с заметками о Сиаме, Корее и островах Лу-Чу» (*Journal of Three Voyages Along the Coast of China, in 1831, 1832 and 1833 With Notices of Siam, Corea, and the Loo-Choo Islands*). Корее посвящена гл. VI, содержащая сведения о стране, поведении и характере корейцев, условиях их жизни, описываются первые встречи с местным населением и отказ корейцев подписывать торговое соглашение [Gutzlaff, 1834].

Из содержания книги становится очевидным, что корейцы произвели на автора впечатление «варваров», он дает достаточно нелицеприятное описание простых жителей, отмечая, что Корея не может похвастаться тем стремительным развитием, которое демонстрируют Китай и Япония. Корейцы питаются скудно, всеядны и принимают пищу неряшливо, чрезмерно употребляют алкоголь, не пьянея при этом. Гюцлаф описывает обычное корейское жилище как убогое и примитивное, заканчивая рассказ выводом, что корейцы проводят жизнь в грязи и бедности. Многие из встреченных им людей тоже были грязны, по впечатлению автора, не мылись месяцами, кроме того, он заметил паразитов, кишачих на их телах, которых корейцы, не таясь, ловили и уничтожали. Предметы их быта крайне убоги, посуда глиняная. Миссионер пишет, что не может обвинить корейцев в лени, однако они привыкли довольствоваться малым и совсем не заинтересованы в улучшении условий жизни. Кроме того, по его словам, их понятия о приличиях абсолютно не совпадают с европейским этикетом, однако он не считает их полностью «потерянным» для цивилизации народом. Важен вывод, которому приходит автор, – в качестве главной причины отсталости государства он называет нежелание контактировать с иностранцами [Gutzlaff, 1834, p. 242–243, 249].

Гюцлаф отмечает наличие большого потенциала для торговли, а также присутствие плодородной земли и других ресурсов, которые используются корейцами неэффективно, но иностранцев к этим ресурсам не допускают: «Корейцы лучше будут питаться только соленой рыбой, нежели позволят китайцам заняться обработкой обширных земель на территории страны» [Мусинова, 2020, с. 323].

В 1834–1835 гг. появляется «Всеобщее путешествие вокруг света, содержащее извлечение из путешествий известнейших донныне мореплавателей, как-то: Магеллана, Тосмана, Дампиера, Ансона, Байрона, Палласа, Картерета, Бугенвиля, Кука, Лаперуза, Блея, Ванкувера, Антраксто Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Портера, Коцебу, Фрейсине, Беллинсгаузена, Галля, Дюперре, Паульдинга, Бичея, Литке, Диллона, Лапласа, Морелля и многих других» (*Voyge pittoresque autour du monde: résumé général des voyages de découvertes de Magellan, Tasman, Dampier, Anso, Byron, Wallis...*) известного французского путешественника, мореплавателя, океанографа Жюль Дюмон-Дюрвиля (Jules Dumont d'Urville). К описанию были добавлены карты, портреты, планы и рисунки. Включены были в работу и сведения о Корее [Дюмон-Дюрвиль Жюль Себастьян Сенсон].

В 1839 г. было опубликовано «Живописное путешествие по Азии и Африке» (*Voyage pittoresque en Asie et en Afrique, résumé général des voyages anciens et modernes*), написанное известным французским географом и публицистом, одним из основателей Парижского географического общества Жаном-Батистом Бенуа Эйриэ (Jean-Baptiste Benoît Eyriès). Работа включала литографированные изображения национальных типов, сцен быта, исторических памятников, видов городов и природы.

Глава «Китайская империя» содержала раздел «Корея», в этом разделе автор использовал публикацию голландца Хендрика Хэмела, о которой речь шла ранее. Кроме того, Эйриэ использовал переводы из китайских и японских источников, дал подробное описание морей, омывающих Ко-

рейский полуостров, его климата флоры, фауны. Дается описание и самих корейцев: «приятны лицом, учтивы и вежливы между собою, обязательны и приветливы ко всем чужестранцам... Корейцы вообще добры, человеколюбивы, робки, работящи, бережливы и скромны», «оказывают большую склонность к наукам». Автор приводит также наблюдения о корейских берегах, сделанные с английских кораблей [Цит. по: Корееведение в России ... , 2004, с. 29–30].

Итак, как видим, первоначально Корея воспринималась европейцами скорее как «приложение» к Китаю или Японии, нежели как отдельная страна с собственной культурой. Напомним, что и в российской традиции корееведение изначально трактовалось как раздел китаеведения.

В конце XIX в. европейцы предпринимают неоднократные попытки заключить торговые соглашения с Кореей, речь об этом шла в первой главе нашей работы, где и упоминался Э. Опперт, печально известный своей попыткой вскрыть могилу деда царствующего короля в погоне за легендарными сокровищами, спрятанными в корейских гробницах.

В 1880 г. в Лейпциге на немецком языке была опубликована работа Эрнста Якова Опперта (Ernst Jacob Oppert) «Запретная земля: путешествия в Корею и описание ее географии, истории, производства и торговых возможностей» (*Ein Verschlossenes Land: Reisen nach Corea...*) [Oppert, 1880]. Англоязычные переводы вышли одновременно в Лондоне и Нью-Йорке. Эта публикация является первой отдельной крупной монографией о Корее на немецком языке.

В произведении содержатся разнообразные сведения об истории, языке, географии, культуре государства, взятые из европейских источников, источников китайского и японского происхождения, а также дневниковые записи о трех путешествиях автора на Корейский полуостров с целью «открытия» страны [Мусинова, 2020].

Изображение Кореи построено на ее сравнении с Китаем и Японией, ранее «открытыми» Европе. Описываются как географические аспекты, так и культурные особенности. Как видно из названия книги, в видении автора Ко-

рея – это «запретная, закрытая земля». Отметим, что противопоставление Кореи цивилизованному западному миру строится по широко используемому в тот период сценарию – с помощью оценочных прилагательных «варварский», «дикий», «примитивный» и т. д. Приведем лишь одну показательную цитату: «...как только они [корейские чиновники] отбрасывают свой официальный характер, кажутся тем, что они есть на самом деле – дикими варварами безо всякой маскировки» [Цит. по: Мусинова, 2020, с. 324].

Конец XIX в. отмечен подписанием ряда международных договоров, в том числе с США (1882 г.), Великобританией (1882 г.), Германией (1882 г.), Италией (1884 г.), Францией (1886 г.) и другими западными державами. Безусловно, это привело к усилению торговых и культурных контактов с западными странами.

В 1882 г. известный американский востоковед, священник, путешественник У. Э. Гриффис (W. E. Griffis) опубликовал книгу «Корея. Страна-отшельница» (*Korea. The Hermit Nation*), издание стало популярным в научных кругах. Автор не был в Корее, он работал в Японии, и его труд опирается на китайские и японские источники. Работа состоит из трех частей: древняя и средневековая история; политическая и социальная Корея; современная история. Часть про политическую и социальную жизнь Кореи посвящена описанию политических партий, системы управления страной, роли женщины в семье, пищи, одежды и быта, похоронных ритуалов, религии, легенд и фольклора, пословиц и поговорок, а также характеристике образования и культуры. В последней части внимание уделяется отношениям Кореи с некоторыми западными странами, периоду подписания международных договоров, распространению христианства и деятельности европейских миссионеров [Griffis, 1882].

Стоит сказать, что эта работа, неоднократно переиздававшаяся с дополнениями, в течение тридцати лет оставалась образцовым исследованием по истории Кореи.

В 1885 г. выходит еще одно произведение этого автора: *Corea, Without and Within: Chapters on Corean History, Manners and Religion With Hendrick Hamel's Narrative of Captivity and Travels in Corea, Annotated* [Griffis, 1885].

Начало работы американских протестантских миссионеров в Корее связано с заключением в 1882 г. американо-корейского договора о дружбе и торговле [Ким, 2015]. В задачи данной работы не входит подробное освещение процесса распространения новых религий в Корее, однако, как известно, миссионеры наряду с дипломатическими представителями вносили значительный вклад в укрепление дипломатических отношений и вели каждодневную просветительскую и гуманитарную работу, в том числе и по знакомству корейцев с западной цивилизацией.

Первым американским миссионером, прибывшим в страну в 1884 г., был Гораций Ньютон Аллен (Horace Newton Allen). Официально он приехал в Корею в качестве врача, так как закон в то время запрещал проповедование иностранной религии, позже он стал дипломатом американского представительства в Сеуле. В книге «Случаи в Корее: сборник миссионерских и дипломатических зарисовок и анекдотов» (*Things Korean: A Collection of Sketches and Anecdotes, Missionary and Diplomatic*), вышедшей в 1908 г., он описал многие события, очевидцем которых был во время пребывания в Корее с 1884 по 1905 г., приводя факты из политической и общественной жизни столицы, наблюдения за жизнью высших слоев общества, включая короля, расположением которого он пользовался [Осадчая, 2006].

1886 г. отмечен приездом американского миссионера, журналиста и активиста Гомера Халберта (Homer Hulbert). В 1901 г. он основал в Сеуле журнал *The Korea Review*, его двухтомная «История Кореи» (*History of Korea*) (1905 г.) стала классикой исторического жанра. Он также известен работой *The Passing of Korea* (1906 г.), название которой сложно точно перевести на русский язык, общая идея может быть передана как «Изменение Кореи / Переход к другой Кореи / Трансформация Кореи». Работа была опубликована

практически сразу после начала колонизации страны и разительным образом отличается по тональности от большинства западных работ того времени о Корее – это попытка изменить преимущественно неправильные представления американцев о корейцах как о варварском народе [Schmid, 2010].

Эта работа – уже не просто страноведческое описание, это попытка критики политики колониализма и анализа политической ситуации и позиции Запада. Халберт замечает во введении, что американцам упорно навязывали мнение, что корейцы – это выродившаяся и презренная нация, менее интеллектуально развитая, чем европейцы, которой лучше существовать под игом Японии, нежели быть независимой.

Как пишет автор, Запад должен попытаться открыть корейцам секрет западной культуры, позволив им тем самым превратиться в другую цивилизацию, вобравшую культуру Запада, но не утратившую при этом восточную. По его мнению, достижением подобного рода можно было бы гордиться, потому что это явилось бы доказательством фундаментальности западной культуры. Корейцы должны выбрать свою дальнейшую судьбу – оставшись в японских окопах, они смогут приобрести только «декорации и одежду» Запада, ничего более. Они могут обучиться западной науке и промышленному производству, но смогут использовать эти навыки так, как попугай повторяет человеческую речь. Культура проявляется в честности, сопереживании и отсутствии эгоизма, а не в ношении фрака и цилиндра, поэтому опасно вооружить Восток навыками Запада, не дав при этом ему моральных сил сдерживать их использование [Hulbert, 1906].

В 1888 г. в Корею прибыл канадский пресвитерианский миссионер, просветитель Джеймс Скарт Гейл (James Scarth Gale). В 1898 г. была опубликована его работа «Корейские наброски» (*Korean Sketches*), где описываются традиционная культура, деятельность миссионеров по распространению христианства в Корее [Gale, 1898].

Важно подчеркнуть, что Гейла считают одним из ведущих западных корееведов раннего этапа изучения Кореи.

Специалист также известен как один из основных переводчиков корейской литературы на английский язык и западных трудов, в частности Библии и христианской литературы, на корейский, в 1913 г. вышла книга корейских народных сказок, переведенных им на английский, а в 1927 г. – книга «История корейцев» (*History of the Korean People*) [Rutt].

Немецким подданным, оставившим записи о Корее, был дипломат Максимилиан Август фон Брандт (Maximilian August von Brandt), большую часть своей карьеры проведший в Восточной Азии, в частности в Японии. В 1897 г. он опубликовал работу «Восточноазиатский вопрос: Китай, Япония и Корея. Прошлое и настоящее» [Von Brandt, 1897]. В книге на 30 страницах дан краткий обзор японо-корейских отношений с привлечением источников на японском и китайском языках [Мусинова, 2020].

Стоит сказать и об известной британской исследовательнице, писательнице и натуралистке, мастере путевых заметок Изабелле Бёрд Бишоп (Isabella Bird Bishop), написавшей книги о почти каждом из своих многочисленных путешествий. В Корее она была четыре раза в период с января 1894 по март 1897 г., а в 1898 г. вышла в свет ее работа «Корея и ее соседи: рассказ о путешествиях с учетом недавних перипетий и текущего положения страны» (*Korea and her Neighbors: a Narrative of Travel, with an Account of the Recent Vicissitudes and Present Position of the Country*) [Bishop, 1898].

Исследовательница пробыла в Корее около 11 месяцев, изучив за это время ее государственное устройство, обычаи и верования народа, историю. «Она путешествовала на лодках и пешком, на лошадях поднималась в Алмазные горы (Кымгансан), встречалась с королевской четой – королем Коджоном и королевой Мин... Нигде И. Бишоп не расставалась с фотокамерой, и фотографии придают особый вес ее рассказам... Страна раскрывалась перед ней постепенно: первый визит не пробудил... особого интереса к Корее. Она нашла ее менее привлекательной, чем любое государство из

тех, которые ей до того довелось посетить, и в первых главах ее книги часто встречается слово “варварский”. Не скрывая своих впечатлений... она пишет, что считала корейцев “отбросами человечества”, пока не увидела поселения корейцев в Сибири, куда она отправилась, желая составить об этом народе как можно более полное впечатление» [Пироженко, 2014].

Из значительных работ этого времени назовем еще несколько трудов по разным сферам корееведения. История Кореи на английском языке была написана шотландским протестантским миссионером, служившим в Китае, Джоном Россом (John Ross). Книга под названием «Древняя и современная история Кореи с описанием обычаев и традиций, языка и географии» (*History of Corea, Ancient and Modern; with Description of Manners and Customs, Language and Geography*) увидела свет в 1891 г. [Ross, 1891].

В начале XX в. автор обзорных иллюстрированных путеводителей по странам Азии Ангус Хамильтон (Angus Hamiltons) выпустит путеводитель по Корее (*Korea*), содержащий сведения о привычках и нравах этого народа. Так, в книге можно прочесть о кулинарных пристрастиях корейцев, также не совпадающих с европейской традицией. Автор утверждает, что корейцы всеядны. Птицы, животные, рыбы – все им по вкусу. В определенное время года собачатина пользуется большой популярностью; свинина и говядина, еще сочащиеся кровью; домашняя птица и дичь, непотрошенные и приготовленные с головой и когтями, рыба, высушенная на солнце и зловонная, – все съедается [Hamilton, 1904].

Гораций Грант Андервуд (Horace Grant Underwood) был пресвитерианским миссионером, просветителем и переводчиком, посвятившим свою жизнь развитию христианства в Корее, написавшим несколько книг о Корее, в частности *The Call of Korea* (1908 г.), его заслуга заключается еще и в том, что он неоднократно выступал с лекциями о Корее в Америке, Японии и Европе, стремясь открыть Корею миру [Pang, 2015].

Подробное описание деятельности протестантских миссионеров в Корее во второй половине XIX в. содержится в произведении англиканского миссионера Марка Троллопа (Mark Trollope) «Церковь в Корее» (*The Church in Corea*) (1915 г.) [Осадчая, 2006].

В целом исследователи отмечают, что на Западе публиковалось значительно больше, чем в России, свидетельств о Корее и корейцах, что было связано, прежде всего, с торговой и миссионерской деятельностью, в которой было задействовано достаточно большое число людей [Осадчая, 2006].

Таким образом, можно сделать вывод, что в исторический период, о котором идет речь, большинство представителей западных стран при подготовке изданий о Корее находились под влиянием ведущих концепций этого периода, а именно: идеи империализма, цивилизаторской миссии белого человека, представления о «недоразвитости» и «варварстве» стран Востока, культурном превосходстве стран Запада. Подчеркнем, что зачастую стремление собрать информацию о Корее объяснялось намерением оценить ресурсный потенциал территории с целью приобретения новой колонии в дальнейшем. Как обнаруживается при анализе западных работ, о которых шла речь выше, авторы нередко используют эпитеты «варварский», «дикий» и «примитивный» по отношению к Корее, кроме того, часто в работах фигурируют и образы «закрытая страна», «страна-отшельница», «запретное государство».

4.2. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ КОРЕЕВЕДЕНИЯ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ

Многие ученые разделяют точку зрения, что изучением Кореи долгое время не занимались в западных странах, игнорируя эту сферу регионоведческих исследований.

К примеру, с этим тезисом согласен видный американский специалист по корееведению, профессор, который преподавал корееведение в Гарвардском университете, специалист по корейской аристократии периода Чосон Эдвард Вагнер (Edward Willett Wagner). По его мнению, любой серьезный труд по Корее, опубликованный примерно до середины 1950-х гг., можно считать пионерской работой.

Одним из таких новаторских трудов он считает «Гид по корееведению» (*Korean Studies Guide*) – библиографию работ по Корее, подготовленную в начале 50-х гг. XX в. [Wagner, 1955]. В период составления пособия к достоверным источникам информации об истории Кореи на английском языке можно было отнести лишь «Историю Кореи» Г. Халберта 1905 г., о которой мы упоминали в предыдущем параграфе. Однако к 1930 г. ее перестали издавать.

«Гид...» представляет собой крайне полезную и ценную работу, прежде всего, безусловно, для специалистов по Корее (любопытно, что под специалистами автор понимает крайне малочисленную группу ученых, среди которых, он подчеркивает, нет американцев). Однако им могут пользоваться и непрофессионалы, которые хотят, например, провести сравнение каких-то явлений в китайской, японской и корейской культуре. Отметим, что даже в такой работе, получившей его высокую оценку, специалист обнаруживает достаточное количество неточностей [Wagner, 1955].

Начиная с 1950-х гг. США стали принимать активное участие в оказании экономической помощи стране и консультировании корейских специалистов по экономическим вопросам. Как пишет Карл Московитц (Karl Moskowitz), в 1990-е гг. занимающий пост представительного директора Ассоциации корееведения в Гарварде, американские экономисты и специалисты по девелопментологии подготовили целое поколение корейских экономистов, вполне закономерно, что именно представители научных кругов США активнее ученых других стран стали заниматься анализом экономического развития Кореи. Еще большую закономерность для исследователя представляет тот факт, что второй

группой лиц, не менее активно изучающей феномен корейского экономического роста, были корейские ученые, получившие теоретическую подготовку в США.

Американскую группу возглавлял экономист Эдвард Сейджендорф Мэйсон (Edward Sagendorph Mason), основатель Консультативной службы по развитию (*Development Advisory Service*) в 1963 г., позднее переименованной в Институт международного развития в Гарварде (*Harvard Institute for International Development*). В начале 1970-х гг. обе группы объединились для проведения комплексного анализа развития Кореи за последнее время [Moskowitz, 1982].

Цель данного исследовательского проекта заключалась в том, чтобы изучить показатели, лежащие в основе выдающегося роста корейской экономики, и распределение плодов этого роста, а также изменения, произошедшие в обществе и правительстве; дать оценку тому, насколько зарубежная, в особенности американская, экономическая поддержка способствовала этим изменениям. В рамках этого проекта десятки специалистов по деволюментологии – не только экономисты, но и выдающиеся специалисты по демографии, урбанизации, образовательным процессам – провели крупное исследование.

В процессе работы американская сторона столкнулась с неожиданными трудностями – пришлось рассматривать целый комплекс исторических, социологических и политических вопросов, о которых они имели весьма слабое представление. Только несколько членов команды могли читать и говорить по-корейски, как следствие, корейские коллеги оказали бесценную помощь, предоставляя необходимые для изучения материалы и давая комментарии [Moskowitz, 1982].

Представляется возможным утверждать, что именно во время этого проекта зародилась традиция, которая сохраняется и поныне, – западные ученые, занимающиеся корееведением, но не знающие корейского языка или истории страны, просят корейских коллег выступить в качестве «экспертов» по Корее.

Итак, рассмотрим наиболее значительные западные научные центры, занимающиеся изучением Кореи, их официальные сайты можно найти в прил. 3.

1. **Ассоциация корееведения в Европе** (*The Association for Korean Studies in Europe*), ведущая научная организация корееведов в Европе, была основана в Лондоне 30 марта 1977 г. 31 ученым-европейцем с целью стимулирования изучения корееведения и координирования этого процесса во всех странах Европы. Предварительная встреча будущих членов Ассоциации прошла в 1976 г. в Сеуле.

Основными целями Ассоциации являются:

- организация академических конференций раз в два года;
- публикация ежегодного информационного бюллетеня, на данный момент издано 29 выпусков;
- организация обменных программ европейских лекторов каждый год [Constitution&History].

Один из соорганизаторов Ассоциации, французский ученый, специалист по корейской классической литературе Даниэль Буше (Daniel Bouchez) в поздравительной речи по случаю тридцатилетия организации сказал, что сложно представить, чем явилось событие 1977 г. для его инициаторов. По мнению Буше, описать состояние корееведения в Европе на тот момент можно словами «изоляция», «слабость», «раздробленность». Практически никто из группы энтузиастов, о которых идет речь, до этого не был в Корее, не общались они и с корееведами из других стран. На первой конференции большинство участников не знали друг друга. Корееведение в Европе находилось на начальном этапе своего развития, так, во Франции история корееведения насчитывала менее 10 лет, и практически каждый год выдвигались предложения прекратить преподавание корейского языка и культуры.

К тому же большинство участников были юны, неопытны и не имели никакого авторитета в науке. Единственным исключением являлся профессор Лейденского университета (Нидерланды) Фриц Вос (Frits Vos), известный японист и

кореевед. Вос впервые побывал в Корее в 1950 г., позднее именно благодаря его деятельности началось преподавание корейского языка в Лейдене. Этот ученый и стал первым президентом Ассоциации [Constitution&History].

Еще одним специалистом, много сделавшим для развития организации и становления корееведения в Европе, был профессор Бруно Левин (Bruno Lewin), немецкий японист, кореевед и лингвист.

В 1964 г. он был назначен профессором Восточноазиатского института только что основанного Рурского университета в Бохуме, первого нового университета в послевоенной Германии. Через год после своего назначения он выделил корееведение в качестве отдельного предмета. В 1980–1981 гг. профессор являлся вице-президентом Ассоциации.

Безусловно, первые несколько конференций стали значимыми событиями, позволившими европейским корееведам обзавестись новыми научными контактами, обмениваться идеями, что привело к продвижению корееведения в научных кругах Европы.

Интересно, что конференции даже критиковали за то, что они превращаются в «светские мероприятия».

Определенные сложности в установлении научных контактов происходили и из-за так называемого разделения Европы (чего счастливо избежали американские ученые). Однако, несмотря на все трудности, в 1978 г. в конференции впервые поучаствовали ученые из Польши, в 1983 г. – из Чехословакии и Венгрии, в 1984 г. – из Советского Союза и Восточной Германии. Поддерживались контакты и с Пхеньяном, в надежде, что северокорейские ученые также смогут присоединиться к дискуссионной площадке, что и произошло в 1989 г. в Лондоне. В последующие годы данное научное мероприятие стало чуть ли не единственным в мире, где встречались представители научного сообщества обеих Корей [Constitution&History].

30-я конференция Ассоциации запланирована к проведению 28–31 октября 2021 г. во Франции. Тематика обсуждаемых вопросов достаточно широка, это и вопросы корей-

ского языка, древней и современной истории, литературы, государства и права, восточной философии, а также проблемы, остро стоящие в XXI в., – будущее корееведения в глобализованном обществе, экологическая обстановка в Корее, политическая гомофобия, защита прав человека и многое другое [Past Conferences].

Стоит также подчеркнуть, что в настоящее время Ассоциация активно занимается поддержкой корейских исследований в Европе через развитую систему грантов и стипендий.

Как видим, в понимании Ассоциации трансдисциплинарный подход к содержанию корееведения значительно расширен и выходит за рамки страноведения и регионоведения. Согласно нашей концепции, это скорее регионологические исследования, нежели регионоведение Кореи.

2. Британская ассоциация корееведения (*British Association for Korean Studies, BAKS*) образовалась в конце 1980-х гг. с целью поддержки и продвижения корееведения в Великобритании. В деятельность организации входит поощрение преподавания и изучения любых аспектов корееведения посредством организации академических мероприятий и издания рецензируемого «Европейского журнала корейских исследований» (*European Journal of Korean Studies* (ранее *Papers of the British Association for Korean Studies*)). Ассоциация также учреждает две стипендии – на годичное обучение в Корее для студентов и аспирантов.

В совет Ассоциации входят ученые, кураторы музеев, библиотекари и члены Министерства иностранных дел, интересующиеся корееведением [About BAKS].

С 1987 г. организуется ежегодная серия конференций и воркшопов в разных местах страны. Тематика мероприятий крайне обширна: археология, искусство, экономика, литература, политика, общество.

Стоит также упомянуть, что вместе с партнерскими организациями, Британскими ассоциациями китаеведения и японоведения, Ассоциация корееведения приняла участие в четырех совместных конференциях: в 1994 г. тема конференции была заявлена как «Восточноазиатский национализм», в 1997 г. – «Восточная Азия в постколониальную

эру», в 2001 г. – «Глобализация и регресс», в 2014 г. – «Динамичная Восточная Азия – прошлое и будущее» [Past Events].

3. Французская ассоциация корееведения (*Association Française Pour l'Etude de la Corée*) была создана в 1986 г. Цель организации – академическое развитие корееведения во Франции, она объединяет как специалистов, так и любителей корееведения, регулярно встречающихся на конференциях, организованных совместно Ассоциацией и различными исследовательскими центрами, на которые приглашаются как французские корееведы, так и их зарубежные коллеги.

Добавим, что одним из президентов Ассоциации был выдающийся специалист по корееведению Александр Гиллемоз (Alexandre Guillemoz) (2003–2007) – один из немногих специалистов в мире по шаманизму в Корее, директор (1999–2006) Центра по исследованиям Кореи в Высшей школе социальных наук (*Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales*) (Париж), директор лаборатории корееведения (1994–2005) Университета Париж-7, президент Европейской ассоциации корееведения (2003–2007), автор многочисленных научных работ по корейскому шаманизму [Alexandre Guillemoz].

4. Чешско-корейское общество (до 1993 г. Чехословацко-корейское общество) (*Česko-korejská společnost*) ведет свою историю с 1990 г., когда в Праге состоялось его первое собрание. Основным направлением деятельности общества было и остается расширение знаний о Корее в Чехии, углубление и поддержка контактов между двумя странами в сферах культуры, образования, науки и технологий, экономического сотрудничества, туризма, спорта и др. С момента основания было проведено несколько важных мероприятий. Например, в 1990 г. при поддержке Карлова университета, Сеульского форума по международным делам и Общества был проведен чешско-корейский симпозиум на тему «Политическая и экономическая ситуация и проблемы в Корее и странах Азиатско-Тихоокеанского региона».

Значимым событием 1992 г. стал Международный семинар «Корейская литература: как переводить ее на иностранные языки» при поддержке Университета Корё и Карлова университета. В 1994 г. Общество стало организатором конференции «Перспективы взаимоотношений – Чешская Республика и Республика Корея», на которой присутствовали чешские и корейские эксперты в области политологии, экономики и международных отношений.

Общество постоянно организует образовательные мероприятия в различных регионах Чехии, знакомящие с корейской культурой, включая ежегодный крупнейший фестиваль корейской культуры в Чешской Республике «Дни Кореи в Моравско-силезском крае».

Вебсайт <http://www.cks-korea.cz/> является наиболее посещаемой страницей, посвященной современным чешско-корейским отношениям. На сайте содержится база данных по развитию отношений в сфере культуры, политики и образования.

Киноклуб общества организует ежемесячные просмотры корейских фильмов в сопровождении лекций и воркшопов.

Торговая палата общества принимает активное участие в развитии чешско-корейских деловых контактов, установлении связей между крупнейшими корейскими инвесторами в Чехии и чешскими компаниями, имеющими торговые отношения с Кореей.

Языковой центр проводит регулярные встречи чешских студентов, изучающих корейский язык, и корейских студентов, изучающих чешский. Также центр сотрудничает с языковыми школами с целью открытия курсов корейского и участвует в переводе корейских фильмов и книг.

Общество активно помогает корейцам, живущим в Чехии, интегрироваться в новую культуру, совместно с чешско-китайским обществом организует ежегодный «восточный бал» в Праге.

Мы перечислили далеко не все виды деятельности организации, но даже из неполного списка видно, насколько широк ее диапазон. Безусловно, общество занимается ско-

рее культурно-просветительской и образовательной работой, нежели научной, однако данная сфера также играет существенную роль в успешности процессов глобализации и интеграции [What we do].

5. Историческое общество американских корейцев (*Korean American Historical Society*), основанное в 1985 г., является некоммерческой организацией, цель которой заключается в обогащении коллективной памяти американцев корейского происхождения с помощью сбора, сохранения и передачи наследия и достижений корейцев, живущих в США и других странах.

Общество занимается публикацией журнала «Случайные заметки» (*Occasional Papers*), где можно найти устные предания, обзоры книг, критические эссе, отчеты и др. Журнал предназначен как для ученых, так и для любительской аудитории. Также организация занимается сбором устных рассказов об истории корейских экспатриантов в целом и американских корейцев в частности, проводит семинары, симпозиумы, продвигает идею о введении отдельной дисциплины «исследования американских корейцев», координирует деятельность с другими организациями корейских общин [About / Korean American Historical Society].

6. Корейское сообщество (*The Korea Society*) – частная некоммерческая организация, расположенная в Нью-Йорке, чья деятельность посвящена исключительно созданию большей осведомленности, обеспечению понимания и сотрудничества между жителями США и Кореи. Чтобы выполнить данную миссию, общество создает программы для облегчения обсуждений и исследования тем, представляющих интерес для обеих стран, включая сферы государственной политики, бизнеса, образования, межкультурного взаимодействия и искусства.

История создания общества начинается в 1957 г., когда группа известных американцев под руководством генерала, участника обеих мировых войн и Корейской войны Джеймса Ван Флита (James A. Van Fleet) организовала некоммерческую организацию в США, посвященную поддержке

мирных отношений между населением США и Кореи с помощью достижения взаимопонимания, «высокой оценки обеих культур, целей, идеалов, искусства, науки и промышленности» [About us / The Korea Society].

Перечислим еще несколько организаций, занимающихся изучением азиатских стран в целом.

7. Международный институт азиатских исследований (*The International Institute for Asian Studies*) в Лейдене (Нидерланды), крупный научно-исследовательский институт, являющийся платформой для обмена опытом представителей всего мира. Цель учреждения – способствовать лучшему и более интегрированному пониманию современных азиатских реалий, так же как и переосмыслению азиатских исследований в меняющемся глобальном контексте.

Институт стремится стимулировать диалог между учеными и другими экспертами со всего мира, действуя, таким образом, в качестве глобального посредника, объединяя академические и неакадемические организации в Азии и других частях мира, включая культурные, общественные и политические организации.

Большая часть научно-исследовательской деятельности осуществляется в рамках трех тематических кластеров: азиатское наследие, азиатские города, глобальная Азия. Выбор подобного подхода объясняется стремлением культивировать синергию и когерентность между людьми и проектами и не исключать никого из участников [About us / The International Institute for Asian Studies].

8. Немецкая ассоциация азиатских исследований (*Die Deutsche Gesellschaft für Asienkunde*) с момента своего основания в 1967 г. является одной из наиболее важных платформ для диалога и формирования мнения об Азии в Германии, фокусируется на текущих событиях в регионе и их предыстории. Интересен подход Ассоциации к своей роли – она видит себя мостом между наукой, политикой, бизнесом и общественностью.

Организация способствует передаче обществу эмпирически обоснованных знаний, полученных в результате исследований Азии, а также обмену научными и практическими достижениями, поддерживает молодых ученых. Общество открыто для ученых и студентов всех специальностей, сотрудников университетов и неуниверситетских исследовательских учреждений, а также для представителей политики, бизнеса и средств массовой информации.

Как научное сообщество специалистов и платформа обмена знаниями Ассоциация предлагает различные форматы для взаимодействия своих членов – предоставление регулярной информации о соответствующих событиях; проведение два раза в год научной конференции; содействие научной деятельности через программу малых грантов; создание регионально ориентированных рабочих групп, которые самостоятельно проводят конференции и семинары; продвижение молодых ученых; издание журнала *Asien*; эксклюзивный доступ к базе данных по Азии и многое другое [Mission Statement / Profil].

9. Ассоциация азиатских исследований (*Association for Asian Studies*) – профессиональная организация, открытая для всех интересующихся Азией и изучением Азии, насчитывает свыше 6500 членов по всему миру, представляющих все регионы и страны Азии и разные научные сферы, и является крупнейшей организацией такого типа в мире.

Посредством организации региональных конференций и ежегодных конференций, создания онлайн-ресурсов и публикаций Ассоциация объединяет своих членов в уникальное профессиональное сообщество.

Организация была основана в 1941 г., первоначально как издательство журнала *Far Eastern Quarterly*, сейчас именуемого «Журнал азиатских исследований» (*The Journal of Asian Studies*). В 1970 г. появились 4 Совета, действующих и в настоящее время, – по Китаю и Внутренней Азии, Северо-Восточной Азии, Южной Азии и Юго-Восточной Азии. Ассоциация является членом Американского совета

научных обществ (*American Council of Learned Societies*) [About / Association for Asian Studies].

В Совете по Юго-Восточной Азии действует Комитет по корееведению (*Committee on Korean Studies*), созданный в 1968 г. Начиная с 1980-х гг. Комитет стал присуждать небольшие гранты на путешествия и научные исследования, в 2008 г. организация начала спонсирование профессиональных воркшопов и секций конференций. В 2018 г. Комитет расширил свою миссию, теперь в фокусе его внимания находится также обучение, кураторство и профессионализация [About CKS].

Таким образом, проанализировав ряд западных организаций по изучению Кореи, действующих в настоящее время, мы можем констатировать возрастающий интерес к исследованию этого региона в западном мире. В деятельности большинства организаций наблюдается явная смена вектора – переход от описательных страноведческих исследований к рассматриванию такой научной области, как корееведение, с позиций трансдисциплинарности. Глобализационные процессы в мире повлияли и на то, что зачастую объектом изучения видится Азия в целом, что и находит свое выражение в создании научных учреждений, занимающихся ее комплексным изучением. В задачи данного исследования не входил подробный анализ образовательных программ по корееведению, представленных в западных вузах, однако для создания более полной картины мы посчитали необходимым перечислить некоторые из них в прил. 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе работы над данным исследованием, цель которого заключалась в попытке проанализировать процесс становления региональных исследований в Корее, изучить, как проходило открытие Кореи миру и повышение интереса к этому региону, были сделаны некоторые выводы.

Прежде всего, рассмотрев, как появлялось и формировалось регионологическое знание на территории Корейского полуострова, мы выделили несколько этапов этого процесса:

1) этап зарождения проторегионологического знания (VI–XV вв.), важными вехами которого стали проникновение письменности, начало историописания – основного поставщика знаний о регионе того периода, осознание необходимости получения более подробных географических сведений, появление корейского алфавита;

2) этап становления традиционного корейского научного знания, первых попыток изучения других стран (XVI–XIX вв.), среди значимых событий этого периода отметим возникновение идеи кореецентризма, концепции *сирхак* о необходимости изучения прикладных наук; попытки переосмысления истории Кореи, знакомство с западной географией;

3) этап кореецентризма, отказа от изучения других стран (XIX в.). Данный этап может быть описан с помощью девиза правителей того времени «Сохранять правильное, изгонять чужое», образы Кореи этого периода передаются в западных трудах с помощью уничижительных наименований «страна варваров», «страна-отшельница», «запретное государство»;

4) этап колониального регионологического знания (1910–1945 гг.), сопровождавшийся угрозой потери национальной идентичности, кризисом корейского образования;

5) этап институционализированных региональных исследований (1960-е гг. – настоящее время).

Представляется возможным утверждать, что корейские ученые не принимали особенно активного участия в самом процессе институализации региональной науки, зародившемся в США в середине 50-х гг. XX в. Они, скорее, посчитали это новое направление «пригодным к использованию» и эффективным для стимулирования экономического развития страны. Подобный феномен «принятия нового знания на веру» мы считаем допустимым объяснить тем, что корейские специалисты предпочли не вдаваться в дискуссии по концептуальным основам науки, думая, что практика и является лучшим критерием проверки истинности знания. Полагаем, что имел место и некоторый пиетет перед западной научной мыслью, в правильности которой не принято было сомневаться. Кроме того, конфуцианские каноны, широко распространенные в стране, также могли повлиять на подобную стратегию.

Так, известный американский историк, специалист по странам Восточной Азии Брюс Камингс (Bruce Cumings) причину стремительных экономических успехов Южной Кореи видит в особом внешнем контексте, под которым он подразумевает взаимоотношения сначала с Японией, а потом с США. Кстати, в отличие от распространенного тезиса о пагубных последствиях японской колонизации, он не придерживается столь категоричного мнения, считая, что Япония в этот период внесла вклад в улучшение инфраструктуры и создание промышленности в Корее. США же после окончания Второй мировой войны оказывали серьезную финансовую помощь [Cumings, 1984].

Роль внешнего контекста была замечена нами и в стратегии подготовки корейских научных кадров. Речь идет о том, что многие корейские специалисты-регионологи в XXI в. получают профессиональное образование в западных странах, прежде всего в США, что, естественно, накладывает определенный отпечаток на формирование их научной картины мира. Оказал влияние на преобладание западных подходов к региональным исследованиям в Корее и фено-

мен научной миграции, начавший активно распространяться со второй половины XX в.

В данном случае мы считаем возможным говорить о том, что это повлекло за собой и рост интереса к изучению Кореи за ее пределами. Многочисленные корейские ученые, начинавшие работать на кафедрах американских вузов, в качестве объекта своих региональных исследований выбирали наиболее знакомый регион – Корею, а следовательно, об этом регионе больше узнавали и их американские коллеги. Мы также отмечали, что многие научные статьи по региональным исследованиям в настоящее время пишутся корейцами в соавторстве с западными учеными.

Мы сделали вывод о преобладании комплексного подхода в корейских региональных исследованиях, стремлении к трансдисциплинарности. Полагаем, что наличие идеи комплексности может быть частично объяснено тем, что выходцы из восточной культурной традиции, получая образование в западном мире, начинают более остро осознавать, например, необходимость комплексного мультикультурного подхода к исследованиям. Напомним, что идея сохранения корейской традиционной культуры и ее распространения в мире является одной из доминирующих тенденций в корееведении. Зачастую корейцы отождествляют корееведение с культурой Кореи. Данная концепция «кореецентризма» имеет историческое объяснение, но и в настоящее время преобладающее количество региональных исследований корейских авторов посвящено изучению Кореи, способов стимулировать ее региональное и национальное развитие и решить проблему неравномерного развития регионов внутри страны.

В качестве еще одной отличительной черты региональных исследований в Корее отметим стремление и готовность корейских ученых тестировать и разрабатывать новейшие методы и подходы. Неслучайно Республика Корея долгое время занимала лидирующую позицию в рейтинге инновационных стран. Инновации являются одной из ключевых тем корейских региональных исследований: построение технополисов, создание инновационных городов – стра-

тегии, активно применяющиеся в Корее, чем не могут похвастаться многие другие страны. Данное стремление к инновациям, естественно, объясняется не только желанием получать и тестировать новые знания, но и чрезвычайно высокой конкуренцией в регионе. В любом случае опыт Кореи в этом вопросе кажется весьма полезным для изучения.

Добавим, что данное исследование носит открытый характер. Прежде всего, отдельного внимания в дальнейшем заслуживает рассмотрение вопроса о том, каким образом занимаются изучением корееведения в восточных странах. Представляется, что их история развития знаний о Корее будет коренным образом отличаться от западного варианта, соответственно, на следующем этапе появится возможность провести сравнительно-сопоставительный анализ двух векторов: восточного и западного подходов к корееведению. Кроме того, нами уже упоминалось, что рамки данной работы ограничены анализом южнокорейского опыта региональных исследований, изучение северокорейской региональной традиции с последующим сопоставлением подходов двух Корей также представляется чрезвычайно перспективным направлением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература на русском языке

Алкин С. В. О сайте РАУК – Российской Ассоциации Университетского Корееведения / Корё Сарам. Записки о корейцах. URL: https://koryo-saram.ru/alkin-s-v-o-sajte-rauk-rossijskoj-assocziaczii-universitetskogo-koreevedeniya/#_ftn2 (дата обращения: 02.01.2021).

Асмолов К. В. Не только ракеты: Путешествие историка в Северную Корею. М. : Русский фонд содействия образованию и науке ; Университет Дмитрия Пожарского, 2018. 320 с.

Ванин Ю. В. Вадим Павлович Пак // Жизнь и труд посвятившие Корею: Российские кореееды 2-й половины XX века : сб. ст. М. : Первое Марта, 2004в. С. 129–136. (Российское корееведение в прошлом и настоящем ; т. 1).

Ванин Ю. В. Виктор Михайлович Мазуров // Жизнь и труд посвятившие Корею: Российские кореееды 2-й половины XX века : сб. ст. М. : Первое Марта, 2004б. С. 89–104. (Российское корееведение в прошлом и настоящем ; т. 1).

Ванин Ю. В. Геннадий Викторович Грязнов // Жизнь и труд посвятившие Корею: Российские кореееды 2-й половины XX века : сб. ст. М. : Первое Марта, 2004а. С. 21–32. (Российское корееведение в прошлом и настоящем ; т. 1).

Ванин Ю. В. Некоторые аспекты корректировки исследований по истории Кореи (1945–1955) // Проблемы Дальнего Востока. М., 1996. № 5. С. 115–123.

Васильев А. Г. Холодович Александр Алексеевич / Жизнь и труд посвятившие Корею: Российские кореееды 2-й половины XX века : сб. ст. М. : Первое Марта, 2004. С. 223–235. (Российское корееведение в прошлом и настоящем ; т. 1).

Воробьев М. В. Очерки культуры Кореи. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. 428 с.

Вестник корейского корееведения. URL: <https://vestnik-rk.wixsite.com/anthology> (дата обращения: 20.12.2020).

Деятельность МЦК МГУ / Международный центр корееведения МГУ. URL: <http://www.icfks.narod.ru/Activities.html> (дата обращения: 02.01.2021).

Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы. М. : Наука, 1972. 162 с.

Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М. : Наука, 1985. 264 с.

Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М. : Наука, 1989. 360 с.

Дюмон-Дюрвиль Жюль Себастьян Сенсон / Президент. б-ка им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/section/1159784> (дата обращения: 02.01.2021).

Жизнь и труд посвятившие Корее: Российские корееведы 2-й половины XX века : сб. ст. М. : Первое Марта, 2004. 276 с. (Российское корееведение в прошлом и настоящем ; т. 1).

Иоанн де Плано Карпини // Энциклопедия Всемирная история. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/karpini_ioann_die_plano_karpini (дата обращения: 20.12.2020).

Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX – начало XX века. М. : Наука, 1982. 232 с.

История Кореи (с древнейших времен до наших дней). М. : Наука, 1974. Т. 2. 470 с.

Ким Бусик. Самгук саги. В 3 т. Т. 1. Летописи Силла. М. : Вост. лит. РАН, 2001. 384, VI, 202, VIII с.

Ким Бусик. Самгук саги. В 3 т. Т. 2. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. М. : Вост. лит. РАН, 1995. 405, VII, 344, VII с.

Ким Бусик. Самгук саги. В 3 т. Т. 3. Разные описания. Биографии. М. : Вост. лит. РАН, 2002. 444, XVIII, 217, VII с.

Ким П. Г. Американские миссионеры в Корее в последней четверти XIX – начале XX в. и политические контакты // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 173–182.

Концевич Л. Р. Избранная библиография литературы по Корее на русском и западноевропейских языках (с XIX века по 2007 год). М. : Первое марта, 2008. 592 с. (Российское корееведение в прошлом и настоящем ; т. 6).

Концевич Л. Р. Мир «Хунмин чонъыма». М. : Первое марта, 2013. 586 с. (Российское корееведение в прошлом и настоящем ; т. 10).

Корееведение в России: история и современность / под ред. Ю. В. Ванина. М. : Первое марта, 2004. 384 с. (Российское корееведение в прошлом и настоящем ; т. 2).

Коробко В. О., Кузнецова О. В. Вклад Джеффри Хьюингса в создание лаборатории прикладной региональной экономики и американские региональные исследования // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. [отв. ред. В. В. Яковлев]. СПб., 2020а. С. 23–31.

Коробко В. О., Кузнецова О. В. Вклад региональных экономистов в становление американской региональной науки (на примере деятельности Г. Хотеллинга) // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020б. С. 295–302.

Кремнёв Е. В., Ананьев В. В., Серых Т. С. Структура японских региональных исследований в трактовке Научного совета Японии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 157–165.

Кремнёв Е. В., Ананьев В. В. Предпосылки формирования региональных исследований в Японии в рамках японской традиционной науки // Регионоведение. 2020а. Т. 28, № 2. С. 279–302.

Кремнёв Е. В., Ананьев В. В. Осмысление концепций Нисиды Китано о пространстве в контексте современных региональных исследований в Японии // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020б. С. 303–307.

Кремнёв Е. В., Шалина И. В. Японские организации в сфере региональных исследований: история, современное состояние, актуальная проблематика // Регионалистика. 2020. Т. 7, № 2. С. 37–48.

Кремнёв Е. В., Шалина И. В., Озеров Д. Г. К вопросу о направлениях региональных исследований в Японии // Slovak international scientific journal. 2019. № 33. С. 14–17.

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

Кузнецова О. В. Место региональной науки в системе интегрированного научного знания (на примере работ американских ученых второй половины XX в.) // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020а. С. 307–322.

Кузнецова О. В. Научные центры и высшие школы международных и региональных исследований в Республике Корея: современные тенденции // Регионы в современном мире: глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение / отв. ред. Е. А. Канаев. СПб. : Алетей. 2020б. С. 364–377.

Кузнецова О. В. Региональные исследования в США : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. 363 с.

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2018. С. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35021776>. (дата обращения: 17.02.2020).

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. Основные этапы формирования и становления Международной ассоциации региональной науки // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. [отв. ред. В. В. Яковлев]. СПб., 2020. С. 44–51.

Кузнецова О. В., Пелихова Д. В. Американские исследования в европейских научных центрах: основные направления деятельности // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. 2-й Междунар. науч.-практ.

конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. [отв. ред. В.В. Яковлев]. СПб., 2020. С. 52–61.

Курбанов С. О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 680 с.

Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 626 с.

Курбанов С. О. Размышления об исторической науке и роли личности в истории (С примерами из истории Кореи). СПб. : Изд-во РХГА, 2016. 212 с.

Курбанов С. О. С блокнотом по Корею. Версия 2.0: [очерки, рассказы]. СПб. : Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2020 412 с.

Ланьков А. Н. Быть корейцем. М. : Восток-Запад, 2006. 542 с.

Ланьков А. Н. Корея: будни и праздники. М. : Междунар. отношения, 2000. 480 с.

Ланьков А. Н. Хаотические заметки корееведа. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a93.shtml (дата обращения: 02.12.2020).

Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М. : Русское слово – РС, 2000. 464 с.

Мазуров В. М. Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931–1940). М. : ИВЛ, 1958. 104 с.

Мазуров В. М. США – Китай – Япония: перестройка международных отношений (1969–1979). М. : Наука, 1980. 214 с.

Мазуров В. М. Южная Корея и США (1950–1970). М. : Наука, 1971. 268 с.

Марков В. М. Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1999. 445 с.

Муסיнова И. А. Образ государства Чосон в работах немецких миссионеров, дипломатов и путешественников XIX в. // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2020. № 7. С. 319–326.

Мухамедьяров А. М., Диваева Э. А. Региональная инновационная система: развитие, функционирование, оценка, эффективность. Уфа : АН РБ, Гилем, 2010. 188 с.

Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М. : Наука, 1982. 328 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Об институте // Институт междисциплинарных исследований Кореи. URL: <http://korea.spbu.ru/about-the-institute/general-information/index.html> (дата обращения: 02.12.2020).

Осадчая Д. Н. Корея между Западом и Востоком: контакты цивилизаций и их последствия (XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Ин-т экономики, права и гуманитар. специальностей. Краснодар, 2006. 237 с.

Отдел Кореи и Монголии / Ин-т востоковедения РАН. URL: <https://www.ivran.ru/korea-mongolia-department> (дата обращения: 12.12.2020).

Пак М. Н. Предисловие // Ким Бусик Самгук саги. В 3 т. Т. 1. Летописи Силла. М. : Вост. лит. РАН, 2001. С. 8–14.

Пироженко О. С. Корейцы в России глазами английской исследовательницы // Корё Сарам. Записки о корейцах. URL: <https://koryo-saram.ru/korejtsy-v-rossii-glazami-anglijskoj-issledovatel'nitsy/> (дата обращения: 12.12.2020).

Российская ассоциация университетского корееведения. URL: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_departments&view=departments&Itemid=6&lang=ru (дата обращения: 02.12.2020).

Самсонов Д. А. Корейский этикет: опыт этнографического исследования. СПб. : Наука, 2013. 144 с.

Самсонов Д. А. Этнические стереотипы поведения корейцев : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. СПб., 2007. 30 с.

Симбирцева Т. М. Корея на перекрестке эпох. М. : Муравей – Гайд, 2000. 256 с.

Современная Корея : справ. изд. М. : Академия наук СССР. Институт востоковедения, 1971. 417 с.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи. В 2 т. Т. 1. С древнейших времен до 1904 г. / ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Т. М. Симбирцева. М. : Наталис, 2011. 533 с.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2. Двадцатый век // Корея: 1905–1945 гг. / ред., пер. с корейского, индексы, сост. хронол. табл. Т. М. Симбирцевой ; под общ. ред., примеч. В. М. Тихонова. М. : Наталис, 2011. 499 с.

Толстогулаков И. А. Очерк истории корейской культуры : учеб. для вузов. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 238 с.

Торкунов А. В. История Кореи (Новое прочтение) М. : МГИМО (Университет) : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 430 с.

Троцефич А. Ф. Марианна Ивановна Никитина // Жизнь и труд посвятившие Корею: Российские корееведы 2-й половины XX века : сб. ст. М. : Первое Марта, 2004. С. 105–111. (Российское корееведение в прошлом и настоящем ; т. 1).

Хохлов А. Н. П. А. Дмитриевский – российский дипломат и востоковед // Корё Сарам. Записки о корейцах. URL: <https://koryo-saram.ru/p-admitrievskij-rossijskij-diplomat-i-vostokoved/> (дата обращения: 02.12.2020).

Центр исследований Кореи «Корееведение» // Казанский федеральный университет URL: <https://kpfu.ru/imoiv/nauchno-issledovatel'skaya-rabota/nauchno-obrazovatelnye-centry-i-laboratorii/nauchnye-centry/centry/centr-koreevedeniya> (дата обращения: 02.12.2020).

Центр корееведческих исследований // Дальневосточный федеральный университет URL: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/structure/centre_of_korean_studies/about-the-center/ (дата обращения: 02.01.2021).

Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958 гг.). М. : Вост. лит., 1959. 270 с.

Литература на английском языке

2019 Asian Conference In Regional Science / The Applied Regional Science Conference. URL: http://www.arsc.org/asirs/program2019_shanghai.pdf (date of access: 12.12.2020).

About BAKS / British Association for Korean Studies. URL: <http://www.baks.org.uk/wptest/about/> (date of access: 12.12.2020).

About CKS / Committee on Korean Studies. URL: <http://www.koreanstudies.org> (date of access: 12.12.2020).

About the NRF / National Research Foundation of Korea. URL: <https://www.nrf.re.kr/eng/page/9439993c-2105-4834-b000-7b4dc15b3f39> (date of access: 12.12.2020).

About us / The International Institute for Asian Studies. URL: <https://www.ias.asia/about> (date of access: 12.12.2020).

About us / The Korea Society. URL: <https://www.koreasociety.org/about-us> (date of access: 12.12.2020).

About / Association for Asian Studies. URL: <https://www.asianstudies.org/about/history/> (date of access: 12.12.2020).

About / Korean American Historical Society. URL: <https://www.kahs.org/about-us/> (date of access: 12.12.2020).

Academics / Graduate School of International Studies / Pusan National University. URL: <https://gsis.pusan.ac.kr/gsiseng/52054/subview.do> (date of access: 25.12.2020).

Academics / Graduate School of International Studies / Seoul National University. URL: https://gsis.snu.ac.kr/masters_program (date of access: 25.12.2020).

Admission Information / Academy of Korean Studies. URL: <http://intl.aks.ac.kr/english/viewforum.php?f=26> (date of access: 12.12.2020).

Ahn Sang-Jin, Yi Seung-Kyu. Methodological Framework for Analyzing Peace Engineering: Focusing on Kaesong Industrial Complex and North Korean Innovators in South Korea // Technological Forecasting & Social Change // Technological Forecasting and Social Change. 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0040162520312907> (date of access: 12.12.2020).

Allen H. N. Things Korean: A Collection of Sketches and Anecdotes, Missionary and Diplomatic. N. Y. : Fleming H. Revell, 1908. 256 p.

Area Studies / Ewha Womans University URL: <http://home.ewha.ac.kr/~asg/english.htm> (date of access: 12.12.2020).

Arthur C. Developing Countries Can Learn from South Korea's Research and Development Experience / United Nations Industrial Development Organization. URL: <https://www.unido.org/news/developing-countries-can-learn-south-koreas-research-and-development-experience> (date of access: 12.12.2020).

Asian Seminar / The Applied Regional Science Conference. URL: <http://www.arsc.org/en/index.html> (date of access: 12.12.2020).

Asia-Pacific Research Center / Hanyang University. URL: http://gsis.hanyang.ac.kr/eng/sub/sub05_01.php (date of access: 12.12.2020).

Bishop I. Korea and her Neighbors: a Narrative of Travel, with an Account of the Recent Vicissitudes and Present Position of the Country. New York : Revell, 1898. 488 p.

Characteristics of Formation and Growth of Atmospheric Nanoparticles Observed at Four Regional Background Sites in Korea / Kim Yumi, Kim Sang-Woo, Yoon Soon-Chang, Park Jin-Soo, Lim Jae-Hyun, Hong Jihyung, Lim Han-Cheol, Ryu Jegyu, Lee Chul-Kyu, Heo Bok-Haeng // Atmospheric Research. 2016. Vol. 168. P. 80–91.

Choi Yun Eui, Oh Chi-Ok, Chon Jinhjung. Applying the Resilience Principles for Sustainable Ecotourism Development: A Case Study of the Nakdong Estuary, South Korea // Tourism Management. 2020. N 83. Article number 104237.

Constitution&History / The Association for Korean Studies in Europe. URL: <https://www.koreanstudies.eu/constitution-history/history/> (date of access: 12.12.2020).

Cumings B. The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: Industrial Sectors, Product Cycles, and Political Consequences // International organization. 1984. Vol. 38, iss. 1. P. 1–40.

Dean's Welcome / Hanyang University URL: http://gsis.hanyang.ac.kr/eng/sub/sub01_02.php (date of access: 12.12.2020).

Development and Implementation of River-Routing Process Module in a Regional Climate Model and its Evaluation in Korean River Basins / Lee Ji-Woo, Hong Song-You, Kim Jung-Eun Esther, Yoshimura Kei, Ham Suryun, Joh Minsu // Journal of Geophysical Research: Atmospheres. 2015. N 120. P. 4613–4629.

Division of International Studies / Korea University URL: <http://int.korea.edu/kuis/index.do> (date of access: 12.12.2020).

Doctoral Degree / Yonsei University. URL: https://gsis.yonsei.ac.kr/main/text.asp?mid=n03_02 (date of access :25.12.2020).

Du Halde: Description / Bibliotheca Sinica 2.0. URL: <https://www.univie.ac.at/Geschichte/China-Bibliographie/blog/2010/06/17/du-halde-1735/> (date of access: 12.12.2020).

Evaluation of Regional Climate Scenario Data for Impact Assessment of Climate Change on Rice Productivity in Korea / Kim Junhwan, Sang Wangyu, Shin Pyeong, Cho Hyeounsuk, Seo Myungchul, Yoo Byounghyun, Kim Kwang Soo // Journal of Crop Science and Biotechnology. 2015. N 18 (4). P. 257–264.

Event / Korea Development Institute. URL: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/events/seminar_list.jsp (date of access: 25.12.2020).

Founding Purpose / Academy of Korean Studies. URL: <http://intl.aks.ac.kr/english/viewforum.php?f=2> (date of access: 12.12.2020).

Fujii Katsunori, Kim Jun Dong, Ishigaki Tohru. Examination of Regional Differences in Physical Growth in Urban and Rural Areas. Based on Longitudinal Data from South Korea // Sport Sci Health. 2012. N 8. P. 67–79.

Gale J. S. Korean Sketches. New York; Chicago; Toronto : Fleming H. Revell Company, 1898. 256 p.

Graduate School of International and Area Studies / Hankuk University of Foreign Studies. URL: https://builder.hufs.ac.kr/user/hufsenglish/gra_3.jsp (date of access: 12.12.2020)

Graduate School of International Studies / Sogang University. URL: https://www.sogang.ac.kr/www/graduate_02_00_2.html (date of access: 25.12.2020).

Griffis W. E. *Corea, Without and Within: Chapters on Korean History, Manners and Religion with Hendrick Hamel's Narrative of Captivity and Travels in Corea, Annotated.* Philadelphia: Presbyterian Board of Publication, 1885. 315 p.

Griffis W. E. *Corea. The Hermit Nation.* New York : Charles Scribner's Sons, 1882. 462 p.

Gutzlaff K. F. *A Journal of Three Voyages Along the Coast of China, in 1831, 1832 and 1833 With Notices of Siam, Corea, and the Loo-Choo Islands.* London : F. Westley and A. H. Davis, 1834. 450 p.

Hamilton A. *Corea.* New York : Elibron Classics, 1904. 358 p.

History / Korea Development Institute. URL: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/about/ad_history.jsp (date of access: 25.12.2020).

History / Academy of Korean Studies. URL: <http://intl.aks.ac.kr/english/viewforum.php?f=3> (date of access: 12.12.2020).

History & Vision / Graduate School of International Studies / Seoul National University. URL: https://gsis.snu.ac.kr/history_and_vision (date of access: 25.12.2020).

Hulbert H. *The Passing of Korea.* New York : Doubleday, Page & Company, 1906. 473 p.

Impact of Future Urban Growth on Regional Climate Changes in the Seoul Metropolitan Area, Korea / Kim Hyunsu, Kim Yoo-Keun, Song Sang-Keun, Lee Hwa Woon // *Science of the Total Environment.* 2016. Vol. 571. P. 355–363.

Institute of Chinese Studies / Hanyang University. URL: http://gsis.hanyang.ac.kr/eng/sub/sub05_02.php (date of access: 12.12.2020).

Introduction of KSI / The Korean Studies Institute. URL: <http://www.koreastudy.or.kr/en/pubConts.do> (date of access: 12.12.2020).

Jae-Hong Jang. Regional Development Policy in Korea – Past, Present, and Future // *Journal of the Economic Geographical Society of Korea.* 2009. Vol. 12, N 4. P. 576–596.

Jamrisko M., Lu Wei. Germany Breaks Korea's Six-Year Streak as Most Innovative Nation. 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation#:~:text=20-24.,9>. (date of access: 12.12.2020).

Jeong Seongpil, Park Jooyoung. Evaluating Urban Water Management Using a Water Metabolism Framework: A Comparative Analysis of Three Regions in Korea // *Resources, Conservation & Recycling.* 2020. Vol. 155. Article number 104597.

Joon-Kyo Seo. Balanced National Development Strategies: The Construction of *Innovation Cities* in Korea // *Land Use Policy.* 2009. Vol. 26. P. 649–661.

Journal of Eurasian Studies / SAGE Journals. URL: <https://journals.sagepub.com/home/ens> (date of access: 12.12.2020).

Jwa Sung-Hee. *The Rise and Fall of Korea's Economic Development. Lessons for Developing and Developed Economies*. Palgrave Macmillan, 2017. 168 p.

Kim D., Kim Woo-Yung. What Drives the Labor Share of Income in South Korea? A Regional Analysis // *Growth and Change*. 2020. N 51 P. 1304–1335.

Kim Euijune, Kim B. H. S. *Quantitative Regional Economic and Environmental Analysis for Sustainability in Korea*. Springer Science+Business Media Singapore, 2016. 243 p.

Kim Euijune, Kim Kabsung. Impacts of Regional Development Strategies on Growth and Equity of Korea: A Multiregional CGE Model // *The Annals of Regional Science*. 2002. N 36. P. 165–180.

Kim Euijune, Kim Kabsung. Impacts of the Development of Large Cities on Economic Growth and Income Distribution in Korea: A Multiregional CGE Model // *Papers in Regional Science*. 2003. N 82. P. 101–122.

Kim Hong-kwang, Yi Mi-sook, Shin Dong-bin. Regional Diffusion of Smart City Service in South Korea Investigated by Spatial Autocorrelation: Focused on Safety and Urban Management // *Spatial Information Research*. 2017. N 25(6). P. 837–848.

Kim Hyun-ju. Korean Studies Viewed through Academic Journals and Organizations // *Korea Journal*. 2011. Vol. 51, iss. 3. P. 5–12.

Kim Kwang Soo, Yoo Byoungyun. Comparison of Regional Climate Scenario Data by a Spatial Resolution for the Impact Assessment of the Uncertainty Associated with Meteorological Inputs Data on Crop Yield Simulations in Korea // *Journal of Crop Science and Biotechnology*. 2015. N 18 (4). P. 249–255.

Kim Kwang-ho. Redefining the Goal and Strategy of Regional Development Policy in Korea. 2008. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/51180274.pdf> (date of access: 25.12.2020).

Kim Sang Mook, Park Min Jae. Evaluation of Cross-National Global Market Segmentation and Strategy: The Case of Korean Wave for ASEAN Countries // *Asia Pacific Management Review*. 2020. Vol. 25. P. 207–215.

Kim Taeyung, Lim Junghwan. Regional Policy in the Republic of Korea: Principles and Experiences. URL: http://www.rimisp.org/wp-content/files_mf/1467323016189_Taeyung_Kim_Junghwan_Lim.pdf (date of access: 25.12.2020).

Kim Wang-Bae. Regionalism: Its Origins and Substance with Competition and Exclusion // *Korea Journal*. 2003. N 43-2. P. 5–31.

Kim Yong Woong, Cha Mi Sook. Korea's Spatial Development Strategies for an Era of Globalisation // *Habitat International*. 1996. Vol. 20, N 4. P. 531–551.

Kolb A. *East Asia: China, Japan, Korea, Vietnam; Geography of a Cultural Region*. London: Methuen, 1971. 591 p.

Kwak Yoonshin, Park Chan, Deal B. Discerning the Success of Sustainable Planning: A Comparative Analysis of Urban Heat Island Dynamics

in Korean New Towns // *Sustainable Cities and Society*. 2020. Vol. 61. Article number 102341.

Kwon Yongwoo, Lee Jawon. Residential Mobility in the Seoul Metropolitan Region, Korea // *GeoJournal*. 1997. N 43.4. P. 389–395.

Lee Bun Song, Chun Sun Eae, Kim Suk Young. The Effects of Regional Characteristics on Population Growth in Korean Cities, Counties and Wards // *Journal of Asian Economics*. 2007. Vol. 18. P. 490–508.

Lee Hyun-kyung, Kim Hong-bae. Regional Preferences for the Living Environment and Mobility of Researchers and General Workers: the Case of Korea // *The Annals of Regional Science*. 2019. Vol. 62. P. 169–186.

Lee Hyun-kyung, Kim Hong-bae. Weighted Spatial Dynamic Shift-Share Model as a Forecasting Tool for a Regional Economy: The Case of South Korea // *Growth and Change*. 2020. N 51. P. 734–748.

Lee Jongkwan. The Role of a University in Cluster Formation: Evidence from a National Institute of Science and Technology in Korea // *Regional Science and Urban Economics*. 2020. N 86. Article number 103617.

Lee Man-Hyung, Choi Nam-Hee, Park Moonseo. A Systems Thinking Approach to the New Administrative Capital in Korea: Balanced Development or not? // *System Dynamics Review*. 2005. Vol. 21. N 1. P. 69–85.

Lee Suk Bae, Auh Su Chang, Seo Dong Yong. Evaluation of Global and Regional Geoid Models in South Korea by Using Terrestrial and GNSS Data // *Journal of Civil Engineering*. 2017. Vol. 21, N 5. P. 1905–1911.

Long-Term Warming Trends in Korea and Contribution of Urbanization: An Updated Assessment / Park Bo-Joung, Kim Yeon-Hee, Min Seung-Ki, Kim Maeng-Ki, Choi Youngeun, Boo Kyung-On, Shim Sungbo // *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*. 2017. Vol. 122. P. 10637–10654.

Ma Kang-Rae, Kang Eun-Taek, Kwon O-Kyu. Migration Behavior of Students and Graduates under Prevailing Regional Dualism: the Case of South Korea // *The Annals of Regional Science*. 2017. N 58. P. 209–233.

Message from President / Korean Regional Science Association. URL: <https://krsa83.or.kr/36> (date of access: 12.12.2020).

Message from the President / Korea Foundation. URL: <https://en.kf.or.kr/?menuno=3771> (date of access: 12.12.2020).

Min Sujin, Kim Juseong, Sawng Yeong-Wha. The Effect of Innovation Network Size and Public R&D Investment on Regional Innovation Efficiency // *Technological Forecasting & Social Change*. 2020. N 155. Article number 119998.

Mission / Center for International Affairs. URL: <https://www.aks.ac.kr/ikorea/com/cmm/EgovContentView.do?menuNo=1010120000&lang=eng> (date of access: 25.12.2020).

Mission&Vision / National Research Foundation of Korea. URL: <https://www.nrf.re.kr/eng/page/61b4e82e-d342-4bba-b3e3-d729d22d35b4> (date of access: 12.12.2020).

Moskowitz K. Korean Development and Korean Studies A Review Article // *Journal of Asian Studies*. 1982. Vol. XLII, N 1. P. 63–90.

Mullany F. The Symbolism of Korean Oriental Pictures. Folkestone, Kentucky: Global Oriental, 2005. 480 p.

Nahm A. C. *A Panorama of 5000 Years: Korean History*. Elizabeth, New Jersey : Hollym International Corp., 1983. 125 p.

Nahm A. C. *Introduction to Korean History and Culture*. Elizabeth, New Jersey – Seoul: Hollym International Corp., 1993. 391 p.

Nahm A. C. *Korea: Tradition and Transformation. A History of the Korean People*. Elizabeth, New Jersey – Seoul: Hollym International Corp., 1988. 583 p.

Northeast Asia Ripe for Integration? / Aggarwal V. K., Koo Min Gyo, Lee Seungjoo, Moon Chung-in. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. 268 p.

Oh Deog-Seong. *High-Technology and Regional Development Policy: An Evaluation of Korea's Technopolis Programme // Habitat International*. 1995. Vol. 19, N 3. P. 253–267.

Oh Deog-Seong. *Technology Based Regional Development Policy: Case Study of Taedok Science Town, Taejon Metropolitan City, Korea // Habitat International*. 2002. Vol. 26, N 2. P. 213–228.

Oh Deog-Seong, Kim Kyung-Bae, Jeong Sook-Young. *Eco-Industrial Park Design: a Daedeok Technovalley Case Study // Habitat International*. 2005. Vol. 29, N 2. P. 269–284.

Oh Deog-Seong, Lee Eung-Hyun. *Endogenous Development Strategy of Technopolis in Korea: Case of Daedeok INNOPOLIS // World Technopolis Review*. 2016. Vol. 5, N 1. P. 2–18.

Oppert E. J. *A Forbidden Land: Voyages to the Corea: with an Account of its Geography, History, Productions and Commercial Capabilities*. London : Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1880. 349 p.

Organization / Korean Regional Science Association. URL: <https://krsa83.or.kr/37> (date of access: 12.12.2020).

Osgood C. *The Koreans and Their Culture*. Tokyo: Charles E. Tuttle, 1963. 375 p.

Pang S. Y. *The Legacy of Horace Grant Underwood // International Bulletin of Missionary Research*. 2015. Vol. 39, N 3. P. 150–153.

Park Bae-Gyoon. *Territorialized Party Politics and the Politics of Local Economic Development: State-led Industrialization and Political Regionalism in South Korea // Political Geography*. 2003. N 22. P. 811–839.

Park Bae-Gyoon. *Uneven Development, Inter-scalar Tensions, and the Politics of Decentralization in South Korea // International Journal of Urban and Regional Research*. 2008. N 32.1. P. 40–59.

Park Chuhwan, Chung Mo, Lee Sukgyu. *The Effects of Oil Price on Regional Economies with Different Production Structures: A Case Study from Korea Using a Structural VAR Model // Energy Policy*. 2011. Vol. 39. P. 8185–8195.

Park Jinsoo. *Korea's Linkage Strategy between FTA Hub Policy and Middle Power Leadership in Regional Economic Integration // Asia Europe Journal*. 2015. N 13. P. 379–394.

Park Sam Ock. *Economic Spaces in the Pacific Rim: A Paradigm Shift and New Dynamics // Papers in Regional Science*. 2003. N 82. P. 223–247.

Park Sam Ock. Regional Innovation Strategies in the Knowledge-Based Economy // *GeoJournal*. 2001. N 53. P. 29–38.

Park Sam Ock. Regional Issues in the Pacific Rim // *Papers in Regional Science*. 2000. N 79. P. 333–342.

Park Sung-Hyun. A Strategic Approach to Policy Tasks for the Development of Korea's Island Areas // *Journal of Marine and Island Cultures*. 2016. Vol. 5. P. 14–21.

Past Conferences / The Association for Korean Studies in Europe. URL: <https://www.koreanstudies.eu/conferences/past-conferences/> (date of access: 12.12.2020).

Past Events / British Association for Korean Studies. URL: <http://www.baks.org.uk/wptest/past-events/> (date of access: 02.12.2020).

Prait K. *Everlasting Flower: A History of Korea*. London : Reaction Books Ltd., 2006. 320 p.

Pratt K. *Korean Music: Its History and Its Performance*. London : Faber Music Ltd. ; Seoul : Jung Eum Sa, 1987. 279 p.

Price D. *Between Two Seas: A Journey Into South Korea I* Photos by Jean-Francious Guerry. Seoul International Publ. House, 1988. 159 p.

Quantifying and Managing Regional Greenhouse Gas Emissions: Waste Sector of Daejeon, Korea / Yi Sora, Yang Heewon, Lee Seung Hoon, An Kyoung-Jin // *Journal of Environmental Sciences*. 2014. N 26. P. 1249–1259.

Rodríguez D. A., Kang Chang-Deok. A Typology of the Built Environment around Rail Stops in the Global Transitoriented City of Seoul, Korea // *Cities*. 2020. Vol. 100. Article number 102663.

Ross J. *History of Corea, Ancient and Modern; with Description of Manners and Customs, Language and Geography*. London: Elliot Stock, 62, Paternoster Row, 1891. 439 p.

Rutt R. A Biography of James Scarth Gale. URL: <http://anthony.sogang.ac.kr/Gale/RuttBio.pdf> (date of access: 12.12.2020).

Schmid A. Two Americans in Seul. Evaluating an Oriental Empire, 1905–1910 // *Korean Histories*. 2010. Iss. 2.2. P. 7–23.

School of Integrated Knowledge / Sogang University. URL: https://scc.sogang.ac.kr/www/undergraduate03_1.html (date of access: 25.12.2020).

Seth M. J. *A Concise History of Korea: From the Neolithic Period through the Nineteenth Century*. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006. 257 p.

Shah I. H., Dong Liang, Park Hung-Suck. Tracking Urban Sustainability Transition: An Eco-Efficiency Analysis on Eco-Industrial Development in Ulsan, Korea // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 262. Article number 121286.

Song Tae-Soo, Yang Min-Suk, Kim Chong Su. The Saemangeum Reclamation Project and Politics of Regionalism in South Korea // *Ocean & Coastal Management*. 2014. N 102. P. 594–603.

Spatial Modeling of Archaeological Site Locations Based on Summed Probability Distributions and Hot-Spot Analyses: A Case Study from the Three Kingdoms Period, Korea / Wright D. K., Kim Junkyu, Park Jiyoung,

Yang Jiwon, Kim Jangsuk // *Journal of Archaeological Science*. 2020. Vol. 113. P. 1–24.

Technopolis. *Best Practices for Science and Technology Cities* / ed. Oh Deog-Seong, Phillips F. London: Springer-Verlag, 2014. 506 p.

Temporal Dynamics of Urban Heat Island Correlated with the Socioeconomic Development over the Past Half-Century in Seoul, Korea / Hong Je-Woo, Hong Jinkyu, Kwon Eilhann E., Yoon D.K. // *Environmental Pollution*. 2019. N 254. Article number 112934.

Tennant C. R. *A History of Korea*. London ; New York : Kegan Paul International, 1996. 318 p.

The Bloomberg Innovation Index / Bloomberg the Company. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (date of access: 12.12.2020).

The Eighth Asian Seminar in Regional Science Program / The Applied Regional Science Conference. URL: http://www.arsc.org/asirs/program2018_jeju.pdf (date of access: 12.12.2020).

The Fourth Asian Seminar in Regional Science Program / The Applied Regional Science Conference. URL: http://www.arsc.org/asirs/Program2014_FV4.pdf (date of access: 12.12.2020).

The Graduate School of International Studies / Ewha Womans University. URL: <http://www.ewha.ac.kr/ewhaen/academics/gsis.do#menu> (date of access: 12.12.2020).

Wagner E. Notes on the Korean Studies Guide // *The Far Eastern Quarterly*. Feb., 1955. Vol. 14, N 2. P. 255–260.

What we do / Česko-korejská společnost. URL: <http://www.cks-korea.cz/what-we-do/> (date of access: 12.12.2020).

Yoo Seung-Hoon. Urban Water Consumption and Regional Economic Growth: The Case of Taejeon, Korea // *Water Resource Management*. 2007. N 21. P. 1353–1361.

Литература на немецком языке

Lautensach H. *Korea. Eine Landeskunde auf Grund eigener Reisen und Literatur*. Leipzig, 1945. 542 s.

Mission Statement / Profil / Die Deutsche Gesellschaft für Asienkunde. URL: <http://asienforschung.de/about/mission-statement/> (date of access: 12.12.2020).

Von Brandt M. *Ostasiatische Fragen – China, Japan, Korea – Altes und Neues*. Berlin : Gebrüder Paetel, 1897. 359 s.

Zaborowski H-Y. *Traditionnelles Puppentheater in Korea. Das Spiel von der Puppenfrau: Kkoktu kaksi norum*. Bochum : Deutsches Institut für Puppenspiel, 1981. 71 s.

Литература на французском языке

Alexandre Guillemoz / *Le Centre de Recherches sur la Corée*. URL: <http://crc.ehess.fr/index.php?181> (date of access: 11.12.2020).

Fabre A. *La grande histoire de la Corée*. Lausanne Paris, 1988. 378 p.

Литература на корейском языке

강성철 , 이기영 , 이종식 , 김도엽 부산의 지속가능성 분석: "부산의제 21"을 중심으로, 2006. URL: <http://www.papersearch.net/thesis/article.asp?key=2938060> (date of access: 25.12.2020)

김문수, 이학연, 최창우, 이성룡, 최경일, 전진우 국가연구개발 성과추적평가관리 시스템 모형 및 활용, 2008. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=node01213390> (date of access: 25.12.2020)

김형주, 이정협, 손동원 정부의 R&D 정책과 연구개발 네트워크의 구조 및 공간적 특성: 한국의 국가연구개발사업 사례를 중심으로. 2008. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE08950638> (date of access: 25.12.2020).

글로벌한국학전공 / Graduate School of International Studies, Dong-A University. URL: <http://gsis.donga.ac.kr/gsis/5322/subview.do> (date of access: 05.12.2020).

남진, 윤병훈, 박관우 도시성장단계평가를 통한 도시재생의 타당성 분석-차별적 도시화 모델과 순환적 도시화 모델 적용, 2015. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE06284662> (date of access: 25.12.2020).

류춘호 부산광역시(직할시) 체육 50 년과 도시발전 경로, 2015. URL: <http://www.papersearch.net/thesis/article.asp?key=3327870> (date of access: 25.12.2020).

박병식 한국 낙후지역 개발 정책의 추진과정과 개선방안, 2019. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09264757> (date of access: 25.12.2020).

반영운, 이재준, 김정곤, 오용선, 설영선, 최정석 기후변화에 대응한 국토 및 도시개발전략, 2008. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE01062125> (date of access: 25.12.2020).

박인서, 김성철 국가연구개발사업의 프로젝트 관리방법 적용에 관한 사례연구, 2015. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE07427493> (date of access: 25.12.2020).

박재욱, 정해용, 강문희 동북아 도시의 성장전략과 거버넌스 비교연구:부산·오사카·상하이를 중심으로, 2006. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE08996884> (date of access: 25.12.2020).

박헌준, 오세홍, 김상준 국가 연구개발 투자시스템의 레버리지 전략: 시스템 다이내믹스 접근, 2004. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE10424884> (date of access: 25.12.2020).

손정렬 새로운 도시성장 모형으로서의 네트워크 도시 - 형성과정, 공간구조, 관리 및 성장전망에 대한 연구동향, 2011. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE01642868> (date of access: 25.12.2020).

안재섭 도시재생의 지속가능성에 관한 연구, 2011. URL: <http://www.papersearch.net/thesis/article.asp?key=2947866> (date of access: 25.12.2020).

이미홍, 김륜희 통합 지역개발제도의 의미와 향후 전망, 2017. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07271927> (date of access: 25.12.2020).

이병호, 김가연, 박민근 지역개발과 삶의 질 신도시 여부가 삶의 만족도에 주는 영향, 2018. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07540282> (date of access: 25.12.2020).

임은선, 이종열, 이희연 도시성장관리를 위한 공간구조의 확산·압축패턴 측정, 2006. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE01173943> (date of access: 25.12.2020).

우양호 항만이 해항도시의 경제성장애 미치는 효과 - 부산과 인천의 사례(1985-2007), 2009. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE01754567> (date of access: 25.12.2020).

황석원, 안두현, 최승현, 권성훈, 천동필, 김아름, 박중혜 국가연구개발사업 R&D 효율성 분석 및 제고방안, 2009. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE06286111>(date of access: 25.12.2020).

홍영록, 권상준, 명현 지속가능성을 위한 도시재생 계획요소에 관한 연구, 1999. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE09603426> (date of access: 25.12.2020).

НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ И ВУЗЫ КОРЕИ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

Научный центр / мероприятие	Год основания	Официальный сайт
Институт развития Кореи (Korea Development Institute)	1971	https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/main/main.jsp
Корейская ассоциация региональной науки (Korean Regional Science Association)	1983	https://krsa83.or.kr
Коференция по прикладной региональной науке (The Applied Regional Science Conference)	1987	http://www.arsc.org/en/index.html
Корейский фонд (Korea Foundation)	1991	https://en.kf.or.kr/
Институт корееведения (The Korean Studies Institute)	1995	http://www.koreastudy.or.kr/en/pubConts.do
Национальный исследовательский фонд Кореи (National Research Foundation of Korea)	2009	https://www.nrf.re.kr/eng/index
Азиатский семинар, Азиатская конференция по региональной науке (Asian Seminar, Asian Conference in Regional Science)	2010	http://www.arsc.org/en/index.html
Высшее учебное заведение	Год основания	Официальный сайт
Женский университет Ихва (Ewha Womans University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа международных исследований (Graduate School of International Studies)</i> 	1886	http://www.ewha.ac.kr/ewha/index.do
	1997	http://www.ewha.ac.kr/ewha/en/academics/gsis.do#menu
Университет Корё (Korea University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа международных исследований (Graduate School of International Studies)</i> 	1905	http://www.korea.edu/mbshome/mbs/en/index.do
	1991	http://int.korea.edu/kuis/index.do
Университет Ханянг (Hanyang University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа международных исследований (Graduate School of International Studies),</i> • <i>Азиатско-Тихоокеанский исследовательский центр (Asia-Pacific Research Center),</i> • <i>«Журнал евразийских исследований» (Journal of Eurasian Studies),</i> • <i>Институт китаеведения (Institute of Chinese Studies)</i> 	1939	https://www.hanyang.ac.kr/web/eng/home/
	1997	http://gsis.hanyang.ac.kr/eng/index.php
	1997	http://gsis.hanyang.ac.kr/eng/sub/sub05_01.php
	2010	https://journals.sagepub.com/home/ens
	1974	http://gsis.hanyang.ac.kr/eng/sub/sub05_02.php

Университет Пусана (Pusan National University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа международных исследований (Graduate School of International Studies)</i> 	1946	http://www.pusan.ac.kr/eng/Main.do
	1997	https://gsis.pusan.ac.kr/gsiseng/index..do
Сеульский университет (Seoul National University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа международных исследований (Graduate School of International Studies)</i> 	1946	https://en.snu.ac.kr/index.html
	2003	https://gsis.snu.ac.kr
Университет Донг-а (Dong-A University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа международных исследований (Graduate School of International Studies)</i> 	1946	https://english.donga.ac.kr/sites/english/index.do
	1999	http://gsis.donga.ac.kr/gsis/index.do
Университет иностранных языков Хангук (Hankuk University of Foreign Studies): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа международных и региональных исследований (Graduate School of International and Area Studies)</i> 	1954	http://builder.hufs.ac.kr/user/hufsenhlish/
	1996	https://builder.hufs.ac.kr/user/hufsenhlish/gra_3.jsp
Университет Ёнсе (Yonsei University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа международных и региональных исследований (Graduate School of International Studies)</i> 	1957	https://www.yonsei.ac.kr/en_sc/
	1987	https://gsis.yonsei.ac.kr/main/default.asp
Университет Соганг (Sogang University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа международных и региональных исследований (Graduate School of International Studies)</i> 	1960	https://www.sogang.ac.kr/www/index_new.html
	1997	https://www.sogang.ac.kr/www/graduate_02_00_2.html
Академия корееведения (Academy of Korean Studies): <ul style="list-style-type: none"> • <i>журнал Korea Journal,</i> • <i>Высшая школа корееведения (Graduate School of Korean Studies),</i> • <i>журнал The Review of Korean Studies,</i> • <i>Центр международных отношений (Center for International Affairs)</i> 	1978	http://intl.aks.ac.kr/english/portal.php
	1961	https://www.aks.ac.kr/cop/bbs/selectBoardList.do?bbsId=BBSMSTR_00000000040&menuNo=2010124100
	1980	http://intl.aks.ac.kr/english/viewforum.php?f=18
	1998	https://www.aks.ac.kr/cop/bbs/selectBoardList.do?bbsId=BBSMSTR_00000000019&menuNo=2010123100
	2003	https://www.aks.ac.kr/ikorea/index.do?lang=eng

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**РОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ,
ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ИЗУЧЕНИЕМ КОРЕИ**

Научный центр	Год основания	Официальный сайт
Институт востоковедения РАН: • <i>Отдел Кореи и Монголии</i>	1818	https://www.ivran.ru/ https://www.ivran.ru/korea-mongolia-department
Институт мировой экономики и международных отношений: • <i>Центр азиатско-тихоокеанских исследований</i>	1956	https://www.imemo.ru/ https://www.imemo.ru/about/structure/asia-pacific-studies
Международный центр корееведения МГУ	1991	http://www.icfks.narod.ru
Центр корейских исследований ИДВ РАН	1994	http://www.ifes-ras.ru/structure/center-korea
Центр корееведческих исследований Дальневосточного федерального университета	1999	https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/structure/centre_of_korean_studies/about-the-center/
Российская ассоциация университетского корееведения	2007	http://www.rauk.ru
Центр исследований Кореи «Корееведение» Казанского федерального университета	2007	https://kpfu.ru/imoiv/nauchno-issledovatel'skaya-rabota/nauchno-obrazovatelnye-centry-i-laboratorii/nauchnye-centry/centry/centr-koreevedeniya
Журнал «Вестник российского корееведения»	2009	https://vestnik-rk.wixsite.com/anthology
Институт междисциплинарных исследований Кореи	2013	http://korea.spbu.ru
Центр востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии	2014	http://vostis.ru

**ЗАПАДНЫЕ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ,
ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ИЗУЧЕНИЕМ КОРЕИ**

Научный центр	Страна	Год основания	Официальный сайт
Ассоциация азиатских исследований (Association for Asian Studies): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Комитет по корееведению (Committee on Korean Studies)</i> 	США	1941	https://www.asianstudies.org
		1968	http://www.koreanstudies.org
Корейское сообщество (The Korea Society)	США	1957	https://www.koreasociety.org
Немецкая ассоциация азиатских исследований (Die Deutsche Gesellschaft für Asienkunde)	Германия	1967	http://asienforschung.de
Ассоциация корееведения в Европе (The Association for Korean Studies in Europe)	Европейские страны	1977	https://www.koreanstudies.eu
Историческое общество американских корейцев (Korean American Historical Society)	США	1985	https://www.kahs.org
Французская ассоциация корееведения (Association Française Pour l'Etude de la Corée)	Франция	1986	https://afpec2014.wordpress.com
Британская ассоциация корееведения (British Association for Korean Studies)	Великобритания	Конец 1980-х	http://www.baks.org.uk/wptest/
Чешско-корейское общество (Česko-korejská společnost)	Чехия	1990	http://www.cks-korea.cz
Международный институт азиатских исследований (The International Institute for Asian Studies)	Нидерланды	1993	https://www.iias.asia
Высшая школа социальных наук (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Центр по исследованиям Кореи (Le Centre de Recherches sur la Corée)</i> 	Франция	1975	https://www.ehess.fr/fr
		1998	http://crc.ehess.fr/index.php?79
Европейский журнал по корееведению (European Journal of Korean Studies (ранее Papers of the British Association for Korean Studies))	Великобритания	2016	https://www.ejks.org.uk

**ЗАПАДНЫЕ ВУЗЫ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ИЗУЧЕНИЕМ
КОРЕЕВЕДЕНИЯ**

Высшее учебное заведение	Страна	Название образовательной программы (при наличии)	Официальный сайт
Свободный университет Берлина (Freie Universität Berlin): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Высшая школа востоčnoазиатских исследований (Graduate School of East Asian Studies)</i> 	Германия	Востоčnoазиатские исследования (Китай, Япония, Корея)	https://www.fu-berlin.de/en/ http://www.geas.fu-berlin.de/index.html
Университет Джорджа Вашингтона (George Washington University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Институт корееведения (Institute for Korean Studies)</i> 	США	Корееведение	https://www.gwu.edu/ https://nrc.elliott.gwu.edu/gw-institute-for-korean-studies/
Университет Британской Колумбии (University of British Columbia) <ul style="list-style-type: none"> • <i>Центр корейских исследований (Centre for Korean Research)</i> 	Канада	Азиатские региональные исследования	https://www.ubc.ca/ https://ckr.iar.ubc.ca/
Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (University of California, Los Angeles): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Центр корееведения (Center for Korean Studies)</i> 	США	Корееведение	https://www.ucla.edu/ https://www.international.ucla.edu/korea/
Калифорнийский университет в Беркли (University of California, Berkeley): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Институт востоčnoазиатских исследований (Institute of East Asian Studies),</i> • <i>Центр корееведения (Center for Korean Studies)</i> 	США	–	https://www.berkeley.edu/ https://ieas.berkeley.edu/ https://ieas.berkeley.edu/cks/
Чикагский университет (University of Chicago): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Центр востоčnoазиатских исследований (Center for East Asian Studies),</i> • <i>Комитет по корееведению (Committee on Korean Studies)</i> 	США	–	https://www.uchicago.edu/ https://ceas.uchicago.edu/ https://ceas.uchicago.edu/content/committee-korean-studies

Колумбийский университет (Columbia University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Центр корейских исследований (Center for Korean Research)</i> 	США	Восточноазиатские исследования; корееведение	https://www.columbia.edu/ http://ckr.weai.columbia.edu/
Гарвардский университет (Harvard University)	США	Региональные исследования (Восточная Азия); восточноазиатские языки и цивилизации	https://www.harvard.edu/
Университет Индианы (Indiana University): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Институт корееведения (Institute for Korean Studies)</i> 	США	Корееведение	https://www.iu.edu/index.html https://iks.indiana.edu/index.html
Католический университет Лёвен (Katholieke Universiteit Leuven): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Центр корееведения (Center for Korean Studies)</i> 	Бельгия	Корееведение	https://www.kuleuven.be/english/ https://www.arts.kuleuven.be/koreanstudies
Школа восточных и африканских исследований Лондонского университета (School of Oriental and African Studies University of London): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Центр корееведения (Centre of Korean Studies)</i> 	Великобритания	Восточноазиатские исследования; корееведение	https://www.soas.ac.uk/ https://www.soas.ac.uk/koreanstudies/
Мичиганский университет (University of Michigan): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Центр корееведения и.м. Нама (The Nam Center for Korean Studies)</i> 	США	Азиатские исследования	https://umich.edu/ https://ii.umich.edu/ncks
Университет Пенсильвании (University of Pennsylvania): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Центр восточноазиатских исследований (Center for East Asian Studies)</i> 	США	Восточноазиатские региональные исследования; корееведение	https://www.upenn.edu/ https://ceas.sas.upenn.edu/
Университет Шеффилд (University of Sheffield): <ul style="list-style-type: none"> • <i>Школа восточноазиатских исследований (School of East Asian Studies)</i> 	Великобритания	Корееведение	https://www.sheffield.ac.uk/ https://www.sheffield.ac.uk/seas
Университет центрального Ланкашира (University of Central Lancashire):	Великобритания	Северокорейские исследования	https://www.uclan.ac.uk/

<ul style="list-style-type: none"> ● <i>Международный институт корееведения (International Institute of Korean Studies)</i> 			https://www.uclan.ac.uk/schools/international-institute-of-korean-studies
<p>Университет Торонто (University of Toronto):</p> <ul style="list-style-type: none"> ● <i>Институт Азии (Asian Institute),</i> ● <i>Центр изучения Кореи (Centre for the Study of Korea)</i> 	Канада	Восточноазиатские исследования	https://www.utoronto.ca/ https://munkschool.utoronto.ca/ai/ https://munkschool.utoronto.ca/csk/

Научное издание

Кузнецова Ольга Владимировна

**КОРЕЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ:
МИР О КОРЕЕ И КОРЕЯ О МИРЕ**

ISBN 978-5-9624-1910-7

Редактор А. Н. Шестакова
Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2020. Поз. 128
Подписано в печать 26.12.2020. Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 12,1. Тираж 125 экз. Заказ 145

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124